

2020 № 1

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Бурцев А.О., Дашко М.Н., Ефимкина Н.В.

Исследование компонентов управленческого потенциала руководителей территориальных органов МВД России.....1-17

Виноградов М.В., Ульянина О.А.

Психологические аспекты информационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел.....18-29

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.

Психодиагностика полового самосознания и установок межличностного взаимодействия в практике принудительного лечения больных с педофилией и коморбидными психическими расстройствами.....30-43

Дворянчиков Н.В., Журавлева Е.Р.

Возможности использования типологического подхода при расследовании серийных преступлений сексуального характера.....44-54

Драпезо Р.Г., Гольдшмидт Е.С.

Социально-криминалистический профиль индивидуальности убийц, применяющих огонь как орудие (способ) сокрытия преступления.....55-72

Евсеева О.Е., Николаев А.Ю.

Выявление скрываемой информации у акцентуированных личностей как проблема прикладной психофизиологии.....73-83

Смирнов А.М.

Самосуд как индикатор деструктивных процессов в современном российском обществе.....84-91

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ | THE PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Бочкова М.Н.

Эмоциональный интеллект и креативность: связь и взаимодействие на примере разных категорий осужденных.....92-102

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ | JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Иванова О.И., Бусарова О.Р.

Особенности копинг-стратегий старших подростков из неполных семей.....103-115

Григорьева А.А., Гавриченко А.А.

Употребление подростками психоактивных веществ при разных видах аутоагрессивного поведения.....116-122

Медведева А.С.

Реакции детей и подростков на сексуальный онлайн груминг.....123-132

Čunichina K., Valiskas G., Naviskas V., Pakalniškienė V.

The image of judges and courts perceived by children.....133-142

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS
OF LEGAL PSYCHOLOGY

Ильина В.А.

Онтологический подход к познанию системы ценностей юридической психологии.....143-151

Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В.

Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования.....152-164

ПРАВОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ | LEGAL PSYCHOLOGY

Круковский В.Е., Мосечкин И.Н.

О формах нефизического (психологического) насилия в уголовном законодательстве России.....165-176

Уважаемые читатели!

Представляем первый в 2020 году выпуск журнала «Психология и право». Тема номера «Психология расследования и предупреждения преступлений». Эффективное расследование преступлений всегда опиралось на информацию психологического характера. Современные психологические методики расследования преступлений, психология преступного поведения, профилактика рецидивной преступности, об этом и много м другом авторы тематического номера расскажут на страницах нашего журнала.

В рубрике «Судебная и клиническая психология в юридическом контексте» исследователи остановили свое внимание на проблемах преступлений сексуального характера, психологических аспектах их коррекции и профилактики.

Отдельное внимание уделено расследованию серийных преступлений, преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия. Психологи, интересующиеся совершением преступлений в отношении детей, смогут ознакомиться с материалами, посвященными онлайн грумингу. Представлено исследование такой не теряющей своей актуальности в российском обществе проблемы как самосудных расправ над причинителями вреда.

Традиционно представлены методологические исследования юридической психологии. Отражены отдельные результаты процесса познания системы ценностей юридической психологии, систематизирована методология изучения феномена социального ostracism, проанализированы формы нефизического насилия, закрепленные в статьях Особенной части УК РФ.

Вызовы современного и активно меняющегося общества ставят новые задачи, в том числе и перед юридическими психологами. На страницах нашего журнала мы продолжаем публиковать результаты востребованных практических разработок по юридической психологии, с готовностью отвечая на поставленные обществом задачи!

Искренне ваша,
Редакция журнала «Психология и право»

Исследование компонентов управленческого потенциала руководителей территориальных органов МВД России

Бурцев А. О.

Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1279-5720>, e-mail: burcev_anton@bk.ru

Дашко М. Н.,

Департамент государственной службы и кадров МВД России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6761-5937>, e-mail: m.n.dashko@gmail.com

Ефимкина Н. В.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6384-4866>, e-mail: e_n_v@inbox.ru

Основная задача Министерства внутренних дел Российской Федерации — поддержание правопорядка внутри страны, поэтому изучение проблем совершенствования профессионального развития управленческих кадров в системе МВД России требует особого, очень тщательного изучения. В данной статье основной акцент сделан на психолого-педагогической основе этого процесса, которая, на наш взгляд, является одним из приоритетных направлений исследования. С целью совершенствования профессионального развития управленческих кадров в системе МВД России автор использовал методику, адаптированную для работы с руководящими кадрами органов внутренних дел, — Калифорнийский личностный опросник «СРІ», который позволяет выявить социально-психологический потенциал личности и его отдельные составляющие (компоненты) — личностные черты, способствующие социально значимым достижениям [1].

Обращает на себя внимание тот факт, что проблема управленческого потенциала в органах внутренних дел пока раскрыта не до конца и полностью не отражает настоящую действительность в области современного менеджмента и института управления. Следовательно, тема нашего исследования остается не только актуальной, но и полностью не раскрытой.

Ключевые слова: психолого-управленческий потенциал, компоненты психологического потенциала, индивидуально-психологические особенности, личностные качества сотрудника полиции, руководители территориальных органов МВД России.

Для цитаты: Бурцев А.О., Дашко М.Н., Ефимкина Н.В. Исследование компонентов управленческого потенциала руководителей территориальных органов МВД России [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 1-17. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100101>

Бурцев А.О., Дашко М.Н., Ефимкина Н.В.
Исследование компонентов управленческого потенциала
руководителей территориальных органов МВД России.
Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 1–17.

Burtsev A.O., Dashko M.N., Efimkina N.V.
Research on management capacity components of heads of
territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Psychology and Law 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 1–17.

Research on management capacity components of heads of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Anton O. Burtsev

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1279-5720>, e-mail: burcev_anton@bk.ru

Mikhail N. Dashko

Department of Public Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6761-5937>, e-mail: m.n.dashko@gmail.com

Nadezhda V. Efimkina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6384-4866>, e-mail: e_n_v@inbox.ru

The key objective of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation is law enforcement within the country. Therefore, studying the problems of improving the professional development of managerial personnel in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia requires a thorough study. This article focuses on the psychological and educational basis of the process, which, in the authors' opinion, is one of the research priorities. Methods used: the California CPI personality questionnaire (a methodology adapted for working with senior personnel of the Internal Affairs bodies) which allows to identify the socio-psychological potential of an officer and his individual components - personality traits contributing to socially significant achievements [1]. It is important to note that the problem of managerial potential in the internal affairs bodies is still under development. Consequently, the topic of the study remains very relevant as well as not entirely worked out.

Keywords: psychological and managerial potential, components of psychological potential, individual psychological characteristics, personal qualities of a police officer, heads of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

For citation: Burtsev A.O., Dashko M.N., Efimkina N.V. Research on management capacity components of heads of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Psikhologiya i pravo*, 2020. Vol. 10, no. 1. p.1-17. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100101>

Министерством внутренних дел Российской Федерации проводится большая работа, направленная на совершенствование профессионального развития управленческих кадров в системе МВД России, повышение качества обучения. Активно внедряются информационно-коммуникационные технологии в познавательную деятельность, совершенствуется порядок организации и проведения всех видов практик в целях повышения эффективности профессионально-практической подготовки обучающихся.

Однако зачастую сотрудники полиции, пребывающие на обучение, не обладающие должным руководящим опытом, интеллектуальным потенциалом, необходимыми морально-нравственными качествами и изначально не рассматриваются в качестве возможных кандидатов

на вышестоящие должности. Отдельные сотрудники, убывая на учебу, в дальнейшем не рассматривают вариантов возвращения в комплектуемый орган.

Серьезную озабоченность вызывают факты направления на обучение сотрудников, замещающих должности, не связанные с руководящими функциями (штабные, тыловые, кадровые и др.), а также имеющих непродолжительный стаж службы в органах внутренних дел.

В связи с этим целью нашего исследования является совершенствование профессионального развития управленческих кадров в системе МВД России. Для реализации поставленной цели использовалась методика, адаптированная специально для применения в работе с руководящими кадрами органов внутренних дел, — Калифорнийский личностный опросник «СРІ», который позволяет выявить социально-психологический потенциал личности и его отдельные составляющие (компоненты) — личностные черты, способствующие социально значимым достижениям. В данной методике и в процессе исследования анализ проводился по 10 компонентам. В результате проведенного исследования выявлены индивидуально-психологические особенности успевающих и неуспевающих руководителей.

Эмпирическое исследование проводилось с 2014 по 2019 г. Исследование проводилось в несколько этапов. На начальном этапе, на момент поступления слушателей в вуз (на первом году обучения), проводилось анкетирование и тестирование (по указанной выше методике). Далее проводилось тестирование по методике «СРІ» на момент окончания вуза, т. е. после двух лет обучения слушателей. Результаты, полученные в ходе нашего исследования, следует считать достоверными, так как нами применялся валидный методический и инструментальный комплекс психологического обследования, направленный на изучение устойчивых личностных качеств. В качестве экспериментальной базы выступило одно из ведущих учебных заведений системы МВД России (название вуза не указываем по этическим соображениям), где обучают руководителей (начальников) территориальных органов МВД России. Экспериментальная выборка составила более 500 слушателей.

Управленческий потенциал — тема не новая, ее разработкой занимались многие авторы, как отечественные (Л.М. Колодкин, В.И. Казанцев, О.Н. Роша, И.О. Котенев, М.И. Марьин, В.М. Поздняков, В.Е. Петров, В.В. Вахнина, Е.А. Николаенко, В.М. Крук, И.Н. Носс, Н.Ю. Портягина, Л.Е. Киселева, Н.А. Воронов, Ф. Е. Удалов, Н. А. Ягунова и др.[5,7,8]), так и зарубежные (А. Маслоу, Ч. Барнард, Д. Мак-Грегор, Ф. Хернцберг и др.). В области карьеры и лидерства данная проблематика была освещена в работах В.Н. Бушкевича, В.А. Дроздова, Д.М. Иванцевича, А.А. Лобанова, В.И. Лукьяненко, Е.Ф. Яськова и др. [11].

Прежде чем перейти к описанию эмпирического исследования, приведем несколько анкетных вопросов, которые помогут дополнить общую картину управленческого потенциала руководителей органов внутренних дел, а главное, раскрыть фактические мотивы занятия вышестоящей должности и поступления в соответствующее учебное заведение.

Первый вопрос анкеты был следующим: «Какие факторы определяют Ваше стремление занять вышестоящую должность?» Отвечая на него, респондент отмечал факторы-мотивы, располагая их в ряд по важности (при необходимости дополняя перечень).

В процессе анализа были получены следующие факторы-мотивы:

- иметь решающее слово при принятии решений и осуществлять свой стиль руководства — 37%;
- повышать общественный статус — 25%;
- заниматься решением управленческих проблем — 19%.

Методика обобщения ответов респондентов была следующей: проранжированные в анкете факторы обобщались и усреднялись, в итоге выявлялась приоритетная уже для всей выборки тройка таких факторов.

Следующий вопрос в анкете касался резерва кадров: «Является ли использование института кадрового резерва в МВД России эффективным средством управления служебно-профессиональным продвижением руководителя?». На него получены такие ответы:

- да, это эффективное средство — 46%;
- нет, средство неэффективное — 36%;
- затрудняюсь ответить — 18%.

Мнения «за» и «против» разделились практически поровну (при некотором перевесе «за»). Симптоматично, что многие затруднились с ответом [13].

Опрошенные нами сотрудники и слушатели системы МВД России считают, что использование института кадрового резерва позволяет:

- заранее учесть изменения в требованиях к занятию руководящих должностей — 39% респондентов;
- сделать планомерной и эффективной работу по подбору и расстановке кадров — 91%;
- свести к минимуму случайность, субъективизм, протекционизм при назначении на руководящие должности — 24%.

82,3% опрошенных отметили, что наилучшим видом изучения кандидатов на руководящую должность является стажировка в должности; 41,2% — участие в составе инспекторских проверок; 20,2% — привлечение сотрудников к подготовке нормативных актов и т. п.; 11,1% — выполнение разовых поручений; 8,1% — участие в учениях, учебно-методических сборах и т. д.

Особое значение для службы имеет индивидуальное планирование карьеры. Для выяснения мнения респондентов по этому поводу в анкете было поставлено несколько вопросов.

На первый из них: «Какого рода служебную карьеру Вы планируете?» — получены такие ответы:

- планирую карьеру по вертикали, т. е. стремлюсь к продвижению вверх по служебной лестнице — 91%;
- планирую карьеру по горизонтали, т. е. предполагаю специализироваться по избранному направлению, что для меня, как правило, важнее вертикального роста, но по другому направлению — 53%;
- вообще не планирую карьеру — 11%.

Таким образом, опрошенные сотрудники разделяются на две группы: большую (планирующих свою карьеру) и маленькую (тех, кто этого не делает).

Отвечая на вопрос: «На какую вышестоящую должность предполагаете перейти в обозримом будущем?» — респонденты указали:

- специалист по тому же направлению — 36%;
- специалист, но со смежной специализацией — 9%;
- руководитель — специализация при этом уже не столь важна — 56%.

Итак, абсолютное большинство тех, кто планирует карьеру по вертикали, видят себя, в первую очередь, именно руководителями, а лишь затем специалистами по определенному (и то необязательно) направлению [10].

Вопрос: «Если планируете службу, то на какой срок?» дал следующие результаты:

- на непродолжительный период (до 5 лет) — 56% респондентов;
- на достаточно продолжительный период (до 10 лет) — 44%.

Тех, кто планирует служить не более чем 5 лет, в 1,5 раза больше тех, кто строит долговременные планы. Можно предположить, что такие результаты обусловлены тем, что на обучение руководителей (начальников) территориальных органов МВД России отправляют в более зрелом возрасте и с достаточно большой выслугой. Такое соотношение отражает общую нестабильность общества и условий деятельности в системе МВД России.

На вопрос: «В чем конкретно выражается планирование Вашей служебной карьеры?» респонденты ответили:

- продумываю детальный индивидуальный план, отражающий продвижение в должностном и профессиональном отношении — 26%;
- продумываю карьерную стратегию, но без особой детализации, намечаю основные цели на ближайшее будущее вообще и основные ближайшие цели — 46%;
- при планировании ограничиваюсь тем, что намечаю приоритеты для своей служебной карьеры — 28%.

Как видим, руководителей, осуществляющих детальное планирование, примерно столько же, сколько и тех, кто ограничивается определением приоритетов, — каждая из долей несколько превышает четвертую часть числа всех руководителей [4].

Ответы на вопрос: «Ведется ли работа с Вами на основе принципов гласности, планомерности, обязательности исполнения, контроля или же она организована формально и не влияет на служебную карьеру руководителя?» — распределились следующим образом:

- да, работа ведется формально — 40% респондентов;
- работа проводится только ради отчета перед вышестоящим органом — 19%;
- руководитель, имеющий право назначать на должность, игнорирует кадровый резерв, принимает субъективные решения — 40%.

Анализ основных организационных форм управления служебной карьерой сотрудников МВД России показывает, что существенное значение имеют изменения места и роли кадровых аппаратов в этом процессе. Прежде всего, важно оценить, в какой мере кадровые аппараты влияют на формирование служебной карьеры сотрудников МВД России. Ответы на вопрос были такими:

- кадровые аппараты никакой роли не играют — 13% респондентов;
- роль кадров ограничивается оформлением документов — 55%;
- они подбирают кандидатов на руководящие должности — 26%;
- дают консультации руководству по вопросам подбора кадров — 31%.

Первый и второй варианты ответов говорят о чисто оформительской, технической роли кадровых аппаратов, которые если и могут повлиять на карьеру, то только негативно (неточно составить документ, не туда подшить важный личный документ сотрудника и т. п.) [16, 19].

Для совершенствования указанного организационного и правового обеспечения респондентами было предложено следующее:

- точно сформулировать цели и задачи управления служебной карьерой — 31%;
- определить основные направления деятельности органов МВД России по управлению служебной карьерой сотрудников — 17%;
- использовать современные методики по выявлению потенциала сотрудников (профессиональные, деловые и личностные качества) для использования в служебной деятельности — 58%.

Из приведенных данных следует, что более половины опрошенных считают необходимым закрепить в нормативных документах правила применения современных методик, которые должны защитить сотрудников от субъективизма и некомпетентности в вопросах управления служебно-профессиональным продвижением [6].

Несомненно, что в вопросе совершенствования управления продвижением по службе руководителей органов внутренних дел нельзя оставить без внимания такие явления, как текучесть кадров и сменяемость личного состава, что связано с низким уровнем материального обеспечения и социальных гарантий сотрудников. Однако проведенный опрос позволил получить неожиданные результаты о факторах, определяющих мотивацию сотрудников МВД России на занятие должности руководителя. Выяснилось, что преобладают отнюдь не материальные интересы, а профессиональные знания и опыт организаторской работы, что важно учитывать при организации

управления служебно-профессиональным продвижением [3].

В период обучения слушателей с использованием различных интеллектуальных и личностных методик, адаптированных для работы с руководящими кадрами органов внутренних дел, с целью совершенствования форм и методов подготовки руководящих кадров в вузе в 2014—2019 гг. было проведено исследование среди действующих или будущих руководителей по изучению важных для их обучения и последующей профессиональной деятельности качеств личности.

Анализ объективных параметров анкетных данных начали с возраста и стажа службы в органах внутренних дел. Из числа слушателей, получивших сниженные итоговые показатели, 8,8% составили лица в возрасте от 30 до 35 лет, 10,7% — от 36 до 40 лет; 4,9% — от 41 до 50 лет (рис. 1). Стаж службы в органах внутренних дел: 9,8% — 16—20 лет; 7,8% — 11—15 лет; 5,8% — 21—25 лет; по 0,9% — от 5 до 10 лет (рис. 2).

Рис 1. Средние показатели возраста слушателей

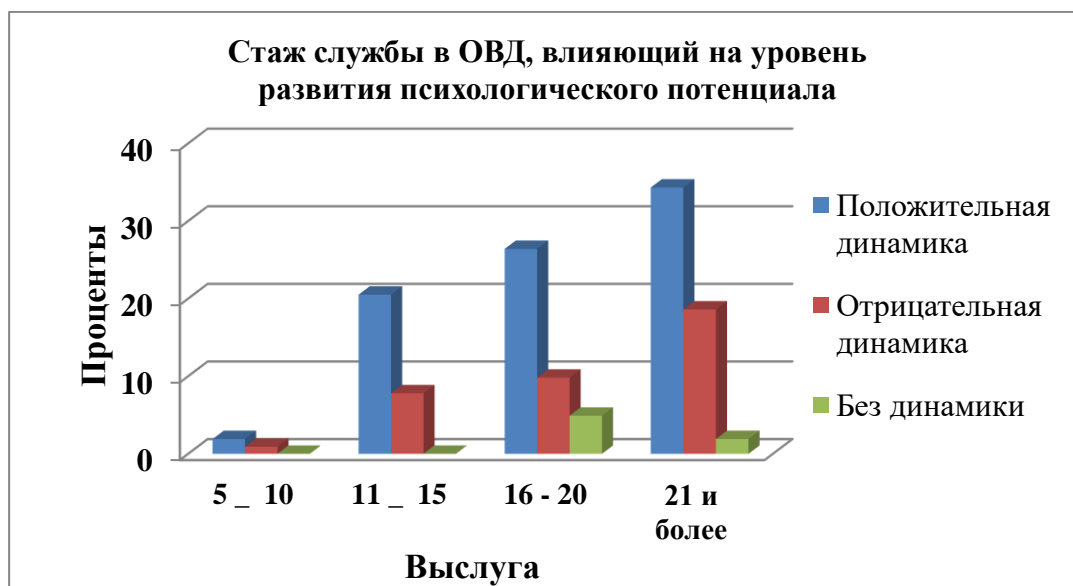

Рис 2. Средние показатели стажа службы слушателей

На рис. 2 показано, что среди слушателей, получивших повышение итоговых показателей, самая активная возрастная категория (36,2%) — в диапазоне от 36 до 40 лет, стаж службы — от 16 до 20 лет (26,4%).

Интерпретация результатов тестирования позволила отнести респондентов к одному из четырех личностных типов и определить стратегию их самореализации: среди них доминирует психологический тип «Альфа» (92%), наиболее благоприятный для выполнения оперативно-служебных задач на руководящей должности (рис. 3).

Рис 3. Показатели типов личности слушателей (в интерпретации методики CPI)

Более детально представим средние результаты исследований развития управленческого потенциала слушателей в ходе обучения за последние 5 лет (данные с 2014 по 2019 г.).

Так, с 2013 по 2015 г. изменения ($p < 0,5$ стандартизованного балла) произошли по трем показателям: «Организаторские способности, включая самоорганизованность», оценивает способность к лидерству, доминирование, настойчивость, социальную инициативу; «Эмоциональная стабильность», отражает уровень адекватности, саморегуляции, самоконтроля, свободы от импульсивности и эгоцентричности; «Социальная ответственность», определяет уровень (степень) социальной зрелости, правильности и честности, достигнутых данным индивидуумом. По всем остальным компонентам психологического потенциала наблюдается незначительное повышение средних значений за время обучения в вузе.

Сравнение уровней выраженности компонентов психологического потенциала у слушателей на момент поступления (2013 год) и на момент выпуска (2015 год) по статистическому критерию для связанных выборок представлено в табл. 1 и на рис. 4.

Таблица 1

Показатели	Мл	Иэ	Ос	Эс	Кн	Со	Тд	То	Нс	Пс
2013 год	5,9	5,8	5,5	4,5	6,4	4,9	5,2	4,8	6,5	4,8
2015 год	6,6	5,9	6,3	5,3	6,4	5,8	5,8	5,4	6,8	5,4

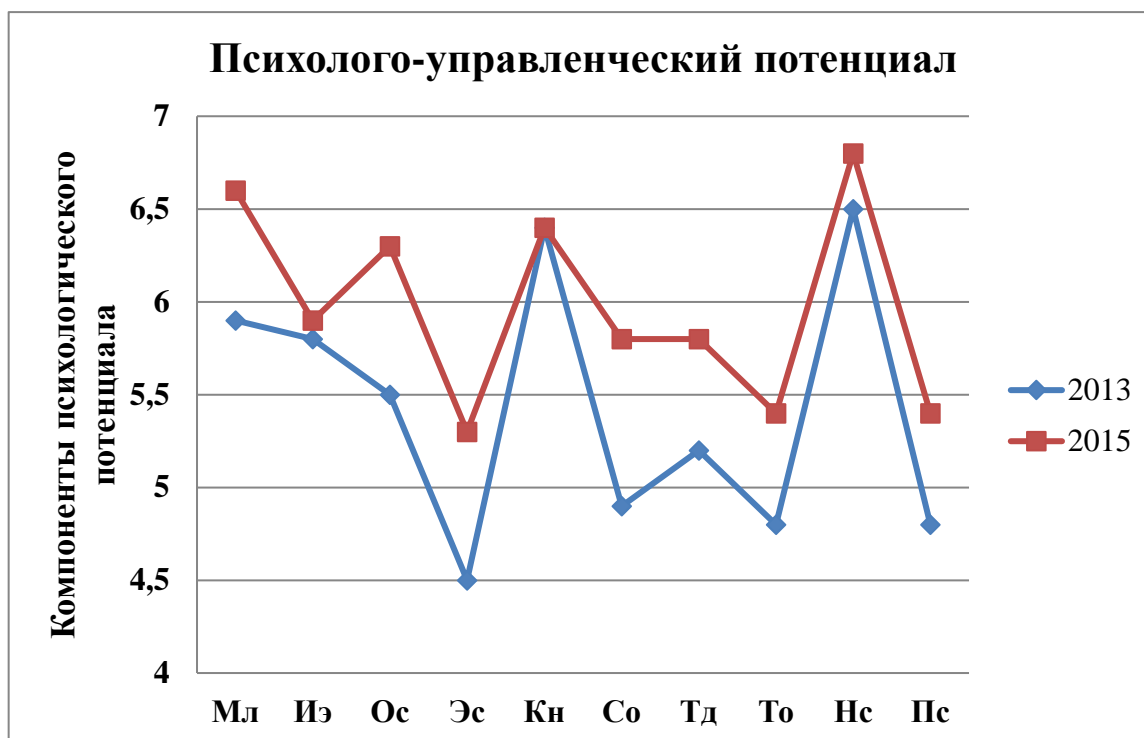

Рис. 4. Уровень выраженности компонентов психологического потенциала у слушателей

В период обучения в вузе с 2014 по 2016 г. изменения ($p < 0,5$ стандартизованного балла) произошли по трем шкалам: «Интеллектуальная эффективность», отражает готовность к усвоению новых знаний и склонность к интеллектуально насыщенным видам деятельности; «Независимость, самостоятельность», определяет уровень способности индивида к самостоятельности, самодостаточности личности, независимости, настойчивости в повседневной продуктивной деятельности; «Понимание и сопереживание, отсутствие эгоцентризма», устанавливает степень, в которой индивидуум интересуется внутренними потребностями, мотивами и переживаниями других людей. Сравнение уровней выраженности компонентов психологического потенциала отражены в табл. 2 и на рис. 5.

Таблица 2

Показатели	Мл	Иэ	Ос	Эс	Кн	Со	Тд	То	Нс	Пс
2014 год	6,2	5,1	6,1	5,4	6,2	6	5,8	5,5	6,4	5,4
2016 год	6,5	6	6,4	5	6	6,1	5,9	5,8	7,1	5,9

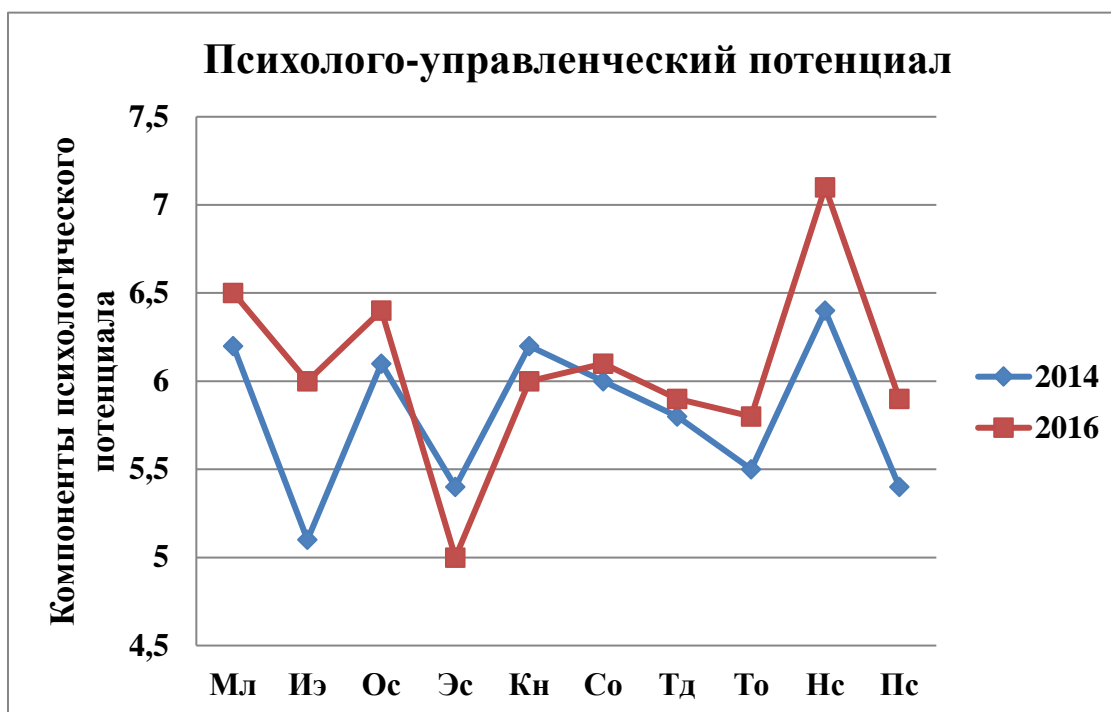

Рис. 5. Уровень выраженности компонентов психологического потенциала у слушателей

В период обучения с 2015 по 2017 г. изменения ($p < 0,5$ стандартизованного балла) произошли по шести показателям: «Мотивация лидерства и достижения», оценивает способность к лидерству, доминирование, настойчивость, социальную инициативу; «Организаторские способности, включая самоорганизованность», определяет способность к лидерству, доминирование, настойчивость, социальную инициативу; «Социальная ответственность», служит для выявления уровня (степени) социальной зрелости, правильности и честности; «Трудолюбие, добросовестность», используется для определения уровня способности индивида к самостоятельности в повседневной продуктивной деятельности; «Независимость, самостоятельность», необходима для определения уровня способности индивида к самостоятельности, измеряет самодостаточность личности, независимость, настойчивость в повседневной продуктивной деятельности; «Понимание и сопереживание, отсутствие эгоцентризма», измеряет степень, в которой индивид интересуется внутренними потребностями, мотивами и переживаниями других людей. По всем остальным компонентам психологического потенциала наблюдается незначительное повышение средних значений за время обучения в вузе.

Сравнение уровней выраженности компонентов психологического потенциала у слушателей на момент поступления в вуз (2015 год) и на момент выпуска (2017 год) по статистическому критерию для связанных выборок представлены в таблице 3 и на рисунке 6.

Таблица 3

Показатели	Мл	Иэ	Ос	Эс	Кн	Со	Тд	То	Нс	Пс
2015 год	5,92	5,75	5,58	4,6	6,43	5,33	5,26	4,92	6,28	4,98
2017 год	6,86	6,05	6,41	4,79	6,65	5,89	5,76	5,51	6,99	5,5

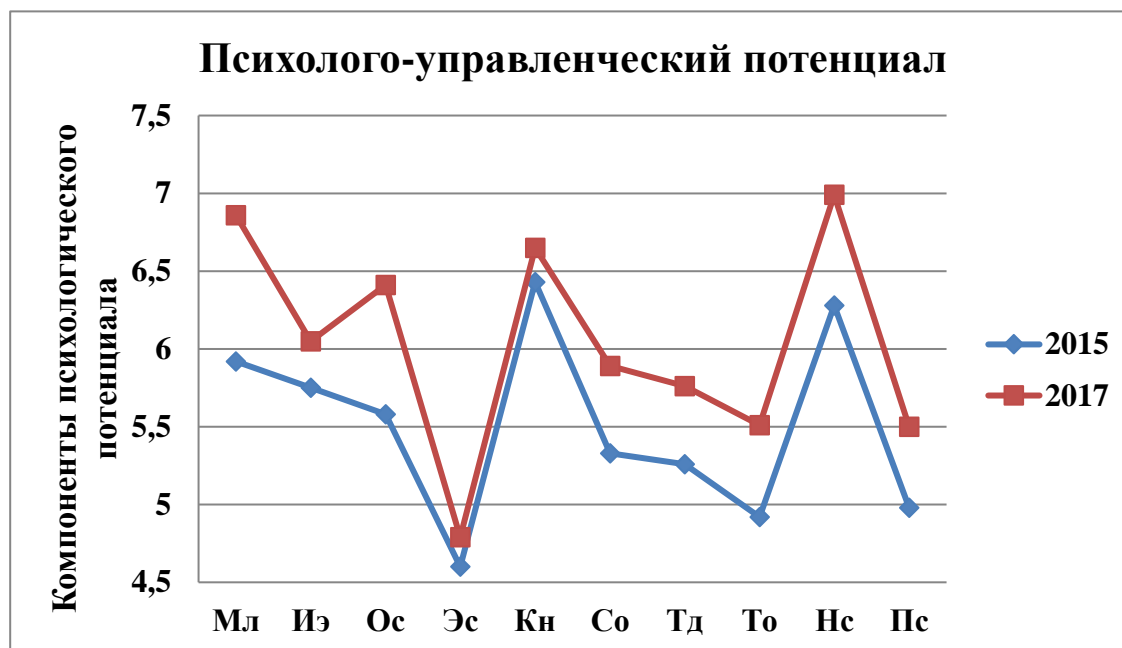

Рис. 6. Уровень выраженности компонентов психологического потенциала у слушателей

В период обучения в вузе с 2016 по 2018 г. изменения ($p < 0,5$ стандартизованного балла) произошли по двум показателям: «Мотивация лидерства и достижения», оценивает способность к лидерству, доминирование, настойчивость, социальную инициативу; «Организаторские способности, включая самоорганизованность», оценивает способность к лидерству, доминирование, настойчивость, социальную инициативу. По всем остальным компонентам психологического потенциала наблюдается незначительное повышение средних значений за время обучения в вузе.

Сравнение уровней выраженности компонентов психологического потенциала у слушателей на момент поступления (2016 год) и на момент выпуска (2018 год) по статистическому критерию для связанных выборок представлено в табл. 4 и на рис. 7.

Таблица 4

Показатели	Мл	Иэ	Ос	Эс	Кн	Со	Тд	То	Нс	Пс
2016 год	5,85	5,24	5,37	4,7	6,28	5,33	5,17	4,81	6,27	5,16
2018 год	6,5	5,74	6,08	4,61	6,57	5,54	5,5	5,16	6,54	5,3

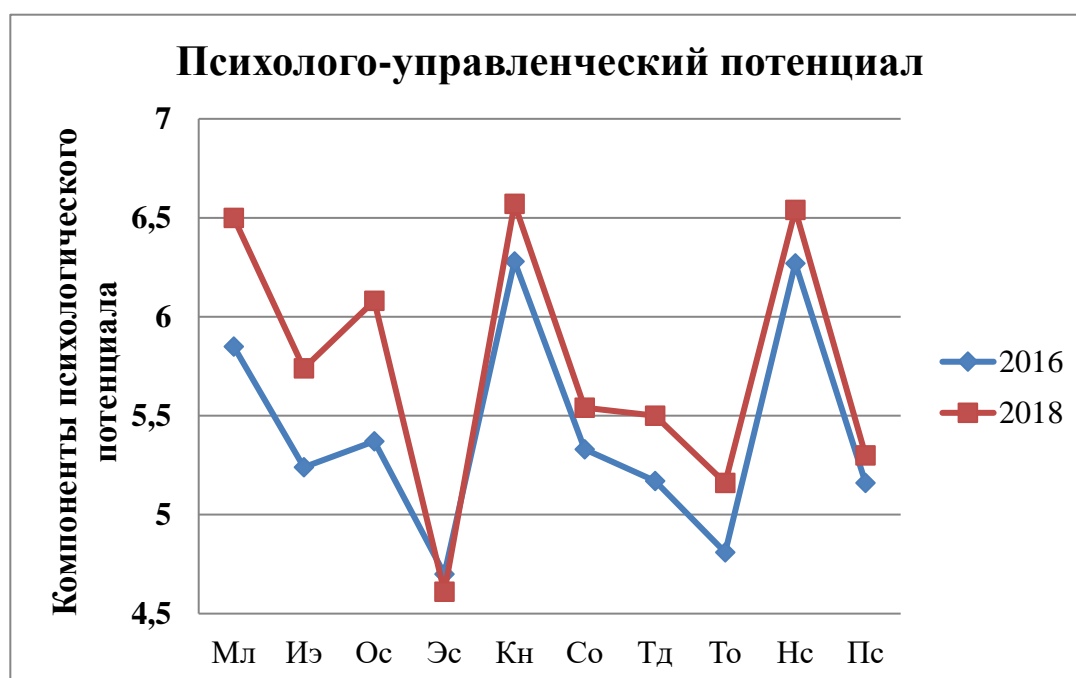

Рис. 7. Уровень выраженности компонентов психологического потенциала у слушателей

В период с 2017 по 2019 г. изменения ($p < 0,5$ стандартизованного балла) произошли по двум показателям (шкалам) профессионально-психологических качеств руководителя: «Интеллектуальная эффективность», отражает готовность к усвоению новых знаний и склонность к интеллектуально насыщенным видам деятельности; «Трудолюбие, добросовестность», выявляет стремление выполнять работу лучше.

Сравнение уровней выраженности компонентов психологического потенциала у слушателей на момент поступления (2017 год) и на момент выпуска (2019 год) по статистическому критерию для связанных выборок представлено в табл. 5 и на рис. 8.

Таблица 5

Показатели	Мл	Иэ	Ос	Эс	Кн	Со	Тд	То	Нс	Пс
2017 год	5,08	5,42	5,01	4,45	5,9	4,7	4,35	4,67	6,03	4,87
2019 год	5,21	5,94	5,12	4,33	6,08	4,81	4,92	4,72	6,1	4,98

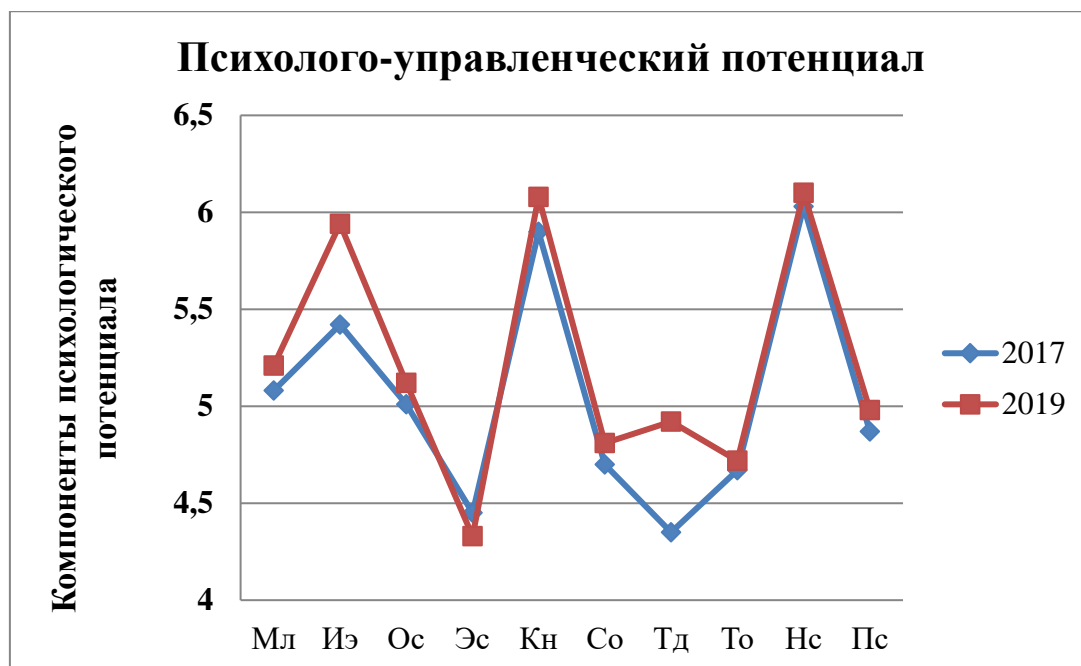

Рис. 8. Уровень выраженности компонентов психологического потенциала у слушателей

Таким образом, нами показана динамика развития профессионально важных психологических (управленческих) качеств путем оценки психологического потенциала слушателей на различных этапах их обучения, по результатам которых прослеживается некая тенденция и можно сделать вывод о том, что в процессе обучения у слушателей развиваются все компоненты психологического потенциала, хотя в разные годы превалирует то один, то другой психологический компонент.

Отметим, что в разные годы обучения профессионально важные компоненты психологических качеств личности слушателей меняются. Средние результаты динамики развития компонентов психологических качеств личности за 5 лет представлены на рис. 9.

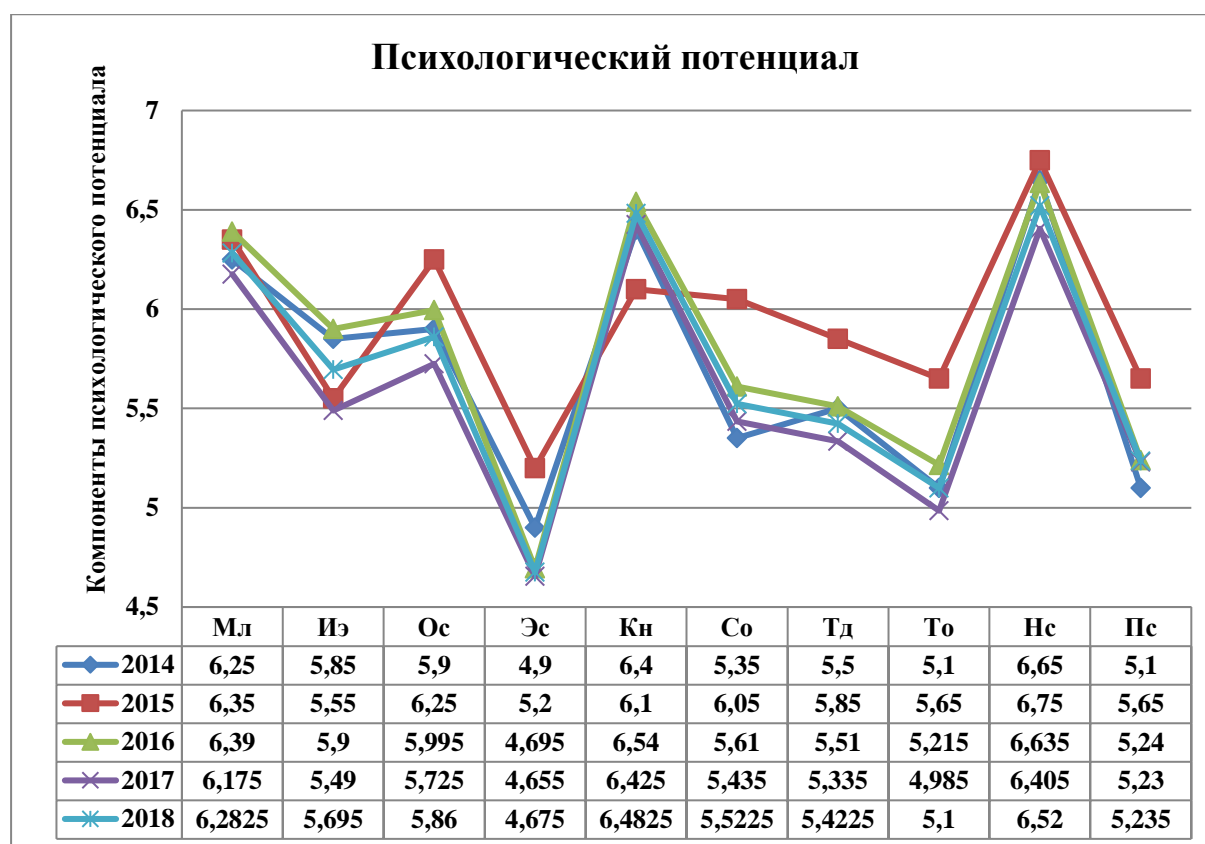

Рис. 9. Средние значения компонентов психологического потенциала у слушателей

По результатам проведенного исследования напрашивается вывод: совершенствование профессионального развития управленческих кадров (на примере МВД России) должно иметь многогранный характер и состоять, как минимум, из двух компонентов: первый заключается в мотивационном (личностном) компоненте руководителей органов внутренних дел, которые должны быть сами заинтересованы в выполнении поставленных профессиональных задач в условиях коренных преобразований в обществе; второй компонент — использование адекватных и современных педагогических технологий и механизмов для улучшения компонентов психологического потенциала и изменения (совершенствования) внутренней структуры личности человека (руководителей) [2].

Важным теоретическим подходом к разработке модели развития управленческой деятельности руководителей является системный подход, предполагающий рассмотрение мира как системы систем, понимание роли и места человека в нем как компонента сложной, постоянно меняющейся системы и, соответственно, цели образования, направленной на развитие личности, адаптирующейся в меняющемся системном мире [14].

Обращает на себя внимание и теория деятельности, на которую следует опираться при разработке модели развития управленческой деятельности [18]. Так, в системе деятельности в совокупности взаимосвязанных алгоритмических процедур на первом месте стоит проблема целеобразования, а основой системы целей служит самосовершенствование, т. е. повышение уровня квалификации. Оно включает в себя основные составляющие: способности, профессионально важные управленческие качества, профессиональное поведение руководителей, готовность к управленческой деятельности.

Цели работы по развитию управленческой деятельности делятся на три группы: развитие специальных (управленческих) умений, развитие готовности к управленческой деятельности, развитие управленческих умений руководителей органов внутренних дел [12].

Для совершенствования профессионального развития управленческих кадров в системе МВД России нужны следующие условия: 1) педагогические, включающие структурно-функциональную модель развития управленческой деятельности руководителей органов внутренних дел; 2) социальные: повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел и ориентация их на изменяющиеся социально-экономические условия в регионе; 3) внутриличностные: мотивационный компонент, составляющий основу целеполагания; 4) психологические (компоненты психологического потенциала личности); 5) потребность в совершенствовании знаний в организационно-управленческой сфере, практических управленческих умений и навыков [15].

Сравнение результатов психологического обследования, проведенного на разных этапах обучения слушателей, свидетельствует о достаточной эффективности учебно-воспитательного процесса в вузе и комплексном подходе в развитии профессионально важных качеств у слушателей.

Использование методики, специально адаптированной для работы с руководящими кадрами органов внутренних дел (СРІ — Калифорнийского личностного опросника), позволил нам выявить социально-психологический потенциал личности респондентов и его отдельные составляющие (компоненты) — личностные черты, способствующие социально значимым достижениям [20]. Сравнительный анализ результатов показал существование значимых различий в их индивидуально-психологических особенностях. Так, успешные в обучении руководители отличаются высоким уровнем правосознания с выраженным самоограничением эмоциональных проявлений, доминированием аналитической, рациональной манеры подчинения, обладают достаточно высоким уровнем самоконтроля, они более толерантны по отношению к окружающим, менее конфликтны, отличаются самодисциплиной и уверенностью в себе и т. д.

У «неуспевающих» руководителей снижена адаптивность как в профессиональной среде, так и в жизни в целом. У них в большей степени развито репродуктивное мышление, чем творческое, они часто испытывают затруднения в выражении собственных мыслей, хуже справляются со стрессами и психическими травмами. Нередко они испытывают сильные чувства и эмоции, открыто проявляют их и не стремятся скрыть. Проблемы у них, как правило, возникают из-за недостаточного контроля импульсивности. Они иногда необъективны, а их социальные контакты так же легко распадаются, как и завязываются. Эгоцентричны, легко потакают своим желаниям, своевольны, недостаточно дисциплинированы. Часто испытывают трудности на пути к долгосрочным целям. Недоверчиво относятся к намерениям окружающих, плохо понимают свои чувства и желания. Круг интересов сужен. В целом, они плохо справляются со сложными ситуациями, неопределенностью и требованием перемен. Склонны к конвенциональным формам поведения, конформизму. Могут испытывать недостаток уверенности в себе в ситуациях общения, сомневаться в собственных возможностях и способностях. Предпочитают достигать успехов в профессии не за счет кропотливой собственной работы, а рассчитывают на везение, стремятся к легкой жизни.

Сравнительный анализ обобщенных профилей личности руководителей ОВД позволил сделать вывод о наличии статистически значимых различий в их индивидуально-психологических особенностях. Так, успешные в обучении руководители отличаются высоким уровнем нормопослушания с выраженным самоограничением эмоциональных проявлений (самоконтроль, Sc), доминированием аналитической, рациональной манеры подчинения (ответственность, Re). Они обладают достаточно высоким уровнем самоконтроля, стремятся контролировать свои эмоции, владеть собой, подавлять враждебные чувства по отношению к окружающим, обладают самодисциплиной и уверенностью в себе. Такие руководители предстают как зрелые и ответственные личности, осознанно следующие социальным нормам и выполняющие свои обязательства.

Литература

1. Бурцев А.О. Психологические аспекты совершенствования профессионального развития управленческих кадров (на примере министерства внутренних дел Российской Федерации // Прикладная юридическая психология. 2017. № 3. С. 69—75.
2. Бурцев А.О., Ефимкина Н.В. Психологические аспекты организационно-штатных изменений в системе органов внутренних дел Российской Федерации // Прикладная юридическая психология. 2016. № 4. С. 109—112.
3. Вахнина В.В. Психологические особенности мотивации личности руководителя органов внутренних дел: дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 206 с.
4. Возженикова О.С., Петрова А.С. Психологические проблемы развития управленческой компетенции руководителей органов внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1 (27). С. 140—146.
5. Воронов Н.А., Удалов Ф.Е., Ягунова Н.А. Управленческий потенциал: ретроспективно-перспективный анализ // Вестник НГИЭУ. 2017. № 3 (70). С. 102—111.
6. Жуков И.А. Психология аттестации руководящих кадров органов внутренних дел МВД России: Концепция, принципы, технологии: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2004. 363 с.
7. Денисенко В.В. Размышления о значении кадрового потенциала для достижения целей реформирования органов внутренних дел // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы Всерос. науч.-практ. конф.: в 3 ч. / Под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. М., 2017. С. 13—21.
8. Диагностика и развитие управленческого потенциала руководителя органа внутренних дел: учеб.-метод. Пособие / Под ред. В.Л. Кубышко. М.: ЦОКР МВД России, 2006. 320 с.
9. О неотложных мерах по коренному улучшению работы с личным составом в системе МВД России: директива министра внутренних дел Российской Федерации от 19 июня 1996 г. № 1. [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения: 23.09.2019).
10. Кадничанская Э. Повышение кадрового профессионализма системы органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник факультета юриспруденции и ювенальной юстиции. 2014. № 10. С. 202—209.
11. Киселева Л.Е. Развитие лидерских качеств руководителей горрайорганов внутренних дел в процессе профессионально-психологической подготовки: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2011. 297 с.
12. Конев А.Н., Павличенко Н.В., Ульянина О.А. Практика реализации комплексного подхода к подготовке научно-педагогических кадров в Академии управления МВД России // Психология и право. 2018. Т. 8. № 3. С. 60—82.
13. Котенев И.О., Портягина Н.Ю., Тюнис Л.Ю. Организация психологической работы с резервом руководящих кадров органов внутренних дел / Под общ.ред. В.Л. Кубышко. М.: ЦОКР МВД России, 2007. 232 с.
14. Экспериментальное обоснование модельного подхода в профессиональном психологическом отборе сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] / В.Л. Кубышко [и др.] // Психология и право. 2018. Т. 8. № 3. С. 34—47. doi: <http://dx.doi.org/10.17759/psylaw.2018080303>
15. Кубышко В.Л., Крук В.М., Федотов А.Ю. Психологическая подготовка: уроки и перспективы в контексте профессионально-личностного развития специалиста [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Т. 8. № 4. С. 219—235. doi: [10.17759/psylaw.2018080419](http://dx.doi.org/10.17759/psylaw.2018080419)
16. Николаенко Е.А. Кадровый потенциал органа внутренних дел как важный ресурс территориального органа МВД России // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 2. С. 35—39.

Бурцев А.О., Дашко М.Н., Ефимкина Н.В.
Исследование компонентов управленческого потенциала
руководителей территориальных органов МВД России.
Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 1–17.

Burtsev A.O., Dashko M.N., Efimkina N.V.
Research on management capacity components of heads of
territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Psychology and Law 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 1–17.

17. Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 2 сентября 2013 г. № 660. [Электронный ресурс] <https://77.xnb1aew.xnp1ai/documents/> (дата обращения: (17.09.2019)
18. Ульянина О.А. Психологическая диагностика в образовательных организациях МВД России [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Т. 8. № 2. С. 61—76. doi:10.17759/psylaw.2018080205
19. Школа О.В. Кадровый потенциал органов внутренних дел как стратегический ресурс экономической безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 189—193.
20. Калифорнийский психологический опросник [Электронный ресурс]. URL: http://psylab.info/Калифорнийский_психологический_опросник/ (дата обращения: 12.09.2019).

References

1. Burtsev A.O. Psikhologicheskie aspekty sovershenstvovaniya professional'nogo razvitiya upravlencheskikh kadrov (na primere ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [Psychological aspects of improving professional development of managerial personnel (on the example of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation)] // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]. 2017. no.3. pp. 69—75.
2. Burtsev A.O., Efimkina N.V. Psikhologicheskie aspekty organizatsionno-shtatnykh izmenenii v sisteme organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [Psychological aspects of organizational and staff changes in the system of internal Affairs bodies of the Russian Federation] // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]. 2016. no.4. pp. 109—112.
3. Vakhnina V.V. Psikhologicheskie osobennosti motivatsii lichnosti rukovoditelya organov vnutrennikh del. Diss. kand. psikhol. nauk. [Psychological features of motivation of the personality of the head of internal Affairs bodies. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 1999. 206 p.
4. Vozzhenikova O.S., Petrova A.S. Psikhologicheskie problemy razvitiya upravlencheskoi kompetentsii rukovoditelei organov vnutrennikh del [Psychological problems of development of managerial competence of heads of internal Affairs bodies] // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika [Legal science and law enforcement practice]. 2014. no.1 (27). pp. 140-146.
5. Voronov N.A., Udalov F.E., Yagunova N.A. Upravlencheskii potentsial: retrospektivno-perspektivnyi analiz [Management capacity: a retrospective and prospective analysis] // Vestnik NGIEU [Herald of NHIEU]. 2017. no.3 (70). pp. 102—111.
6. Zhukov I.A. Psikhologiya attestatsii rukovodyashchikh kadrov organov vnutrennikh del MVD Rossii: Kontseptsiya, printsipy, tekhnologii. Diss. dokt. psikhol. nauk. [Psychology of certification of senior personnel of internal Affairs bodies of the Ministry of internal Affairs of Russia: Concept, principles, technologies. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2004. 363 p.
7. Denisenko V.V. Razmyshleniya o znachenii kadrovogo potentsiala dlya dostizheniya tselei reformirovaniya organov vnutrennikh del [Reflections on the importance of human resources for achieving the goals of reforming internal Affairs bodies] // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava: materialy Vseros. nauch.-prakt.konf.: v 3 ch. [Actual problems of administrative and administrative-procedural law: materials allros. science.-practice.Conf.: in 3 parts] / In Yu.E. Avrutina, A.I. Kaplunova (eds.). Moscow, 2017. pp. 13—21.
8. Diagnostika i razvitie upravlencheskogo potentsiala rukovoditelya organa vnutrennikh del: ucheb.-metod. Posobie [Diagnostics and development of managerial potential of the head of the internal Affairs body: textbook.-method. The allowance] / In V.L. Kubyshko (eds.). Moscow: TsOKR MVD Rossii, 2006. 320 p.
9. O neotlozhnykh merakh po korennomu uluchsheniyu raboty s lichnym sostavom v sisteme MVD Rossii: direktiva ministra vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii ot 19 iyunya 1996. no. 1. [About

- urgent measures for radical improvement of work with personnel in the system of the Ministry of internal Affairs of Russia: Directive of the Minister of internal Affairs of the Russian Federation of June 19, 1996 No. 1.] [Elektronnyi resurs]. <http://www.consultant.ru/cons/> (Accessed: 23.09.2019).
10. Kadnichanskaya E. Povyshenie kadrovogo professionalizma sistemy organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [Increase of personnel professionalism of the system of internal Affairs bodies of the Russian Federation] // Vestnik fakul'teta yurisprudentsii i yuvenal'noi yustitsii [Bulletin of the faculty of jurisprudence and juvenile justice]. 2014. no.10. pp. 202-209.
 11. Kiseleva L.E. Razvitie liderskikh kachestv rukovoditelei gorraiorganov vnutrennikh del v protsesse professional'no-psikhologicheskoi podgotovki. Diss. kand. psikhol. nauk. [Development of leadership qualities of heads of city bodies of internal Affairs in the process of professional and psychological training. Ph. D. (Psychology) Thesis] Moscow, 2011. 297 p.
 12. Konev A.N., Pavlichenko N., Ulyanina O.A. Implementation of an integrated approach to training scientific and pedagogical staff at the Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 60–82. doi:10.17759/psylaw.2018080305. (In Russ., abstr. in Engl.)
 13. Kotenev I.O., Portyagina N.Yu., Tyunis L.Yu. Organizatsiya psikhologicheskoi raboty s rezervom rukovodyashchikh kadrov organov vnutrennikh del [Organization of psychological work with the reserve of senior personnel of internal Affairs bodies] / In V.L. Kubyshko (eds.). Moscow: TsOKR MVD Rossii, 2007. 232 p.
 14. Kubyshko V., Kruk V., Noss I.N., Borodina T.I. Experimental validation of the model approach in professional psychological selection of law enforcement officers [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 34–47. doi:10.17759/psylaw.2018080303. (In Russ., abstr. in Engl.)
 15. Kubyshko V., Kruk V., Fedotov A.Yu. Psychological training: lessons and prospects in the context of professional and personal development of a specialist [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018. Vol. 8, no. 4, pp. 219–235. doi:10.17759/psylaw.2018080419. (In Russ., abstr. in Engl.)
 16. Nikolaenko E.A. Kadrovyi potentsial organa vnutrennikh del kak vazhnyi resurs territorial'nogo organa MVD Rossii [Personnel potential of the internal Affairs body as an important resource of the territorial body of the Ministry of internal Affairs of Russia]// Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti [Problems of law enforcement]. 2018. no.2. pp. 35-39.
 17. Ob utverzhdenii Polozheniya ob osnovakh organizatsii psikhologicheskoi raboty v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: prikaz MVD Rossii ot 2 sentyabrya 2013 no.660. [About the statement of Regulations on the bases of the organization of psychological work in internal Affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of internal Affairs of Russia of September 2, 2013 No. 660.] [Elektronnyi resurs] <https://77.xnb1aew.xnp1ai/documents/> (Accessed: (17.09.2019)
 18. Ulyanina O.A. Psychological diagnostics in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 61–76. doi:10.17759/psylaw.2018080205. (In Russ., abstr. in Engl.)
 19. Shkola O.V. Kadrovyi potentsial organov vnutrennikh del kak strategicheskii resurs ekonomicheskoi bezopasnosti [Personnel potential of internal Affairs bodies as a strategic resource of economic security] // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia]. 2014. no.5. pp. 189-193.
 20. Kaliforniiskii psikhologicheskii oprosnik [California psychological questionnaire] [Elektronnyi resurs]. URL: http://psylab.info/Kaliforniiskii_psikhologicheskii_oprosnik/ (Accessed: 12.09.2019).

Психологические аспекты информационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел

Виноградов М.В.

Департамент государственной службы и кадров МВД России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8907-3289>, e-mail: vmifa@mail.ru

Ульянина О.А.

ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: lelia34@mail.ru

В статье анализируются процессы интенсивной информатизации и технологизации в современном обществе, существенно влияющие на определение вектора развития социальной, экономической, политической и военной сфер государства. В контексте обозначенных процессов рассматривается проблема информационного воздействия на личность человека, его сознание, мировосприятие, духовные и ценностные ориентиры. В масштабах геополитического взаимодействия мирового сообщества на информационно-психологическом уровне данная проблема раскрывается через призму описания сущности и содержания информационной войны, осуществляемой в интересах достижения политических и военных целей. Конкретизируются сферы информационного влияния на сотрудников полиции. В этой связи актуализируется необходимость формирования информационной грамотности специалистов правоохранительной сферы; освещаются направления информационно-психологического противодействия и защиты от информационных атак. В заключение освещаются такие приоритетные направления решения обозначенных проблем, как обеспечение информационной безопасности и формирование психологической устойчивости к деструктивным информационным воздействиям как способности личности критически оценивать поступающую информацию, оставаясь приверженным базовым человеческим и профессиональным ценностям.

Ключевые слова: информационная война, информационное воздействие, информационная безопасность, сотрудники органов внутренних дел, информационно-психологическое противоборство, информационно-психологическая защита.

Для цитаты: Виноградов М.В., Ульянина О.А. Психологические аспекты информационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 18-29. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100102>

Psychological aspects of information impact on employees of internal affairs Officers

Mikhail V. Vinogradov

Department of Public Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow,
Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8907-3289>, e-mail: vmifa@mail.ru

Olga A. Ulyanina

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: lelia34@mail.ru

The article analyzes the processes of intensive informatization and technologization of modern society, affecting the vector of development of the social, economic, political and military spheres of the state. In this context, the problem of informational impact on a human personality, his consciousness, mindset, spiritual and value orientations is considered. On the scale of the geopolitical interaction of the world community at the information-psychological level, this problem is revealed through the prism of describing the nature and content of the information war carried out in the interests of achieving political and military goals. Areas of informational influence on police officers are specified. In this regard, the need for the formation of information literacy of law enforcement specialists is being updated; the directions of information and psychological counteraction and protection against information attacks are highlighted. Psychological resistance, critical thinking, information security are named among the priority solutions to the highlighted issue.

Keywords: information war, information impact, information security, internal affairs bodies staff, information and psychological confrontation, information and psychological defence.

For citation: Vinogradov M.V., Ulyanina O.A. Psychological aspects of information impact on employees of internal affairs Officers. *Psikhologiya i pravo*, 2020. Vol. 10, no. 1. p.18-29. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100102>

Современный этап развития общества многими исследователями определяется как информационный. Только за последние несколько десятилетий произошли колоссальные изменения, как в мире информационных технологий, так и в восприятии и отношении к источникам информации. Сегодня жизнь человека немыслима без использования современных технических средств.

Фундаментальные потребности индивида в коммуникации и постоянном притоке информации для реализации таких целей, как ориентирование в современной ситуации и социальной среде, развитие общего кругозора и решение повседневных практических проблем, реализуются на 70% за счет специализированной информации, получаемой из средств массовой коммуникации. Общество обезличивается, стираются социально-значимые ценности и принципы. Человек становится зависимым от мнения «медийного большинства» в условиях активного формирования и трансформации иной, виртуальной реальности.

Стремительный рост социальной значимости Интернета стимулировал конкуренцию и соперничество за «вещательную инициативу» среди «поставщиков информации», размещающих непроверенные, провокационные и дезинформационные сообщения [3], тем самым перегружающих информационное пространство и воздействующих на мировоззрение и взгляды

своих активных пользователей. Высказываются идеи о том, что это пространство обладает собственной смысло- и мирообразующей тенденцией, имеет характеристики специфического мира, обладающего интерсубъективностью, нормативностью, объективированностью [1; 11]. В пространстве Глобальной сети информацией обмениваются на форумах, сайтах, в чатах различной тематической направленности. Правоохранительные органы Российской Федерации, государственные управленческие структуры не всегда в состоянии своевременно реагировать на процессы движения информационных потоков.

Процесс интенсивной информатизации общества является определяющим при выборе вектора развития социальной, экономической, политической и военной сфер государства. Геополитическое взаимодействие мирового сообщества осуществляется, прежде всего, на информационно-психологическом уровне. Это порождает значительное количество проблем, ключевой среди которых является использование данного пространства для проведения операций информационно-психологического воздействия.

А.Г. Караяни, рассматривая сущность и содержание информационной войны, формулирует понятие информационно-психологического противоборства между государствами и их вооруженными силами за достижение превосходства в области получения, обработки, сохранения и доведения до пользователей необходимой военной, политической, технической и иной информации, а также в сфере моральных и психологических возможностей нации, ее армии и флота в интересах достижения политических и военных целей [6; 8].

Осмысливая информационную войну в контексте психологических теорий, В.А. Лисичкин и Л.А. Шелепин указывают, что ее объектом является когнитивно-эмоциональная сфера индивидов, а главной целью — управление интеллектуально-психологическими и социокультурными процессами, обязательным элементом которого выступает неосознанность данного воздействия лицами, подверженными завуалированному влиянию и следующими линии запрограммированного поведения [12].

По определению политолога И.Н. Панарина, информационная война — это доминирующий способ достижения власти, организации ноосферы и мирового информационно-психологического пространства в своих интересах. На его взгляд, современные государственные деятели не только должны обладать властным ресурсом и кредитом общественного доверия, но и уметь вести эффективное информационное противоборство [15; 16].

В целях реального противодействия угрозам информационного воздействия политика государства должна представлять собой грамотную и хорошо отлаженную систему защиты, предполагающую законодательное регулирование, установление отношений и контроль над средствами массовой информации, идеологическую работу с населением в рамках внутреннего информационного пространства.

В п. 12. Доктрины информационной безопасности России обозначена проблема расширения масштабов использования специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира, приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств. В эту деятельность вовлекаются религиозные, этнические, правозащитные и иные организации, а также отдельные группы граждан, при этом широко используются возможности информационных технологий.

В соответствии с военной политикой Российской Федерации основными направлениями обеспечения информационной безопасности в области обороны страны является нейтрализация информационного воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества [23].

Нарастает информационное воздействие на граждан России, в первую очередь на молодежь [4; 20; 21], с целью размывания культурных и духовных ценностей, подрыва нравственных устоев, исторических основ и патриотических традиций ее многонационального народа. — В последствии молодые люди поступают на службу в органы внутренних дел.

Целенаправленное информационное воздействие на правоохранительную сферу ориентировано на размывание чувства гордости за свою страну, искаженное восприятие существующих угроз национальной безопасности, создание в подразделениях общего состояния подавленности, тревоги за свое будущее, демотивацию и уклонение от выполнения поставленных оперативно-служебных задач.

Этим вопросам посвящена ежегодная масштабная конференция, проходящая в рамках форума «Армия», цель которой — продемонстрировать серьезную озабоченность руководства страны и Министерства обороны проблемой информационно-психологической стабильности общества, а также обсуждение возможных путей ее укрепления [7].

Одним из участников конференции на форуме «Армия-2018», генеральным директором Всероссийского центра изучения общественного мнения В. Федоровым, в ходе доклада об основных наиболее опасных направлениях информационных атак на наше общество высказана мысль Джека Голдстоуна о том, что к трем главным признакам революционной ситуации следует добавить еще и четвертый — осознание частью населения недопустимой несправедливости существующего социального устройства общества. По мнению В. Федорова, нарратив справедливости сегодня доминирует в инициировании социальных трансформаций, в том числе и в самых острых формах революционного типа [18; 22].

Это истощающе иллюстрируется недавними событиями в Ингушетии и Екатеринбурге, когда в результате спекуляций на справедливости отдельных решений государственных органов по разграничению территорий Чечни и Ингушетии, строительству храма произошли массовые уличные протесты и беспорядки. В этом же ряду — «мусорный бунт» в Архангельске в связи со строительством полигона по переработке мусора.

Именно поэтому деятельность ряда мессенджеров, социальных сетей, пабликов, различных сетевых групп и сообществ направлена на осознание отдельными сотрудниками возможной несправедливости существующего устройства системы органов внутренних дел и, прежде всего, условий и порядка прохождения службы. Как правило, используются четыре основных механизма воздействия на личность, работающих, по мнению Ю.П. Зинченко, в современных условиях: заражение, внушение, подражание и убеждение [7].

Каковы же сегодня атаки на российскую полицию с точки зрения справедливости, которые активно прорабатываются в интернет-информационной среде?

Во-первых, это не отвечающий в отдельных регионах современным требованиям уровень социальных гарантий. Запрос на достойную зарплату и иные гарантии входит в противоречие с возможностями государства, живущего в санкционном режиме. Уровень финансирования не обещает сотрудникам, например, достойных и комфортных жилищных условий, не то что для большинства, но даже для нуждающихся.

Во-вторых, возможное принятие законопроектов, предусматривающих ухудшение условий пенсионного обеспечения сотрудников органов внутренних дел, в том числе направленных на увеличение минимального 20-летнего стажа службы для получения права выхода на пенсию за выслугу лет (до 25 лет). Регулярно публикуются сведения о предстоящих сокращениях.

В-третьих, повышенный уровень служебной нагрузки в подразделениях с высоким некомплектом, усугубляющийся в ряде случаев отсутствием компенсаций за работу сверх

нормальной продолжительности служебного времени, в выходные и праздничные дни, а также «палочной системой» оценки деятельности.

Следующая уязвимая точка — возможная правовая незащищенность в случае применения физической силы, специальных средств, оружия, а также при проведении различных проверок в отношении сотрудника силами подразделений собственной безопасности органов внутренних дел, Следственного комитета, Прокуратуры, ФСБ России.

Еще одна линия, которая актуализировалась в последнее время — это сообщения о несоблюдении отдельными руководителями органов внутренних дел профессионально-этических требований к служебному поведению в ходе общения с подчиненными.

Приходится констатировать, что усилия должностных лиц территориальных органов Министерства по нейтрализации регулярных информационных атак являются явно недостаточными. В связи с этим следует на системной основе осуществлять информационно-психологическое противодействие по таким направлениям, как:

- выявление и классификация потенциальных и реальных источников и каналов (потоков) негативного информационно-психологического воздействия на сотрудников органов внутренних дел, определение способов и средств их блокирования, воздействия на них, ликвидации последствий их деятельности;
- превентивное информирование сотрудников по наиболее актуальным для них темам и вопросам, с учетом того, что первое сообщение на интересующую тему обычно оказывает влияние на восприятие последующих;
- обучение сотрудников приемам защиты от различных форм манипулирования; разъяснение личному составу приемов и техники ведения деструктивной пропаганды, выработка у него психологической устойчивости и готовности к выполнению задач в условиях негативного информационно-психологического воздействия [10].

Обозначенные направления работы не являются исчерпывающими и требуют дальнейшей проработки. В связи с этим 24 мая 2019 г. Департаментом государственной службы и кадров МВД России в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя организовано и проведено заседание Координационно-методического совета по психологической работе с личным составом органов, организаций, подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации¹, посвященное актуальным проблемам информационного воздействия на общественное сознание.

В работе КМС приняли участие руководители и специалисты подразделений психологической работы территориальных органов, профессорско-преподавательский состав, научные сотрудники образовательных и научно-исследовательских организаций системы МВД России. На заседание были приглашены ведущие ученые, практики, руководители подразделений психологической работы в системе Министерства обороны, Росгвардии, ФСИН России, Центра экстренной психологической помощи МЧС России.

С приветственным словом выступил начальник управления организации морально-психологического обеспечения Департамента государственной службы и кадров МВД России О.А. Стойко, отметив, что заседание КМС — это хорошая возможность обменяться профессиональным опытом и выработать конкретные предложения по совершенствованию всех аспектов психологической работы в обозначенном проблемном поле.

Психологические аспекты эмоционального влияния средств массовой информации² на человека затронул в своем выступлении профессор кафедры социальной психологии МГУ имени

¹ Далее — КМС.

² Далее — СМИ.

М.В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор Т.Ю. Базаров. Он отметил, что главной задачей СМИ сегодня становится стремление вызвать чувства у потребителей информации. Зачастую, чтобы удержать их внимание, эмоции должны быть как можно сильнее. Чувство собственной силы появляется не от игнорирования эмоций, а от богатства вариантов выбора. В информационном пространстве надо дать реципиентам почувствовать понимание собственного опыта и контроль над эмоциональным состоянием.

Однако одним из побочных результатов эмоционального мышления является постоянное стремление к легким решениям и отсутствие личной ответственности за них. Вопросам информационно-психологического противоборства подобным явлениям в виртуальных сетях мессенджеров было посвящено выступление главного научного сотрудника ВНИИ МВД России, доктора психологических наук, профессора А.Г. Караяни. Александр Григорьевич осветил пути деструктивного воздействия на сознание, идентичность граждан России, охарактеризовал сущность гибридной и когнитивной войн, приоритетным объектом которых являются люди с «клиповым мышлением» и «клиповой психологией», рассмотрел одну из основных схем информационно-психологического воздействия в современном информационно-психологическом противоборстве — «краудсорсинг».

В продолжение, вопросы теории и практики современного информационно-психологического противоборства осветила директор ФКУ «Центр экстренной психологической помощи МЧС России», кандидат психологических наук Ю.С. Шойгу.

В своем сообщении Юлия Сергеевна акцентировала внимание на том, что информационно-психологическое противоборство носит целенаправленный характер. Существуют четыре основных механизма воздействия на группы: заражение; внушение; убеждение; подражание.

Заместитель начальника управления организации морально-психологического обеспечения Департамента государственной службы и кадров МВД России Ю.Г. Касперович, подводя итоги заседания Совета подчеркнула важность рассматриваемых вопросов информационного воздействия, необходимость разработки эффективных методов противодействия его последствиям и продолжения практики их обсуждения, в том числе в целях повышения качества кадрового состава государственных органов и надежности их профессиональной деятельности.

Обозначенные выше проблемы ставят в число актуальных задач достижение информационной грамотности сотрудников органов внутренних дел как совокупности установок, знаний, умений и навыков, которые позволяют человеку определять, когда и какая информация требуется, где и как ее можно получить, как следует ее оценивать, систематизировать и использовать в соответствии с правовыми и этическими нормами [2; 11].

Такая грамотность необходима и ведомственным психологам, поскольку призвана помочь им адекватно решать профессиональные задачи и защищать сотрудников, граждан страны в целом от негативной, в отдельных случаях сознательно искаженной информации относительно деятельности органов внутренних дел, как на современном этапе, так и в контексте истории российской полиции [5]. Защита от негативного воздействия на умы, психологическая оборона в современном мире информационных технологий предполагает владение навыками критического мышления [19], осмысления и интерпретации информации, умение работать с ее источниками, видами и типами информационных ресурсов.

Морально-психологическое обеспечение в органах внутренних дел России осуществляется в целях формирования и развития у сотрудников государственно-патриотического мировоззрения, комплекса гражданских, нравственных, духовных и иных профессионально значимых качеств личности, обусловленных требованиями государства и общества к гражданскому и профессионально-нравственному облику сотрудника органов внутренних дел, потребностями и особенностями оперативно-служебной деятельности; поддержания психологической устойчивости и обеспечения эффективности действий личного состава при внезапном изменении обстановки, в условиях интенсивного информационно-психологического воздействия [17].

На психологов в системе МВД России возлагается задача организовать защиту личного состава от информационно-психологического воздействия незаконных вооруженных формирований, экстремистских и террористических групп, правонарушителей, а также обеспечить преодоление последствий негативного воздействия на психику сотрудников вида разрушений и человеческих жертв, физического, морального и психологического напряжения.

Основными задачами информационно-психологической защиты являются:

1) разъяснение решений высших органов государственной власти и управления, руководства МВД России задач, стоящих перед подразделением;

2) динамическое изучение, анализ и доведение до личного состава ОВД сложившейся информационно-психологической обстановки в мире и стране, разъяснение сущности, целей, задач, форм, методов и технических средств проведения информационно-психологических операций со стороны «партнеров», их истинных намерений и интересов;

3) прогнозирование возможных психологических действий «партнеров» с целью предупреждения воздействий и их нейтрализации или снижения эффективности;

4) контроль коллективного мнения сотрудников ОВД;

5) оценка степени подверженности личного состава пропаганде и психологическим воздействиям.

6) психологическое просвещение личного состава с целью защиты от негативного информационно-психологического воздействия.

Фундаментом, на котором возможно создание системы защиты от информационного воздействия, являются личностные качества сотрудников.

Способами информационно-психологической защиты являются следующие.

1. Анализ, оценка и прогнозирование информационной и морально-психологической обстановки, каналов воздействия на сотрудников ОВД, степени возможной уязвимости личного состава от пропагандистского и психологического воздействия «партнеров».

2. Профилактика информационно-психологического воздействия противника.

3. Нейтрализация информационно-психологического воздействия противника на личный состав:

активный сбор, анализ и уничтожение пропагандистских материалов противника;

пресечение слухов, паники;

мониторинг морально-психологического состояния личного состава;

осуществление информационного взаимодействия подразделений психологической работы, УОС, подразделений по защите информации.

4. Ликвидация последствий информационно-психологического воздействия:

выявление лиц (подразделений), подвергшихся информационному воздействию и оказание им психологической помощи;

выявление причин возникновения дезорганизационных явлений среди сотрудников, их устранение.

Можно выделить два основных уровня организации психологической защиты сотрудника ОВД.

1. Социально-групповой — в качестве субъектов психологической защиты личности выступают служебные коллективы органов, организаций и подразделений МВД России. Психологическая защита реализуется посредством распространения и использования внутригрупповых информационных потоков и источников, а также специфических для конкретных служебных коллективов и подразделений способов социального взаимодействия, переработки и оценки информации (групповых норм, ориентации, предпочтений определенных коммуникаторов, регламентация правил и процедур работы и взаимодействия с внешними

информационными источниками и т. п.). В целях организации социально-групповой психологической защиты применяются психотехнологии формирования благоприятного социально-психологического климата в служебных коллективах, атмосферы корпоративности; создание условий, повышающих эффективность процесса идентификации личности с определенной социальной группой и актуализации чувства принадлежности к подразделению, организации, ее деятельности [9]; психологическая подготовка активного ядра коллектива, руководителей, выступающих в качестве «медиаторов», авторитетных внутригрупповых источников информации и т. п.

2. Индивидуально-личностный — реализуется посредством формирования навыков психологической саморегуляции и комплекса защитных механизмов и модели поведения личности сотрудника ОВД, которые образуют индивидуальную психологическую защиту. Осуществляется посредством психологического просвещения, психологического консультирования, тренингов, психокоррекции. Одной из ключевых задач психологической защиты является превентивное информирование личного состава, направленное на формирование государственно-правовых взглядов и убеждений, профессионального подхода к анализу и оценке событий, процессов и явлений общественно-политической жизни. Обучение сотрудников приемам защиты от различных форм манипулирования способствует выработке психологической устойчивости и готовности к выполнению задач в условиях негативного информационно-психологического воздействия.

Таким образом, приоритетным направлением в контексте решения обозначенных проблем является обеспечение информационной безопасности как состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз [13; 14; 23]. При этом защищенность не ограничивается воздействием на сами угрозы безопасности, поскольку нейтрализация или минимизация их вредоносного воздействия может быть обеспечена мерами внутренней защиты самого объекта безопасности. В этой связи необходимым является поиск методов формирования психологической устойчивости к деструктивным информационным воздействиям как способности личности критически оценивать поступающую информацию, оставаясь приверженным базовым человеческим и профессиональным ценностям, применительно к сотрудникам органов внутренних дел — ценности государственной службы — служение России и Закону [24].

Литература

1. Ашманов И.С. Ментальные эпидемии и «мозговые» вирусы в эпоху информационных войн // Вопросы культурологии. 2019. № 3. С. 9—17.
2. Байков Д.М. Развитие у сотрудников органов внутренних дел готовности к выявлению, анализу и нейтрализации информационных угроз в сети Интернет средствами обучения и воспитания // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 1. С. 144—147.
3. Барабанищikov В.А., Жегалло А.В., Хозе Е.Г., Соломонова А.В. Невербальные предикторы оценок достоверности/недостоверности сообщаемой информации // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 4. С. 94—106.
4. Белоусов А.Д. Системный подход в психологическом исследовании деструктивных влияний на несовершеннолетних в сети Интернет // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения-2019): материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 25 апреля 2019 года. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. С. 51—57.
5. Дружилов С.А. Негативные воздействия современной информационной среды на человека: психологические аспекты // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2018. Т. 11. № 59. С. 11.

6. Дудулин В.В., Савченко И.А. Особенности применения сил и средств информационно-психологического воздействия в ходе гибридных войн // Мир образования — образование в мире. 2018. № 1 (69). С. 89—93.
7. Сивко К.В. Захват будущего в теории и на практике // Военно-промышленный курьер. 11—17 сентября 2018 года. № 35 (748). С. 6.
8. Караяни А.Г., Караяни Ю.М., Цыганков С.В. Использование краудсорсинговых технологий в информационно-психологическом противоборстве в социальных сетях // Военный академический журнал. 2018. № 1 (17). С. 75—82.
9. Китова Д.А., Соснин В.А. Социальная идентичность как мишень геополитического воздействия // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию факультета психологии Тверского государственного университета «Психология труда и управления как ресурс развития общества в условиях глобальных изменений». Тверь: Тверской государственный университет, 2018. С. 123—128.
10. Кораблев С.Е. Психологическая устойчивость сотрудников органов внутренних дел к деструктивному информационному воздействию как проблема эффективности правоохранительной деятельности // Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции «Полиция и общество: пути сотрудничества (к 300-летию Российской полиции)». Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2018. С. 134—139.
11. Кубышко В.Л., Крук В.М. Психологические особенности позиционирования негативного образа полиции российской империи в интернет-информационной среде // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения — 2019): материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 25 апреля 2019 года. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. С. 9—15.
12. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война [Электронный ресурс]. URL: <http://malchish.org/lib/politics/infwar.htm> (дата обращения: 13.07.2019).
13. Маслакова М.В. Информационно-психологическая безопасность — основа формирования информационной культуры личности // Инновации в образовании. 2019. № 1. С. 72—78.
14. Олейников С.В. Информационная безопасность: от глобального к локальному измерению // Конфликтология. 2019. Т. 14. № 1. С. 24—34.
15. Панарин И.Н. Об информационной составляющей ОДКБ // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Стратегия "мягкой силы" в контексте информационных войн». М.: Московский государственный лингвистический университет, 2017. С. 230—236.
16. Панарин И.Н. Гладиаторы гибридной войны // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 2 (136). С. 60—65.
17. Письмо ДГСК МВД России от 10.10.2018 21/8/10998 «Методические рекомендации по организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // Доступ из специализированной территориально распределенной автоматизированной системы СТРАС «ЮРИСТ».
18. Психологическая оборона. Технологии управления массовым сознанием. Угрозы и вызовы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 20.05.2019).
19. Селиванов В.В. Теория мышления как процесса: экспериментальное подтверждение // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 1. С. 40—52.
20. Соколова М.В., Дозорцева Е.Г. Склонность к аутоагрессивному поведению у подростков и информация, потребляемая ими в интернете // Психология и право. 2019. Т. 9. № 1. С. 22—35.

21. Солдаткина М.А. Влияние Интернета на нравственное воспитание подрастающего поколения в информационном пространстве // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Научно-технический прогресс как фактор развития современного общества». Уфа: Омега сайнс, 2019. С. 155—158.
22. Справедливость как оружие // Военно-промышленный курьер. 2018. 18—24 сентября № 36(749). С. 7.
23. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/4dbff9722e14f63a309bce4c2ad3d12cc2e85f10/ (дата обращения: 19.07.2019).
24. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Статья 28. Присяга сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/7a342a4d412a6bbb4704a176165a9544fcf9e59b/ (дата обращения: 29.07.2019).

References

1. Ashmanov I.S. Mental'nye epidemii i "mozgovye" virusy v epokhu informatsionnykh voyn [Mental epidemic and the "brain" virus in the era of information warfare]. Voprosy kul'turologii [*Questions of cultural studies*], 2019, no. 3, pp. 9—17.
2. Baikov D.M. Razvitie u sotrudnikov organov vnutrennikh del gotovnosti k vyyavleniyu, analizu i neutralizatsii informatsionnykh ugroz v seti internet sredstvami obucheniya i vospitaniya [Development of employees of internal Affairs bodies readiness to identify, analyze and neutralize information threats on the Internet by means of training and education]. Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry [*Education. Science. Scientific personnel*], 2018, no. 1, pp. 144—147.
3. Barabanshchikov V.A., Zhegallo A.V., Khoze E.G., Solomonova A.V. Neverbal'nye prediktory otsenok dostovernosti/nedostovernosti soobshchaemoi informatsii [Non-Verbal predictors of assessments of the reliability/unreliability of information reported]. Eksperimental'naya psikhologiya [*Experimental psychology*], 2018, Vol. 11, no. 4, pp. 94—106. (In Russ., Abstr. in Engl.).
4. Belousov A.D. Sistemnyi podkhod v psikhologicheskom issledovanii destruktivnykh vliyaniy na nesovershennoletnikh v seti internet [System approach in psychological research of destructive influences on minors on the Internet]. Aktual'nye problemy psikhologii pravookhranitel'noi deyatel'nosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya — 2019): materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 25 aprelya 2019 goda [*Actual problems of psychology of law enforcement: concepts, approaches, technologies (Vasilevsky readings — 2019): materials of the international scientific-practical conference. St. Petersburg, 25 April 2019*]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2019, pp. 51—57.
5. Druzhilov S.A. Negativnye vozdeistviya sovremennoi informatsionnoi sredy na cheloveka: psikhologicheskie aspekty [Negative impact of modern information environment on human: psychological aspects]. Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal [*Psychological research: electronic scientific journal*], 2018, Vol. 11, no. 59, pp. 11.
6. Dudulin V.V., Savchenko I.A. Osobennosti primeneniya sil i sredstv informatsionno-psikhologicheskogo vozdeistviya v khode gibridnykh voyn [Features of application of forces and

- means of information and psychological influence during hybrid wars]. *Mir obrazovaniya — obrazovanie v mire [World of education — education in the world]*, 2018, no. 1 (69), pp. 89–93.
7. *Sivko K.V. Zakhvat budushchego v teorii i na praktike [Capture the future in theory and practice]. Voenno-promyshlennyi kur'er [Military-industrial courier]*, 11–17 sentyabrya 2018 goda, no. 35 (748), pp. 6.
 8. *Karayani A.G., Karayani Yu.M., Tsygankov S.V. Ispol'zovanie kraudsorsingovykh tekhnologii v informatsionno-psikhologicheskom protivoborstve v sotsial'nykh setyakh [The use of crowdsourcing technologies in information and psychological warfare in social networks]. Voennyi akademicheskii zhurnal [Military academic journal]*, 2018, no. 1 (17), pp. 75–82.
 9. *Kitova D.A., Sosnin V.A. Sotsial'naya identichnost' kak mishen' geopoliticheskogo vozdeistviya [Social identity as a target of geopolitical influence]. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 25-letiyu fakul'teta psikhologii Tverskogo gosudarstvennogo universiteta «Psikhologiya truda i upravleniya kak resurs razvitiya obshchestva v usloviyakh global'nykh izmenenii» [Proceedings of the International scientific and practical conference devoted to the 25th anniversary of the faculty of psychology of Tver state University "Psychology of labor and management as a resource for the development of society in the context of global changes"]*, Tver: Tver State University, 2018, pp. 123–128.
 10. *Korablev S.E. Psikhologicheskaya ustoichivost' sotrudnikov organov vnutrennikh del k destruktivnomu informatsionnomu vozdeistviyu kak problema effektivnosti pravookhranitel'noi deyatel'nosti [Psychological stability of employees of internal Affairs bodies to destructive information impact as a problem of efficiency of law enforcement activity]. Sbornik materialov vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Politsiya i obshchestvo: puti sotrudnichestva (k 300-letiyu Rossiiskoi politsii)» [Proceedings of the all-Russian scientific-practical conference "Police and society: ways of cooperation (to the 300th anniversary of the Russian police)"]*, Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, pp. 134–139.
 11. *Kubyshko V.L., Kruk V.M. Psikhologicheskie osobennosti pozitsionirovaniya negativnogo obraza politsii rossiiskoi imperii v internet-informatsionnoi srede [Psychological features of positioning the negative image of the police of the Russian Empire in the Internet information environment]. Aktual'nye problemy psikhologii pravookhranitel'noi deyatel'nosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya — 2019): materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 25 aprelya 2019 goda. [Actual problems of psychology of law enforcement: concepts, approaches, technologies (Vasilievsky readings — 2019): materials of the international scientific and practical conference. St. Petersburg, 25 April 2019]*, St. Petersburg.: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2019, pp. 9-15.
 12. *Lisichkin V.A., Shelepin L.A. Tret'ya mirovaya (informatsionno-psikhologicheskaya) voyna [Elektronnyi resurs] [Third world (information-psychological) war]. URL: <http://malchish.org/lib/politics/infwar.htm> (Accessed 13.07.2019).*
 13. *Maslakova M.V. Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost' — osnova formirovaniya informatsionnoi kul'tury lichnosti [Information and psychological security — the basis of the formation of information culture of personality]. Innovatsii v obrazovanii [Innovations in education]*, 2019, no. 1, pp. 72–78.
 14. *Oleinikov S.V. Informatsionnaya bezopasnost': ot global'nogo k lokal'nomu izmereniyu [Information security: from global to local dimension]. Konfliktologiya [Conflictology]*, 2019, Vol. 14, no. 1, pp. 24–34.
 15. *Panarin I.N. Ob informatsionnoi sostavlyayushchei ODKB [On the information component of the CSTO]. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Strategiya "myagkoi sily" v kontekste informatsionnykh voyn» [Proceedings of the International scientific and*

- practical conference "Strategy of "soft power" in the context of information wars"]*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, 2017, pp. 230-236.
16. Panarin I.N. Gladiatory gibridnoi voyny [Gladiators of hybrid war]. *Ekonomicheskie strategii [Economic strategies]*, 2016, Vol. 18, no. 2 (136), pp. 60–65.
 17. Pis'mo DGSK MVD Rossii ot 10.10.2018 21/8/10998 «Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii moral'no-psikhologicheskogo obespecheniya deyatelnosti organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii» [Letter DPSP Ministry of internal Affairs of Russia from 10.10.2018 21/8/10998 "Methodical recommendations on organization of moral and psychological support of activity of bodies of internal Affairs of the Russian Federation "]. Dostup iz spetsializirovannoi territorial'no raspredelennoi avtomatizirovannoi sistemy STRAS «YuRIST» [*The Access of a specialized geographically distributed automated system STRAS "LAWYER"*].
 18. Psikhologicheskaya oborona. Tekhnologii upravleniya massovym soznaniem. Ugrozy i vyzovy [Elektronnyi resurs] [Psychological defense. Technologies of management of mass consciousness. Threats and challenges]. URL: <http://www.wciom.ru> (Accessed 20.05.2019).
 19. Selivanov V.V. Teoriya myshleniya kak protsessa: eksperimental'noe podtverzhdenie [Theory of thinking as a process: an experimental confirmation]. *Ekspertimantal'naya psikhologiya [Experimental psychology]*, 2019, Vol. 12, no. 1, pp. 40–52. (In Russ., Abstr. in Engl.).
 20. Sokolova M.V., Dozortseva E.G. Sklonnost' k autoagressivnomu povedeniyu u podrostkov i informatsiya, potrebyaemaya imi v internete [Tendency to autoaggressive behavior in adolescents and the information they consume on the Internet]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2019, Vol. 9, no. 1, pp. 22–35. (In Russ., Abstr. in Engl.).
 21. Soldatkina M.A. Vliyanie interneta na npravstvennoe vospitanie podrastayushchego pokoleniya v informatsionnom prostranstve [The influence Of the Internet on the moral education of the younger generation in the information space]. *Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Nauchno-tekhnicheskii progress kak faktor razvitiya sovremennogo obshchestva» [Collection of articles of the International scientific and practical conference "Scientific and technical progress as a factor in the development of modern society"]*, Ufa: Omega Sights, 2019, pp. 155–158.
 22. Spravedlivost' kak oruzhie [Justice as a weapon]. *Voenno-promyshlennyyi kur'er [Military-industrial courier]*, 18-24 sentyabrya 2018 goda, no. 36 (749), pp. 7.
 23. Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 no. 646 «Ob utverzhdenii Doktriny informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii» [Elektronnyi resurs] [The decree of the President of the Russian Federation from 05.12.2016 № 646 "On approval of the Doctrine of information security of the Russian Federation"]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [*Legal-reference system Consultant Plus*]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/4dbff9722e14f63a309bce4c2ad3d12cc2e85f10/ (Accessed 19.07.2019).
 24. Federal'nyi zakon ot 30.11.2011 no. 342-FZ (red. ot 03.08.2018) «O sluzhbe v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii i vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii». Stat'ya 28. Prisyaga sotrudnika organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii. [Elektronnyi resurs] [Federal law No. 342-FZ of 30.11.2011 (ed. of 03.08.2018) "On service in the internal Affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation". Article 28. Oath of the employee of law-enforcement bodies of the Russian Federation]. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tant Plyus [*Legal-reference system Consultant Plus*]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/7a342a4d412a6bbb4704a176165a9544fcf9e59b/ (Accessed 29.07.2019).

Психодиагностика полового самосознания и установок межличностного взаимодействия в практике принудительного лечения больных с педофилией и коморбидными психическими расстройствами

Басинская И.А.

Орловская психиатрическая больница специализированного типа с интенсивным наблюдением (ФКУ ОПБСТИН МЗ РФ), г. Орел, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3445-9285>, e-mail: opbstin@yandex.ru

Беженарь Н.В.

Орловская психиатрическая больница специализированного типа с интенсивным наблюдением (ФКУ ОПБСТИН МЗ РФ), г. Орел, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4530-9103>, e-mail: natali.bejenar@yandex.ru

Борисова Т.Ю.

Орловская психиатрическая больница специализированного типа с интенсивным наблюдением (ФКУ ОПБСТИН МЗ РФ), г. Орел, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5918-9034>, e-mail: tat-logvinova@yandex.ru

В данной статье описываются результаты исследования оценки динамики параметров полового самосознания у психически больных — сексуальных правонарушителей с педофилией и коморбидными психическими расстройствами в процессе принудительного лечения. Обследовано до лечения и после курса лечения (психофармакологическое воздействие в сочетании с антиандрогенами и когнитивно-бихевиоральной психотерапией) 52 больных, среди них с гетеросексуальной педофилией — 32 человека, с гомосексуальной педофилией — 11 человек, с бисексуальной педофилией — 9 человек. Из них с диагнозом шизофрении — 22 пациента (43,3%), с органическим расстройством личности — 18 пациентов (34,6%), с умственной отсталостью легкой степени — 12 пациентов (23%). Использовались методики: «МиФ» — модифицированная методика исследования степени выраженности маскулинности-фемининности; «ЦТО» — «Цветовой тест отношений»; «Кодирование»; тест «Руки» Вагнера (компьютерный вариант HAND-тест) и рисуночный тест «Мужчина. Женщина. Ребенок». Выявленные изменения психологических характеристик позволяют выделить актуальные мишени для психотерапевтического воздействия и могут учитываться при определении оценки риска рецидива и степени общественной опасности пациентов.

Ключевые слова: педофилия, антиандрогены, психотерапия, половое самосознание.

Для цитаты: Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю. Психодиагностика полового самосознания и установок межличностного взаимодействия в практике принудительного лечения больных с педофилией и коморбидными психическими расстройствами [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 30-43. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100103>

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.
Психодиагностика полового самосознания и установок
межличностного взаимодействия в практике
принудительного лечения больных с педофилией и
коморбидными психическими расстройствами. Психология
и право. 2020. Том 10. № 1. С. 30–43.

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.
Psychodiagnostics of sexual awareness and of interpersonal
interaction attitudes in the practice of compulsory treatment of
patients with pedophilia and comorbid mental disorders.
Psychology and Law 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 30–43.

Psychodiagnostics of sexual awareness and of interpersonal interaction attitudes in the practice of compulsory treatment of patients with pedophilia and comorbid mental disorders

Irina A. Basinskaya

Oryol Specialized Intensive Care Psychiatric Hospital, Oryol, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3445-9285>, e-mail: opbstin@yandex.ru

Nataliya V. Bezhenar

Oryol Specialized Intensive Care Psychiatric Hospital, Oryol, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4530-9103>, e-mail: natali.bejenar@yandex.ru

Tatyana Yu. Borisova

Oryol Specialized Intensive Care Psychiatric Hospital, Oryol, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5918-9034>, e-mail: tat-logvinova@yandex.ru

This article presents the results of a study that assesses the dynamics of the parameters of sexual awareness in mentally sick patients (sexual criminals with pedophilia and comorbid mental disorders in the process of compulsory treatment). 52 patients were examined before and after the course of treatment (psychopharmacological effect combined with antiandrogens and cognitive-behavioral psychotherapy); among which there are 32 subjects with heterosexual pedophilia, 11 subjects - with homosexual pedophilia, 9 subjects - with bisexual pedophilia; 22 subjects (43,3 %) diagnosed with schizophrenia, 18 subjects (34,6%) - with organic personality disorder, 12 subjects (23%) - with mild mental retardation. Methods used: "MiF" - a modified gender identity test; "TsTO" - "Color Test"; "Coding"; Vagner Test (a computer version of the HAND test) and the Drawing Test "Man. Woman. Child». The identified changes make it possible to detect actual targets for psychotherapeutic intervention and can be taken into account when determining the risk of recidivism and of patients' danger degree.

Keywords: pedophilia, antiandrogens, psychotherapy, sexual awareness.

For citation: Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu. Psychodiagnostics of sexual awareness and of interpersonal interaction attitudes in the practice of compulsory treatment of patients with pedophilia and comorbid mental disorders. *Psikhologiya i pravo*, 2020. Vol. 10, no. 1. p.30-43. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100103>

Наличие сексуального влечения к детям является одним из самых значимых прогностических факторов рецидивизма сексуальных правонарушений в отношении несовершеннолетних, поэтому повышение качества диагностики и лечения педофилии имеет особое значение [8; 9; 19].

Актуальность проблемы восприятия объекта сексуального предпочтения у лиц с педофилией в зависимости от отношения к сексуальному влечению обусловлена практической и научной значимостью.

Важность данного исследования обусловлена возможностью более дифференцированного рассмотрения особенностей психосексуальной сферы через исследование особенностей гендерной

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.
Психодиагностика полового самосознания и установок межличностного взаимодействия в практике принудительного лечения больных с педофилией и коморбидными психическими расстройствами. Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 30–43.

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.
Psychodiagnostics of sexual awareness and of interpersonal interaction attitudes in the practice of compulsory treatment of patients with pedophilia and comorbid mental disorders. Psychology and Law 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 30–43.

идентичности, что позволяет приблизиться к пониманию их роли в реализации аномального сексуального влечения в форме педофилии [7].

В Российской Федерации психологическое исследование сексуальной сферы построено по принципу преимущественно качественного, а не количественного анализа [14].

При этом, проблема полоролевой идентичности рассматривается как самая важная для личности, страдающей парафилией [11; 13].

Также, важным представляется исследование половозрастной идентичности лиц, совершивших сексуальные насильственные действия в отношении несовершеннолетних, выступающей в качестве регулятора поведения человека в ситуации межвозрастного общения и позволяющей выбирать адекватные способы взаимодействия с окружающими [5].

У лиц с педофилией нами выделен ряд признаков, которые можно объединить в целостный патопсихологический симптомокомплекс, который включает следующие особенности.

- *Отсутствие полноценной идентификации с мужской половой ролью.* Выражается в низких (в сравнении с нормативными данными) показателях маскулинности или чрезмерно выраженной фемининности образа Я, в сильном расогласовании с мужским образом, идентификации с женским образом.

- *Нежелание или лишь формальное стремление соответствовать мужской половой роли.* В подавляющем большинстве случаев лица, совершившие сексуальные преступления в отношении детей, показывают, что стремятся соответствовать мужскому образу, однако остальные признаки указывают на то, что это лишь декларируемое, формальное стремление, не выражающееся в реальном поведении.

- *Отношение к полоролевым стереотипам, отличное от положительного* (негативное, амбивалентное или нейтральное/безразличное). Некоторая амбивалентность в восприятии мужского и женского образов так или иначе свойственна многим сексуальным преступникам, но для лиц с педофилией значительно чаще характерно крайне недоброжелательное отношение к мужскому полоролевому стереотипу даже на подсознательном уровне.

- *Искаженное представление о полоролевых стереотипах.* Восприятие мужской и женской половых ролей при педофилии более женственное, чем в норме (т. е. характеризующееся меньшей выраженностью маскулинности и большей выраженностью фемининности в сравнении со среднестатистическими данными по нормальной выборке).

- *Сексуализированное отношение к образу ребенка* (особенно мальчика). Образ сексуального партнера у лиц с педофилией не соответствует культурным представлениям о женщине, что находит выражение в результатах всех методик. Если признаки, указывающие на привлекательность ребенка, одиночны, не носят системного характера, вывод о сексуальных предпочтениях не может быть сделан [2].

Считается, что когнитивно-бихевиоральная терапия должна проводиться у всех сексуальных преступников. При высоком риске рецидива психотерапия проводится одновременно с терапией антиандрогенами, при низком риске комбинируется с ингибиторами обратного захвата серотонина и трициклическими антидепрессантами [17]. Отмечается, что статистически значимой разницы в эффективности терапии между давшими добровольное согласие на психотерапию и случаями ее применения в принудительном порядке не выявляется [16]. В некоторых работах [18] описан опыт групповой психотерапии, направленной на коррекцию образов мужчин и женщин у сексуальных правонарушителей.

Цель исследования — выявление динамических особенностей полоролевой идентичности у психически больных сексуальных правонарушителей с педофилией и коморбидными психическими расстройствами в процессе принудительного лечения.

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.
Психодиагностика полового самосознания и установок межличностного взаимодействия в практике принудительного лечения больных с педофилией и коморбидными психическими расстройствами. Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 30–43.

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.
Psychodiagnostics of sexual awareness and of interpersonal interaction attitudes in the practice of compulsory treatment of patients with pedophilia and comorbid mental disorders. Psychology and Law 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 30–43.

Материалы и методы

Организация научной работы — сплошное обсервационное исследование. Научная работа выполнена на базе Орловской психиатрической больницы специализированного типа с интенсивным наблюдением. В исследование были включены пациенты, находящиеся на длительном лечении в указанной больнице (до 12 лет). Были обследованы 52 мужчины в возрасте от 20 до 60 лет, с педофилией (F.65 по МКБ-10). Средний возраст пациентов составил 36,9 лет. Все пациенты совершили сексуальные правонарушения (по ст. 131, 132, 133, 135, 105 Уголовного кодекса РФ) и были признаны невменяемыми.

Среди лиц с педофилией отмечается значительное преобладание пациентов с гетеросексуальной педофилией — 32 человека, гомосексуальная педофилия была диагностирована у 11 человек, бисексуальная педофилия — у 9 человек. Анализ нозологического спектра показал, что преобладают пациенты с диагнозом шизофрении — 22 пациента (43,3%). У 18 пациентов (34,6%) выявлено органическое расстройство личности. В остальных случаях диагностировалась умственная отсталость легкой степени — 12 пациентов (23%). Данные психические расстройства в большинстве случаев сочетались с синдромом зависимости от алкоголя или наркотических веществ.

Критериями исключения из исследования были наличие умеренной умственной отсталости, обострения хронического психического расстройства, деменция в связи с невозможностью участия в исследовании по психическому состоянию.

Все пациенты в период исследования находились на антипсихотической терапии (галоперидол, хлорпромазин, хлорпротиксен, трифлуоперазин, кветиапин, рисперидон, клозапин, диазепам, хлордиазепоксид) в соответствии с клиническими показаниями в сочетании с антиандрогенами (ципротерон ацетат пролонгированного действия для инъекций, средняя доза составила 300 мг 1 раз в 2 недели в/м) и психотерапией.

При направленном психологическом исследовании нами были использованы модифицированная методика исследования степени выраженности маскулинности—фемининности (МиФ) [3], цветовой тест отношений (ЦТО) [1,12], тест «Кодирование» [3,15], рисуночный тест и тест руки Вагнера [3,10].

Предметными сферами направленного экспериментально-психологического исследования полового самосознания являются [3]:

1) особенности полового самосознания, включающие полоролевую идентичность; представления о стереотипах поведения и функциях, характеризующих мужчин и женщин, и отношение к ним; паттерны поведения в соответствии с полоролевыми стереотипами; установки, ценности индивида в отношении стереотипного или коррелирующего с ним поведения того или иного пола; установки, ценности индивида в отношении представителя другого пола, особенности интериоризированности половой роли;

2) особенности межличностного восприятия, включающие восприятие реального и потенциального объекта сексуального предпочтения, эмоционального восприятия полоролевых образов; особенности самовосприятия; конфликтность в полоролевой сфере; установки, стратегии межличностного взаимодействия.

Проводилось прерывное (дискретное) статистическое наблюдение, где установление и обследование признаков производилось регулярно через сравнительно равные интервалы времени (периодическое статистическое наблюдение): до проведения лечения, после проведения лечения и психотерапии, через каждые 12 месяцев в течение последних 3 лет.

Статистическая обработка данных выполнялась с использованием пакета программ STATISTICA 10 для Windows, Microsoft Excel 2010. Использовался анализ частотности исследуемых признаков (абсолютные их значения, удельный вес, сколько раз встречается то или

иное значение признака), непараметрические методы проверки статистических гипотез (критерий Мак-Немара для зависимых выборок, где проводились две регистрации на одной и той же выборке до и после лечения: χ^2 Мак-Немара, χ^2 Мак-Немара с поправкой Йейтса, χ^2 Мак-Немара с поправкой Эдвардса; число степеней свободы (df для определения p-value); определение уровня статистической достоверности p-value).

Исследование проводили с соблюдением современных норм биомедицинской этики. От всех обследованных получено добровольное информированное согласие на участие в исследовании.

Результаты направленного психологического исследования до лечения

При анализе полового самосознания было выявлено, что для пациентов с педофилией до проведения лечения на передний план выходят нарушения в становлении и усвоении аспектов полового самосознания (рис. 1).

Рис. 1. Половое самосознание при педофилии до лечения

В целом, анализируя полученные данные, при педофилии выявляется недостаточная дифференцированность мужских и женских образов по половому и возрастному признаку, при амбивалентном или отрицательном характере самоотношения (изучение особенностей самовосприятия, выявление степени интериоризованности полоролевых нормативов, оценивание четкости и дифференцированности половозрастного восприятия объекта сексуального предпочтения при помощи методики «Кодирование»). Образ Я не соответствует мужскому полоролевому стереотипу, проявляется стремление к идентификации с женским полоролевым стереотипом и непринятие аспектов мужского полоролевого поведения (методика «МиФ»). Полоролевое поведение в ситуации взаимодействия как с мужчинами, так и с женщинами для всех видов педофилии характеризуется недостаточной сформированностью стереотипов полоролевого поведения и определено по андрогинному типу (71%). Образ идеального сексуального партнера характеризуется андрогинностью (86%). Выявляется диффузность половозрастной идентификации, искажение смыслового аспекта сферы психосексуальных ориентаций, психический инфантилизм, установление цветоассоциативной связи между понятиями «Я» и «ребенок», «Я-мальчик», «Я-девочка» (методика «ЦТО»), что свидетельствует о наличии полоролевого конфликта, связанного с неустойчивостью, изменчивостью образа Я.

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.
Психодиагностика полового самосознания и установок межличностного взаимодействия в практике принудительного лечения больных с педофилией и коморбидными психическими расстройствами. Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 30–43.

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.
Psychodiagnostics of sexual awareness and of interpersonal interaction attitudes in the practice of compulsory treatment of patients with pedophilia and comorbid mental disorders. Psychology and Law 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 30–43.

В 67% случаев выявляются инфантильные тенденции, где обнаруживаются такие цветоассоциативные цепочки, как «я» — «ребенок» — «я идеальный» — «мальчик» — «девочка» (методика ЦТО).

В 71% случаев выявляются аутоэротические тенденции, о чем свидетельствует близость образов «я» — «идеальный/реальный сексуальный партнер» — «я-идеальный» (методика МиФ), «я-идеальный» — «секс»; «я» — «идеальный/реальный сексуальный партнер»; «я» — «сексуальное удовлетворение» (методика ЦТО), что может говорить о спонтанном сексуальном влечении, не обусловленном прямым или опосредованным внешним объектом.

Полученные нами данные подтверждают другие исследования, которые показывают, что для людей с расстройствами сексуального влечения в форме педофилии были свойственны черты инфантилизма, характерна выраженная фемининность, нарушения фазности полового развития и искажения половозрастного самосознания, нарушения в сфере межличностной коммуникации, склонность к идентификации с сексуальным партнером-ребенком [5].

Результаты исследования полового самосознания до лечения

1. Полоролевая идентичность:

- определена по фемининному типу в 72% случаев при гетеросексуальной педофилии;
- определена по андрогинному типу в 73% случаев при гомосексуальной педофилии;
- определена по фемининному типу в 67% случаев при бисексуальной педофилии.

2. **Полоролевые предпочтения** («Я-идеальное») у обследованных при всех видах педофилии недостаточно дифференцированы и определены по андрогинному (71%) типу, образ мужчины слабо включен в ценностно-смысловую структуру личности, что отражается на участии полоролевых стереотипов в самосознании и контроле своего поведения.

3. Представления о полоролевых стереотипах.

При гетеросексуальной педофилии представления о женской половой роли характеризуются преобладанием фемининных черт (84%), с *искаженностью* восприятия возрастных особенностей половой роли, с положительным в 78% случаев или амбивалентным (22%) отношением к образу женщины (методика «Кодирование»).

При гомосексуальной педофилии мужской полоролевой стереотип определен по андрогинному типу (88%).

Для таких больных оказалось характерным отрицательное восприятие образа «женщины», проявляющееся в установлении связи между понятиями «женщина» — «страх» — «грубость» — «неприятный человек» — «унижение» — «тревога» — «боль» (методика «ЦТО»).

Также, выявляется нечеткость представлений о возрастной специфике половой роли с установлением связи между понятиями «мальчик» — «мужчина» — «ребенок» (методики «ЦТО», «Кодирование»).

При бисексуальной педофилии мужской (89%) и женский (78%) полоролевой стереотип определен по андрогинному типу при амбивалентном отношении к образу мужчины в 45% и образу женщины в 78% случаев (методика «Кодирование»).

4. Полоролевое поведение.

Выявляется, что пациенты с гетеросексуальной педофилией выбирают фемининные (33%) или андрогинные (78%) модели поведения.

Пациенты с гомосексуальной педофилией в ситуациях полоролевого взаимодействия, как с мужчинами, так и с женщинами, выбирают андрогинные модели поведения в 64% случаев. В 11% случаях, в мужском коллективе паттерны поведения характеризуются отсутствием выраженности полоролевых черт (недифференцированный тип).

При бисексуальной педофилии в 56% случаев выбираются андрогинные модели поведения. Также здесь в 22% случаев выявляются в равной степени как фемининные, так и

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.
Психодиагностика полового самосознания и установок
межличностного взаимодействия в практике
принудительного лечения больных с педофилией и
коморбидными психическими расстройствами. Психология
и право. 2020. Том 10. № 1. С. 30–43.

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.
Psychodiagnostics of sexual awareness and of interpersonal
interaction attitudes in the practice of compulsory treatment of
patients with pedophilia and comorbid mental disorders.
Psychology and Law 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 30–43.

недифференцированные модели поведения, что говорит о дезадаптивном характере поведения в ситуации полоролевого взаимодействия и нестабильности собственного образа.

5. Сексуальные предпочтения (образ идеального сексуального партнера).

При гетеросексуальной педофилии сексуальные предпочтения определены по андрогинному типу (84%) с более высокими фемининными показателями, и образ идеального сексуального партнера соответствует образу женщины. Однако, при этом выявляется искажение восприятия возрастного признака женской половой роли, где женский образ имеет черты детского возраста (методика «Кодирование»), также выявляется связь между понятиями «женщина» — «девочка» — «ребенок» («ЦТО»).

При гомосексуальной педофилии сексуальные предпочтения определены по андрогинному типу в 90% случаев. Выявляется недостаточная дифференцированность по возрастному признаку половой роли и обнаруживается пересечение образов «мальчик» — «мужчина» — «идеальный/реальный сексуальный партнер» (методика ЦТО), где образ ребенка наделяется качествами взрослого мужчины (методика «Кодирование»), что делает сексуально привлекательным образ незрелого в половом отношении лица, как сексуального объекта.

При бисексуальной педофилии сексуальные предпочтения в 89% случаев имеют андрогинный тип и в 11% случаев — маскулинный. Выявляется установление связи между понятиями «женщина» — «ребенок» — «девочка» — «мальчик» — «мужчина» — «сексуальное желание» — «идеальный/реальный сексуальный партнер» — «сексуальное удовлетворение» (методика «ЦТО»).

Полученные нами данные соответствуют данным других исследований, где было выявлено, что образ «Я-реальное» характеризуется выраженным преобладанием фемининных черт над маскулинными, «Я-идеальное» определен по андрогинному типу и лица с педофилией в большей степени склонны к демонстрации фемининных моделей поведения при взаимодействии как с мужчинами, так и с женщинами [7].

Установки межличностного взаимодействия

У пациентов в целом в 69% случаев выявляется повышенная вероятность агрессивного поведения и доминирования в ситуации межличностного взаимодействия, отсутствие стремления учитывать чувства, права и намерения других в своем поведении (все расчеты производились при помощи компьютерного варианта «HAND-теста» [Иматон]). Выявляется личностная дезадаптация, тенденция к уходу от реальности и нежелание приспособливаться к социальному окружению.

При изучении рисуночных методик результаты нашего исследования подтверждают данные других авторов, описывающих признаки, характерные для педофилии [20]: формальность восприятия возрастных особенностей ребенка в рисунке (при педофилии «ребенок» часто изображается с игрушкой, бантиками и др., таким образом, подчеркивается за счет внешних атрибутов его возраст) [4].

Результаты направленного психологического исследования после лечения

При анализе результатов после проведенного лечения было выделено две группы пациентов:

1-я группа — пациенты, у которых выявляются изменения в сексуальной сфере — 36 (69%) пациентов ($df=1$; $p<0,05$ [$p=0,046$]).

Среди них выявляется положительная динамика у пациентов:

- с гетеросексуальной педофилией — 23 (64%);
- с гомосексуальной педофилией - 8 (22%);
- бисексуальной педофилией 5 (14%).

С диагнозом «шизофрения» — 20 (55,6%) больных, с органическими расстройствами личности — 7 (19,4%), с умственной отсталостью легкой степени — 9 (25 %).

2-я группа — пациенты, у которых не выявлялось динамики — 16 больных (31%), среди которых с гетеросексуальной педофилией — 9 (56%) пациентов, с гомосексуальной педофилией — 3 (19%), с бисексуальной педофилией — 4 (25%) пациента. С диагнозом «шизофрения» — 2 (12,5%) больных, с органическими расстройствами личности — 11 (68,7%), с умственной отсталостью легкой степени — 3 (18,8 %).

У пациентов первой группы отмечается *положительная динамика* в половом самосознании (рис. 2).

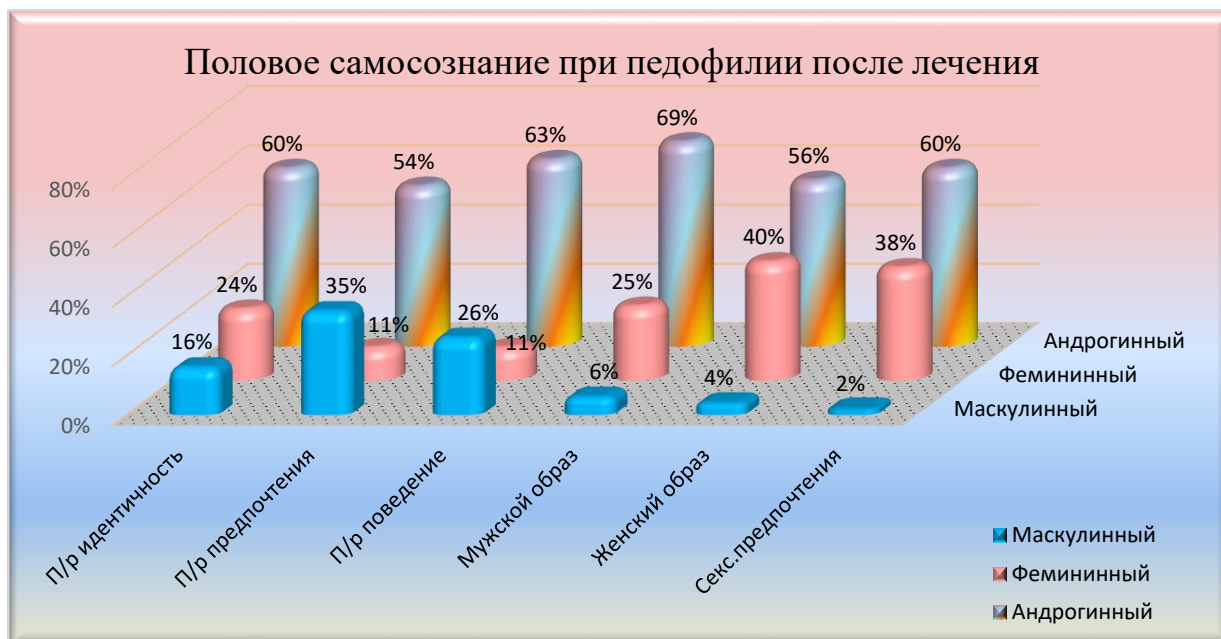

Рис. 2. Половое самосознание при педофилии после лечения (1-я группа)

Выявляется такая положительная динамика по видам педофилии, как:

- изменение полоролевой идентичности с фемининной на андрогинную (62,5%) ($df=1$; $p<0,05$ ($p=0,021$)), идентификация с мужским образом (33%), изменение самоотношения с негативного на амбивалентное (66%), при *гетеросексуальной педофилии* ($p<0,05$).

- идентификация с мужским образом (36%) ($df=1$; $p<0,05$ ($p=0,034$)), изменение самоотношения с негативного на амбивалентное (45%) и положительное (27%), при *гомосексуальной педофилии* ($p<0,05$);

- изменение полоролевой идентичности с фемининной на андрогинную в 56% случаев, идентификация с мужским образом (44%), изменение самоотношения с негативного на амбивалентное (44%), при *бисексуальной педофилии*. Несмотря на то, что зафиксированы изменения в половом самосознании при бисексуальной педофилии, изменения частоты признака статистически незначимы.

В целом, в первой группе пациентов выявляется, что:

- эмоциональное восприятие и отношение к образу мужчины стало амбивалентным в 73% случаев;

- паттерны полоролевого поведения в ситуациях взаимодействия с мужчинами и женщинами стали андрогинными в 63% случаев;

- на данный момент преобладающими являются установки, направленные на социальное сотрудничество в 71% случаев.

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.
Психодиагностика полового самосознания и установок
межличностного взаимодействия в практике
принудительного лечения больных с педофилией и
коморбидными психическими расстройствами. Психология
и право. 2020. Том 10. № 1. С. 30–43.

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.
Psychodiagnostics of sexual awareness and of interpersonal
interaction attitudes in the practice of compulsory treatment of
patients with pedophilia and comorbid mental disorders.
Psychology and Law 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 30–43.

Анализ показателей наличия или отсутствия инфантильных и аутоэротических тенденций не показал достоверных различий до и после лечения.

В ряде случаев рисунки позволили оценить динамику изменения полового самосознания до и после лечения. Так, оценивая рисунок в динамике (рис. 3) после комплексного лечения, у пациента К еще выявляется высокая значимость сексуальной сферы, о чем говорит отсутствие одежды и прорисовка пупка, но, выявляется идентификация уже с маскулинным объектом (ранее с фемининным), а, округлая фигура ассоциируется с менее агрессивным образом.

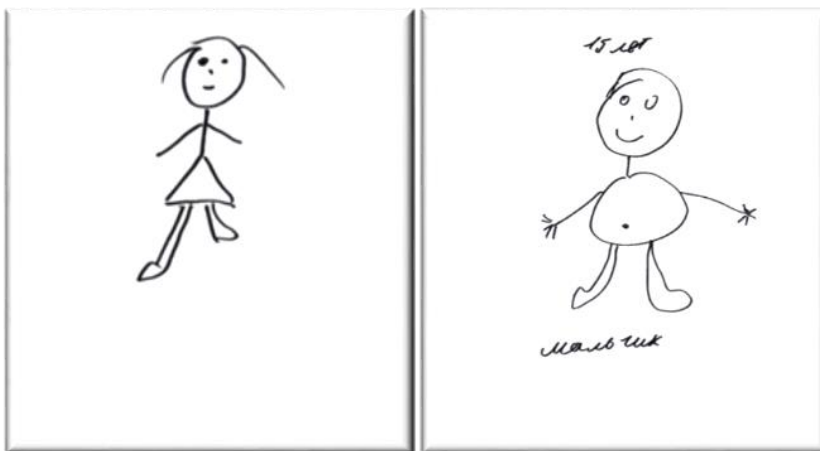

Рис. 3. Бисексуальная педофилия (пациент К) (до и после лечения)

У пациента С с гетеросексуальной педофилией на втором рисунке определяется наличие половой дифференцированности (на первом рисунке — неопределенного пола) и идентификация с маскулинным объектом, а также на втором рисунке выявляется отсутствие атрибутов в изображении ребенка. (рис. 4).

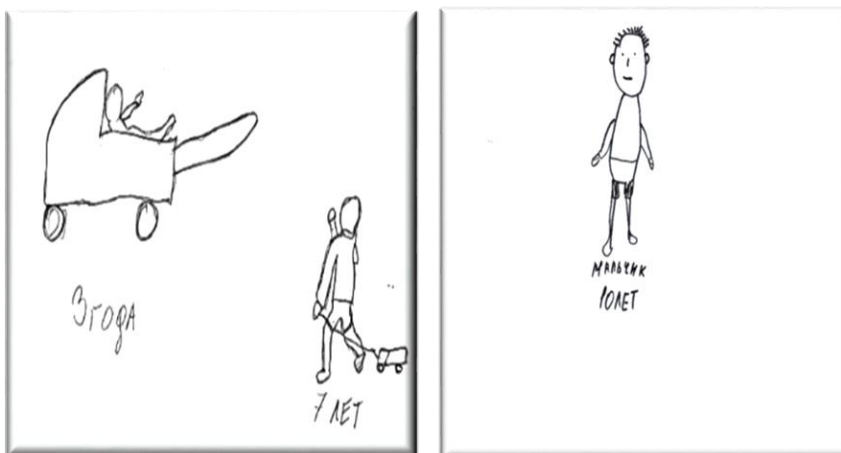

Рис. 4. Гетеросексуальная педофилия (пациент С) (до и после лечения)

Пациент К с гетеросексуальной педофилией нарисовал более маскулинную фигуру, включающую углы и широкие плечи с отсутствием атрибутов для подчеркивания возраста ребенка (рис. 5).

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.
Психодиагностика полового самосознания и установок
межличностного взаимодействия в практике
принудительного лечения больных с педофилией и
коморбидными психическими расстройствами. Психология
и право. 2020. Том 10. № 1. С. 30–43.

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.
Psychodiagnostics of sexual awareness and of interpersonal
interaction attitudes in the practice of compulsory treatment of
patients with pedophilia and comorbid mental disorders.
Psychology and Law 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 30–43.

Рис. 5. Гетеросексуальная педофилия (пациент К) (до и после лечения)

Пациент Э, с гетеросексуальной педофилией, на первом рисунке изобразил ребенка неопределенного пола, а по рисунку в динамике определяется наличие половой дифференцированности и идентификация с маскулинным объектом (рис. 6).

Рис. 6. Гетеросексуальная педофилия (пациент Э) (до и после лечения)

У пациента Б., с гомосексуальной педофилией на первом рисунке выявляется фемининность мужской фигуры и выраженная маскулинность женской фигуры. После проведенного комплексного лечения по рисуночным тестам определяется маскулинная фигура, где изначально пациент рисовал ребенка, но потом сказал, что это его автопортрет, и объяснил возраст 15 лет тем, что «я застрял в возрасте пубертата и мне это нравится!» (рис. 7).

Рис. 7. Гомосексуальная педофилия (пациент Б) (до и после лечения)

Таким образом, при анализе рисуночных тестов (по К. Маховер) была выявлена следующая положительная динамика у 35 (67%) пациентов:

- идентификация с маскулинным объектом;
- более маскулинная фигура, включающая углы и соотносящаяся с энергичностью и принципами экспрессивного движения;
- наличие половой дифференцированности;
- отсутствие атрибутов в изображении ребенка;
- снижение агрессивных тенденций, что проявляется в отсутствии выраженной штриховки, наличии более плавных и округлых линий, отсутствии заостренных, жирно прорисованных пальцев, кулаков.

Обсуждение и выводы

Изучение результатов направленного психологического исследования полового самосознания и установок межличностного взаимодействия лиц с педофилией и коморбидными психическими расстройствами показало, что ряд параметров может являться тонким индикатором изменений в процессе терапии.

После проведенного лечения выявляется положительная динамика в сфере полового самосознания при педофилии, где обнаруживается:

- большая определенность представлений о себе и идентификация с мужским образом;
- изменение самоотношения с отрицательного на амбивалентное с тенденцией к положительному;
- изменение эмоционального восприятия и эмоционального отношения к мужскому образу на амбивалентное с тенденцией к положительному;
- увеличение дифференцированности представления о женской половой роли;
- андрогинность паттернов полоролевого поведения с более высокими маскулинными показателями в ситуациях межличностного взаимодействия;
- снижение агрессивности как свойства личности, характеризующееся отсутствием деструктивных тенденций, в основном в области субъектно-субъектных отношений, и преобладание установок, направленных на социальное сотрудничество.

Не выявлено достоверной динамики выраженности инфантильных и аутоэротических тенденций, что должно учитываться в качестве мишеней для последующей психотерапии.

Полученные данные в целом позволяют уточнить особенности полового самосознания, более дифференцированно оценить нарушения сексуальной сферы [5] при различных вариантах педофилии, выявить закономерности типов отношения к сексуальному влечению с

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.
Психодиагностика полового самосознания и установок межличностного взаимодействия в практике принудительного лечения больных с педофилией и коморбидными психическими расстройствами. Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 30–43.

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.
Psychodiagnostics of sexual awareness and of interpersonal interaction attitudes in the practice of compulsory treatment of patients with pedophilia and comorbid mental disorders. Psychology and Law 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 30–43.

определенными особенностями восприятия объекта сексуального предпочтения [6] и приблизиться к пониманию роли выявленных особенностей в реализации аномального сексуального влечения [7], что должно учитываться при определении оценки риска рецидива, степени общественной опасности пациентов и использоваться при разработке коррекционных и профилактических программ в отношении пациентов с педофилией [6].

Литература

1. Бодалев А.А., Столин В.В. Аванесов В.С. Общая психодиагностика. СПб.: Речь, 2000. 440 с.
2. Введенский Г.Е., Каменсков М.Ю., Штарк Л.Н., Демидова Л.Ю., Макарова Т.Е., Павлов Г.А. Комплексная сексолого-психиатрическая оценка лиц с педофилией. Судебно психиатрическая диагностика / Под ред. Е.В. Макушкина, А.А. Ткаченко. М.: 2017. С. 247—287.
3. Дворянчиков Н.В. Полоролевая идентичность у лиц с девиантным сексуальным поведением: автореф. дисс. ...канд. психол. наук. М., 1998. 28 с.
4. Дворянчиков Н.В., Герасимов А.В., Ткаченко А.А. Психологические особенности лиц с парафилиями // Аномальное сексуальное поведение / Под ред. А.А. Ткаченко. М.:1997.С. 60—91.
5. Дворянчиков Н.В., Макарова Т.Е. Половозрастная идентичность у лиц, совершивших сексуальные насильственные действия в отношении детей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63799.shtml> (дата обращения: 01.07.2019).
6. Дворянчиков Н.В., Макарова Т.Е., Юшина Н.Н. Особенности восприятия объекта сексуального предпочтения у лиц с педофилией в зависимости от отношения к сексуальному влечению [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Т. 6. № 1. С. 120—131 doi:10.17759/psylaw.2016060110
7. Дворянчиков Н.В., Юшина Н.Н., Макарова Т.Е. Особенности гендерной идентичности при педофилии и их роль в реализации аномального сексуального влечения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Т. 8. № 3. С. 179—189. doi:10.17759/psylaw.2018080313
8. Макушкина О.А., Казаковцев Б.А. Оценка эффективности профилактики общественно-опасных действий психически больных // Психическое здоровье . 2012. № 4. С. 3—11.
9. Макушкина О.А., Симбирцев А.А. Характеристики и предикторы повторного опасного поведения больных с тяжелыми психическими расстройствами // Психическое здоровье. 2014. № 11. С. 26—33.
10. Маховер К. Проективный рисунок человека. М.: Смысл, 2014. 160 с.
11. Сафуанов Ф.С. Актуальные теоретические и методологические проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы // Психология и право. 2011. № 2. С. 13—15.
12. Старович З. Судебная сексология. М.: Юридическая литература, 1991. 178 с.
13. Таинственный А. Педофилия и детская порнография в контексте современного общества // Независимый психиатрический журнал. 2016. № 1. С. 18—39.
14. Ткаченко А.А., Каменсков М.Ю., Демидова Л.Ю. Современная диагностика расстройств сексуального предпочтения (международный опыт) // Российский психиатрический журнал. 2017. № 6. С. 60—69.
15. Эткин А.М. Цветовой тест отношений. М., 1987. С. 221—227.
16. Codispoti V. Pharmacology of sexual compulsive behavior // Shrink The Wedge North. 2008. Vol. 31(4). P. 671—679. doi :10.1016 / j.psc.2008.06.002
17. Guay Dr. Medical treatment of paraphilic and non-paraphilic sexual disorders // Clin Ther. 2009. Vol. 31(1). P. 1—31. doi:10.1016 /j.clinthera.2009.01.009

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.
Психодиагностика полового самосознания и установок
межличностного взаимодействия в практике
принудительного лечения больных с педофилией и
коморбидными психическими расстройствами. Психология
и право. 2020. Том 10. № 1. С. 30–43.

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.
Psychodiagnostics of sexual awareness and of interpersonal
interaction attitudes in the practice of compulsory treatment of
patients with pedophilia and comorbid mental disorders.
Psychology and Law 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 30–43.

18. Moertl K., Buchholz M., Lamott F. Gender constructions of male sex offenders in Germany: narrative analysis from group psychotherapy // Arch Sex Behavior. 2010. Vol. 39(1). P. 203–212. doi: 10.1007 / s10508-009-9588-1
19. Turner D., Gregorio Hert P, Sauter J. et al. Pharmacological treatment of sexual offenders in German outpatient treatment centers // Int Clin Psychopharmacology. 2018. Vol. 33(6). P. 349–352 doi: 10.1097 / YIC.0000000000000222
20. Verdon M.M., Wysocki B.A., Wysocki A.C. Human figure drawing of sex offenders // J Clin Psychol. 1977. Vol. 33(1). P. 278–84.

References

1. Bodalev A.A., Stolin V.V. Avanesov V.S. Obshchaya psikhodiagnostika [General psychodiagnostics]. Saint-Petersburg: Izd-vo Rech', 2000. 440 p.
2. Vvedenskii G.E, Kamenskov M.Yu., Shtark L.N., Demidova L.Yu., Makarova T.E., Pavlov G.A. Kompleksnaya seksologo-psikhiatricheskaya otsenka lits s pedofiliei. Sudebno psikhiatricheskaya diagnostika [Complex sexological and psychiatric assessment of persons with pedophilia. Forensic psychiatric diagnostics] / In E.V.Makushkin, A.A.Tkachenk (eds.). Moscow: 2017. pp.247-287.
3. Dvoryanchikov N.V. Polorolevaya identichnost' u lits s deviantnym seksual'nym povedeniem. Avtopref. diss. kand. psikholog. nauk. [Gender-role identity in persons with deviant sexual behavior. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 1998. 28 p.
4. Dvoryanchikov N.V., Gerasimov A.V., Tkachenko A.A. Psikhologicheskie osobennosti lits s parafiliiami [Psychological features of persons with paraphilia] // Anomal'noe seksual'noe povedenie [Abnormal sexual behavior] / In A.A. Tkachenko (eds.). Moscow:1997. pp.60-91.
5. Makarova T.E., Dvoryanchikov N.V. Age and gender identity in the perpetrators of sexual violence against children [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2013. Vol. 3, no. 3 (In Russ., abstr. in Engl.)
6. Dvoryanchikov N.V., Makarova T.E., Yushina N.N. Perception features of the sexual preference object in persons with pedophilia depending on the attitude to sexual desire [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2016. Vol. 6, no. 1, pp. 120–131. doi:10.17759/psylaw.2016060110. (In Russ., abstr. in Engl.)
7. Dvoryanchikov N.V., Yushina N.N., Makarova T.E. Gender identity of pedophiles and its role in the implementation of abnormal sexual attraction [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 179–189. doi:10.17759/psylaw.2018080313. (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Makushkina O.A.,Kazakovtsev B.A. Otsenka effektivnosti profilaktiki obshchestvenno-opasnykh deistvii psikhicheski bol'nykh [Evaluation of the effectiveness of prevention of socially dangerous actions of mentally ill people] // *Psikhicheskoe zdorov'e [Mental health]* . 2012. no. 4. pp.3-11.
9. Makushkina O.A., Simbirtsev A.A. Kharakteristiki i prediktory povtornogo opasnogo povedeniya bol'nykh s tyazhelymi psikhicheskimi rasstroistvami [Characteristics and predictors of repeated dangerous behavior of patients with severe mental disorders] // *Psikhicheskoe zdorov'e [Mental health]*. 2014. no. 11. pp. 26-33.
10. Makhover K. Proektivnyi risunok cheloveka [Proektivnye drawing of a man]. Moscow: Izd-vo Smysl, 2014. 160 p.
11. Safuanov F.S. Topical Theoretical and Methodological Issues of Complex Psychological and Psychiatry Inquiry [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2011. Vol. 1, no. 2 (In Russ., abstr. in Engl.)
12. Starovich Z. Sudebnaya seksologiya [Judicial sexology]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1991. 178 p.

Басинская И.А., Беженарь Н.В., Борисова Т.Ю.
Психодиагностика полового самосознания и установок
межличностного взаимодействия в практике
принудительного лечения больных с педофилией и
коморбидными психическими расстройствами. Психология
и право. 2020. Том 10. № 1. С. 30–43.

Basinskaya I.A., Bezhenar N.V., Borisova T.Yu.
Psychodiagnostics of sexual awareness and of interpersonal
interaction attitudes in the practice of compulsory treatment of
patients with pedophilia and comorbid mental disorders.
Psychology and Law 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 30–43.

13. Tainstvnyi A. Pedofiliya i detskaya pornografiya v kontekste sovremennogo obshchestva [Pedophilia and child pornography in the context of modern society] // *Nezavisimyi psikhiatricheskii zhurnal [Independent psychiatric journal]*. 2016. no.1. pp.18-39.
14. Tkachenko A.A., Kamenskov M.Yu., Demidova L.Yu. Sovremennaya diagnostika rasstroistv seksual'nogo predpochteniya (mezhdunarodnyi opyt) [Modern diagnostics of disorders of sexual preference (international experience)] // *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian psychiatric journal]*. 2017. no.6. pp. 60-69.
15. Etkind A.M. Tsvetovoi test otnoshenii [Color test against]. Moscow:1987. pp. 221-227.
16. Codispoti V. Pharmacology of sexual compulsive behavior. *Shrink The Wedge North*, 2008. Vol. 31(4), pp. 671-9. doi :10.1016/ j.psc.2008.06.002.
17. Guay Dr. Medical treatment of paraphilic and non-paraphilic sexual disorders // *Clin Ther.* 2009. Vol. 31(1).P.1-31. doi:10.1016 /j.clinthera.2009.01.009.
18. Moertl K., Buchholz M., Lamott F. Gender constructions of male sex offenders in Germany: narrative analysis from group psychotherapy // *Arch Sex Behavior*. 2010. Vol. 39(1). P.203-12. doi: 10.1007 / s10508-009-9588-1
19. Turner D., Gregorio Hert P, Sauter J. et al. Pharmacological treatment of sexual offenders in German outpatient treatment centers // *Int Clin Psychopharmacology*. 2018. Vol. 33(6). P. 349-352 doi: 10.1097 / YIC.0000000000000222.
20. Verdon M.M., Wysocki V.A., Wysocki A.S. Human figure drawing of sex offenders // *J Clin Psychol*. 1977. Vol. 33(1). P. 278-84.

Возможности использования типологического подхода при расследовании серийных преступлений сексуального характера

Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВПО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Журавлева Е.Р.

Следственный Комитет Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2839-0333>, e-mail: ekreon@mail.ru

В статье представлены результаты апробирования типологии серийных сексуальных убийц, разработанной О.Д. Ситковской и Л.П. Коньшевой, на материалах уголовных дел по раскрытым серийным преступлениям сексуального характера. В ходе исследования подтверждены наличие основных психологических особенностей, характерных для каждого типа преступников, и возможность применения этой классификации при расследовании иных сексуальных преступлений. Помимо этого выявлены смешанные типы, сочетающие в себе признаки двух и трех типов преступного поведения. Подтвердив основную гипотезу исследования, авторы статьи полагают необходимым дальнейшее исследование индивидуально-психологических особенностей преступников, относящихся к смешанным типам. Как показал ретроспективный анализ материалов уголовных дел и подтверждает регулярная практика психологического сопровождения расследования преступлений сексуального характера, именно злоумышленники смешанного типа поведения сложнее всего поддаются установлению путем применения традиционных оперативно-розыскных и следственных методов.

Ключевые слова: серийные преступления сексуального характера, психологический портрет, составление психологического портрета неустановленного преступника.

Для цитаты: *Дворянчиков Н.В., Журавлева Е.Р.* Возможности использования типологического подхода при расследовании серийных преступлений сексуального характера [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 44-54. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100104>

Typological approach features in the investigation of serial sexual crimes

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Ekaterina R. Zhuravleva

Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2839-0333>, e-mail: ekreon@mail.ru

The article presents the results of testing the typology of serial sexual killers developed by O.D. Sitkovskaya and L.P. Konyshcheva, on the materials of criminal cases on detected serial crimes of a sexual nature. The study confirmed the presence of the main psychological features specific to each type of criminals, and the possibility of applying the classification for the investigation of other sexual crimes. In addition, mixed types are identified that combine the signs of two and three types of criminal behaviour. Confirming the main hypothesis of the study, the authors of the article consider it necessary to study further the individual psychological characteristics of criminals belonging to mixed types. As a retrospective analysis of the materials of criminal cases has shown and the regular practice of psychological support of the investigation of crimes of a sexual nature confirms, it is the attackers of a mixed type behaviour that are most difficult to identify through the traditional investigative methods.

Keywords: serial sexual crimes, psychological portrait, compilation of a psychological portrait of an unidentified criminal.

For citation: Dvoryanchikov N.V., Zhuravleva E.R. Typological approach features in the investigation of serial sexual crimes. *Psikhologiya i pravo*, 2020. Vol. 10, no. 1. p.44-54. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100104>

В настоящее время в Российской Федерации по-прежнему остаются актуальными проблемы, связанные с раскрытием особо тяжких преступлений против личности, в том числе серийных преступлений сексуального характера, все чаще совершаемых в отношении несовершеннолетних. В этой связи и в целях повышения эффективности расследования подобных преступлений Следственным комитетом Российской Федерации все активнее используются возможности такого психологического инструмента, как составление психологического портрета предполагаемого преступника, совершившего серийные преступления сексуального характера, что объясняется недостаточной эффективностью использования традиционных подходов к розыску преступников.

В таких случаях правоохранительные органы обращаются за оказанием практической помощи к специалистам в области юридической психологии, которые могут ориентировать действия следствия для ограничения круга подозреваемых [1; 2; 6; 7; 9; 10].

При выборе наиболее эффективного подхода по составлению психологического портрета серийного преступника, совершившего преступления сексуального характера, были проанализированы как зарубежные методы [8], так и отечественный опыт, который, на наш взгляд, представляет большой интерес, учитывая степень его разработанности, и доступности при практическом применении [3; 4; 5; 8].

Посредством контент-анализа материалов 20 уголовных дел по преступлениям данной категории, раскрытым Следственным комитетом Российской Федерации, осуществлено сопоставление индивидуально-психологических характеристик действий преступников с типами серийных сексуальных убийц, классификацию криминального поведения которых разработали О.Д. Ситковская и Л.П. Коньшева [10, с. 42].

Психологическая типология стала результатом анализа материалов уголовных дел, а также итогом участия ее разработчиков в расследовании противоправных действий сексуального характера. Это позволило определить и обобщить характерные черты криминального поведения преступников, принадлежащих конкретному типу, связанных с выбором жертвы и способом взаимодействия с ней, местами совершения деликтов, способом и мотивом убийства, а также биографическими и психическими особенностями злоумышленника [10, с. 43].

Разработчики типологии выделили «ситуативников», отличающихся низкой социальной мотивацией, в связи с этим, действующих без какого-либо плана, спонтанно, «по ситуации», зачастую в состоянии алкогольного опьянения [10, с. 43], «сексуальных маньяков», сексуальные потребности которых связаны с причинением страдания партнеру [10, с. 44], и «силовиков», удовлетворяющих потребность в самоутверждении посредством насилия [10, с. 47].

Помимо основной задачи исследования, которая заключалась в апробировании классификации, предложенной О.Д. Ситковской и Л.П. Коньшевой, нами также предпринята попытка распространить их выводы о лицах, осуществивших убийства на сексуальной почве, на злоумышленников, совершивших деликты сексуального характера без изначального умысла на убийство своих жертв.

В ходе дифференциации преступников 16 из них, исходя из степени проявления личностных особенностей в криминально значимых ситуациях, так или иначе соответствовали тому или иному типу серийного сексуального убийцы. Однако индивидуально-психологические характеристики преступного поведения четырех человек не вписывалась однозначно в модели, разработанные О.Д. Ситковской и Л.П. Коньшевой, сочетая признаки двух и трех типов. Четвертый тип, гибридный, смешанный по своей сути, будет рассмотрен нами отдельно.

«Ситуативники»

Среди анализируемых преступников этого типа только один убивал своих жертв (табл. 1).

Таблица 1

Преступник	Количество эпизодов	Жертва		Вид преступлений
		Пол	Возраст	
А	2	Женский (недееспособная)	26	Изнасилование
		Женский	13	
Б	2	Женский	10-11	Действия сексуального характера, убийства
В	3	Мужской	8-11	Действия сексуального характера, развратные действия
Г	12	Женский	9-42	Изнасилование, действия сексуального характера, разбойные нападения

Д	8	Мужской	10-13	Действия сексуального характера
---	---	---------	-------	---------------------------------

Выделяя «ситуативников», О.Д. Ситковская и Л.П. Кобышева определили 15 присущих им характерных особенностей [10, с. 50]. В ходе проведенного нами анализа во всех рассмотренных сериях в полной мере подтвердились 13 из них:

- на трупах и телах потерпевших отсутствуют следы садизма и проявлений сексуальных перверзий;
- половой акт с жертвой (основная причина совершения этих деликтов; в качестве объектов выступали не только женщины, но и дети обоих полов);
- по причине активного сопротивления потерпевших сильно избивает их;
- преступник не знаком с жертвой;
- на месте преступления злоумышленник забывает личные вещи и иные вещественные доказательства, впоследствии упрощающие его идентификацию (окурки, следы спермы, крови и т.д.);
- нападение, которое происходит недалеко от места обнаружения трупа («Б» оставлял тела своих жертв на местах совершенных преступлений. В отношении остальных «ситуативников» это утверждение также верно: даже если нападение происходило в нескольких сотнях метрах от места совершения деликтов, угрозами причинения насилия или убийства заставляли перемещаться туда потерпевших);
- образование — начальное или среднее; сфера деятельности — неквалифицированная работа или безработные.

Остальные особенности подтвердились в 1 из 5 случаев:

- следы краж;
- жертвы задушены или умерли от удара по голове подручным предметом («Б» — единственный убийца, представленный в данной группе преступников, душил жертв);
- следы борьбы на месте преступления;
- склонность не прятать ненужные вещи жертвы, а выбрасывать (полагаем, что данное утверждение в большей степени справедливо в отношении убийц, нежели ситуативных насильников, поскольку, как правило, убийства совершались ими по неосторожности (особенно если преступник находился в состоянии алкогольного опьянения и мог не рассчитать степень применения физической силы по отношению к жертве) или в целях сокрытия факта уже совершенного преступления, для затруднения их дальнейшей идентификации и/или сокрытия истинного мотива совершенного преступления).

Не нашло подтверждения положение о наличии вероятности совершения преступления малочисленной группой.

Помимо этого при изучении биографических данных «ситуативников» выявлены ранее описанные свойственные им общие особенности.

Для всех из них характерно спонтанное принятие решение о нападении на случайных и априори более слабых, чем они сами, жертв (женщин и детей) в таких местах, где нельзя позвать на помощь, либо перемещали их туда путем угроз и насилия.

Для «ситуативника», безучастно относящегося к жертве, она всегда обезличена, потому что является лишь средством удовлетворения сексуальной потребности «здесь и сейчас».

Судимостью и опытом отбывания тюремного наказания обладали три «ситуативника».

На момент совершения преступлений постоянного полового партнера не было у двух из них. Два преступника сообщали о том, что триггерами их преступных действий являлись ссоры с гражданскими женами и алкогольное опьянение.

Два злоумышленника гораздо старше среднестатистического «ситуативника» — 39 и 47 лет

У всех рассмотренных нами преступников родители злоупотребляли алкоголем.

Согласно медицинской документации, «Д» страдает шизофренией с выраженными изменениями эмоционально-волевой сферы, «Б» имеет шизоидное расстройство личности, «В» — умственно отсталый. Анамнезы двух преступников содержат информацию о перенесенных черепно-мозговых травмах.

«Б» разведен, но на момент совершения преступлений имел сожительницу и двоих детей. Остальные — холосты и бездетны, но фактически два из них состояли в гражданском браке, периодически конфликтуя со своими сожительницами.

«Сексуальные маньяки»

Из пяти «сексуальных маньяков» только один нападал на жертв с целью убийства (одно из которых не было доведено до конца по независящим от него обстоятельствам) (табл. 2).

Таблица 2

Преступник	Количество эпизодов	Жертва		Вид преступлений
		Пол	Возраст	
Е	5	Женский Мужской	10-14	Действия сексуального характера
Ж	7	Женский	19-36	Изнасилования, кража личных вещей, убийства, попытки убийства
З	83	Женский	13-14	Изнасилования
И	4	Женский	13-20	Изнасилования
К	15	Женский	10-12	Действия сексуального характера

Описывая «сексуальных маньяков», О.Д. Ситковская и Л.П. Конышева определили 14 присущих им характерных особенностей [10, с. 50—51], по итогам исследования полностью подтвердились 3 специфические черты их поведения (5 из 5):

- деликт совершается в отношении как знакомой, так и незнакомой жертвы;
- отсутствие алкоголя в крови жертв;
- совершение преступлений в одиночку.

Особенности поведения этих преступников во время и после совершения убийств (манипуляции с трупом и обстановкой на месте преступления) описаны авторами типологии посредством 4 характеристик, которые в нашем случае могут быть применимы только в отношении «Ж»:

- истязание всех потерпевших перед убийством;
- совершение полового акта с живой и агонизирующей жертвой;
- появление в местах совершенных убийств.

Поведение серийных преступников, не планировавших убивать своих жертв, выявило остальные признаки типа.

В меньшей степени — у 4 преступников из 5 — проявились следующие характеристики их криминального и социального поведения:

- не присваивали себе ценные вещи жертв;
- долго заманивали потерпевших к заранее намеченному месту, изредка подстерегали их;
- жили и работали на значительном расстоянии от мест совершения преступлений (зачастую в другом районе города или даже в другом населенном пункте);
- поддерживали видимость приличных и порядочных людей, семьянинов;

– не обладали устойчивыми успехами в профессиональной сфере.

Поведенческие странности были отмечены свидетелями только при описании личности «Ж». В отношении остальных преступников информация такого рода отсутствует.

Рассмотренные нами «сексуальные маньяки» отличаются необходимостью причинять страдания своему партнеру для достижения сексуального удовлетворения.

Перед осуществлением нападения три из них познакомились с потерпевшими, завлекая их в заблаговременно выбранное безлюдное и отдаленное место для дальнейшего осуществления преступных намерений.

Несмотря на то, что объектами исследованных нами «сексуальных маньяков», являются женщины и несовершеннолетние, в том числе малолетние, обоих полов, при выборе жертвы каждый из них следовал своим предпочтениям, исходя из имеющейся патологии влечения.

Когда злоумышленники осознавали беспомощность жертвы и полный контроль над ней, они переходили к агрессивным действиям.

В отличие от других типов преступников, «сексуальные маньяки» совершали противоправные действия в дневное время суток, нападая на потерпевших в любом удобном для них месте, даже людном, а потом перемещали их в уединенные места. По мере совершения ими новых преступлений и в связи с безнаказанностью, их криминальные действия от эпизода к эпизоду становились все более дерзкими и рискованными.

Перед совершением убийств «Ж» истязал своих жертв, а после смерти издевался над их трупами.

В криминально значимых ситуациях 4 из 5 «сексуальных маньяков» проявляют рационализм, осторожность, собранность, хорошо ориентируются в ситуации, перед совершением деликтов не употребляют алкоголь.

Два исследуемых росли в полных, материально обеспеченных семьях, один воспитывался матерью-одиночкой, с которой проживал в течение всей жизни.

Три преступника имели семьи (один из них состоял в браке три раза) и детей. Все они получили как минимум средне-специальное образование и работали в социально-значимых сферах.

Среди исследуемых только один подтверждает положение о нестабильности личности «сексуального маньяка», которая в проблемные периоды его жизни могла оказать существенное влияние на принятие решения убивать: «Ж» сообщал, что в день, когда его не взяли на работу, он был зол и нуждался в деньгах, поэтому ему захотелось убить кого-нибудь.

Только один из шести преступников данного типа страдает психическим расстройством.

«Силовики»

Из шести «силовиков», представленных в нашей выборке, четыре являются убийцами (табл. 3).

Таблица 3

Преступник	Количество эпизодов	Жертва		Вид преступления/преступлений
		Пол	Возраст	
Л	5	Женский	17	Ограбления, убийства
М	5	Мужской	10-35	Кража личного имущества, убийства
Н	11	Женский	21-39	Изнасилования, иные действия сексуального характера, ограбления,

				убийства
О	17	Женский	18-42	Изнасилования, иные действия сексуального характера, убийства
П	19	Женский	15-39	Изнасилования, иные действия сексуального характера, убийства
Р	26	Женский	13-32	Изнасилования, иные действия сексуального характера, ограбления

О.Д. Ситковская и Л.П. Конышева охарактеризовали «силовиков» 13 признаками [10, с. 51]. В результате анализа полностью верными оказались следующие утверждения:

- не избивали и не пытали своих жертв, но наносили им сильные точные удары в область жизненно важных органов, рассчитывая путем приложения минимальных усилий достичь максимального эффекта по их обездвиживанию или убийству;
- потерпевших душили или убивали, предпочитая холодное оружие (только в тех случаях, когда жертва активно сопротивляется);
- нападению на жертв предшествовало их выслеживание в местах потенциального нахождения таких объектов (магазины, ночные клубы, бары, рестораны и т. д.);
- зачастую перед нападением «силовики» знакомились с потерпевшими (например, под предлогом подвезти или помочь. Четверо имели непродолжительные контакты, при которых сообщали жертве подлинные данные о себе и узнавали их личную информацию, а один из них даже общался с родственниками жертвы);
- не предпринимали никаких усилий по сокрытию трупов.

Отличительной особенностью злоумышленников исследуемого типа является присвоение ими ценностей потерпевших (двое из них начинали криминальную деятельность именно с разбойных нападений, а уже позднее, в большей степени из-за безнаказанности своих поступков, стали совершать в отношении своих жертв и преступления сексуального характера).

Три «силовика» выбирали в качестве объекта женщин категории риска, совершали половой акт с живой или агонизирующей жертвой, при выслеживании и нападении на них всегда использовали транспорт.

Сфера профессиональной деятельности преступников этой категории также является характерной для «силовика» — три из них являлись сотрудниками силовых структур, активно занимались спортом, один имел судимость.

Общаясь с жертвами (задолго до нападения), повышая в их глазах свою значимость, один «М» выдавал себя, исходя из ситуации и круга общения, за научного деятеля или успешного бизнесмена, хотя таковым не являлся.

При расследовании одной серии правоохранительными органами продолжительное время рассматривалась версия о совершении этих преступлений малочисленной группой лиц.

Анализ преступного поведения «силовиков», а также их биографий и личностных особенностей позволяет сделать вывод о наличии у них потребности властвовать над жертвой, им свойственно насилие, они озабочены проблемой самоутверждения в обществе [10, с. 47].

Перед убийством три преступника склоняли потерпевших к совершению полового акта.

Описанные выше преступники имеют неполное среднее, среднее и средне-специальное образование.

При совершении сексуальных деликтов «силовики» добиваются самоутверждения, а сопутствующие им кражи пополняют их бюджет (для одного из преступников совершаемые деликты были единственным источником дохода).

Необходимо отметить, что задуманные преступления «силовик» совершает не всегда. Он может отказаться от своих намерений в отношении потенциальных жертв, которые в предложенных им обстоятельствах поступали «достойно», т. е. категорически отказывались от близости с ним, таким образом, проявляя несоответствие ожидаемому от них поведению (один из шести). Своей главной задачей он считал уничтожение, на его взгляд, аморальных женщин.

«Силовики» нередко проявляют психопатоподобные патохарактерологические акцентуации и признаки психотических состояний (пятеро из шести): «Л» — нарушение половой идентичности и наличие садистических тенденций, «М» — множественное расстройство сексуального предпочтения, «Н» — психопатия мозаичного круга, «П» — гомицидомания с садистическими элементами, «Р» — признаки органического расстройства личности.

Преступники «смешанного» типа

В результате проведенного анализа была выделена группа преступников, психологические особенности поведения которых проявляли признаки двух и даже трех типов одновременно.

1. «С», страдающий педофилией, совершил 19 сексуальных преступлений, проявляя черты как «ситуативника», так и «сексуального маньяка».

Выбирая жертв, он отдавал предпочтение малолетним девочкам с определенными внешними данными.

Был единственным ребенком в благополучной, обеспеченной семье, получив средне-специальное образование.

При этом он никогда специально не выслеживал детей, руководствуясь принципами «ситуативника».

2. Совершивший в состоянии алкогольного опьянения сексуальные деликты и убийства четырех женщин разного возраста, «Т» сочетает в своем криминальном поведении особенности, присущие всем типам.

Двух потерпевших он хорошо знал и регулярно общался с ними, с другими познакомился незадолго до совершения в отношении них деликтов, причем убийствам предшествовали совместное времяпровождение, в том числе распитие алкогольных напитков. Перед убийствами он жестоко и бессистемно избивал своих жертв, даже когда они совершенно не оказывали ему сопротивление. Две потерпевшие задушены «Т» после добровольного полового акта, над телом одной из них он глумился после смерти, а также украл вещи и деньги, принадлежащие ей.

Преступления совершались им в разное время суток и в разных местах: в подъездах многоквартирных домов, на улице и в квартире одной из жертв.

«Т» родился у несовершеннолетней, постоянно алкоголизовавшейся матери, воспитывался ее родителями. Подростком также начал употреблять алкоголь.

Будучи умственно отсталым, получил только среднее образование.

Дважды женат, имеется малолетняя дочь.

3. Преступное поведение, сочетающее признаки «сексуального маньяка» и «силовики».

3.1. «У» выбирал объекты, строго руководствуясь их внешними данными (худощавые девочки 12—13 лет и субтильные молодые женщины с русыми волосами), выслеживая их вдоль междугородних трасс на автобусных остановках и предлагая подвезти.

Выслеживая потерпевших, уже осознавал свой умысел на убийство.

Потерпевшие были им удушены или умерли вследствие нанесенных им ударов по голове тяжелыми подручными предметами. Тела убитых прятал и маскировал с целью сокрытия и затруднения их поисков.

Вещи и ценности жертв не забирал.

Получив средне-специальное образование, работал водителем.

Женат, воспитывал двух детей.

Несмотря на судимость за совершение в молодости сексуальных преступлений в отношении малолетних, среди коллег и соседей пользовался уважением и обладал положительной репутацией хорошего работника и семьянина, родственники до последнего не могли поверить в его причастность к совершению 10 убийств, сопряженных с изнасилованиями.

3.2. «Ф», который совершил 13 эпизодов преступлений сексуального характера, выбирал случайных жертв разного возраста, причем как одиноких женщин, так и двух спутниц. Угрожая ножом, отводил их в укромное, заранее подысканное место, где уже были заготовлены специальные орудия и приспособления, предназначенные для садистических ритуалов.

«Ф» получал сексуальное удовольствие как от физического (путем применения самодельных приспособлений), так и от морального унижения потерпевших.

Таким образом, предпринятое исследование подтвердило наличие специфических психологических признаков, присущих каждому из трех типов серийных сексуальных убийц, классификация которых была разработана О.Д. Ситковской и Л.П. Кобышевой. Помимо этого был выделен дополнительный, четвертый тип, сочетающий признаки двух и трех типов преступного поведения. Поскольку на практике именно представителей этого типа сложнее всего установить путем традиционных оперативно-розыскных и следственных мероприятий, нами предполагается дальнейшее изучение преступников данной категории.

Также подтвердилась гипотеза о возможности применения этой типологии не только при расследовании убийств, совершенных на сексуальной почве, но и иных преступлений сексуального характера.

Литература

1. Анфиногенов А.И. Психологический портрет преступника, его разработка в процессе расследования преступления: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 183 с.
2. Бегунова Л.А. Проблемы разработки и использования психолого-криминалистического портрета подозреваемого при раскрытии изнасилований и убийств, сопряженных с действиями сексуального характера: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 172 с.
3. Дворянчиков Н.В., Логунова О.А., Решетова Д.В. Взаимосвязь некоторых личностных особенностей и характеристик криминального поведения у серийных сексуальных убийц [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 11. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39334.shtml> (дата обращения: 08.10.2019).
4. Логунова О.А. Применение знаний о личности и поведении серийных сексуальных убийц в правоохранительной деятельности (обзор зарубежного и отечественного опыта) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 1. URL: http://psyjournals.ru/files/39931/psyedu_ru_2011_1_Logunova.pdf (дата обращения: 08.10.2019).
5. Логунова О.А., Дворянчиков Н.В. Исследование психологических особенностей личности и поведения сексуальных убийств различных типов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 1. URL: http://psyjournals.ru/files/97331/psyandlaw_2019_1_Logunova_Dvoryanchikov.pdf (дата обращения: 08.10.2019). doi: 10.17759/psylaw.2019090104
6. Миронов Д.В. Психологическое обеспечение раскрытия серийных убийц: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2001. 176 с.

7. *Образцов В.А., Богомолова С.Н.* Криминалистическая психология. М., Юнити-Дана; Закон и право, 2002. 448 с.
8. *Сафуанов Ф.С., Назарова Е.А.* Сравнительный анализ различных методов составления психологического портрета предполагаемого преступника [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 3. URL: http://psyjournals.ru/files/46577/psyandlaw_2011_3_Nazarova.pdf (дата обращения: 08.10.2019).
9. Серийные сексуальные убийства: учебное пособие / Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Щит-М, 1997. 202 с.
10. *Ситковская О.Д., Коньшева Л.П.* Участие психолога в раскрытии и расследовании убийств: научно-методическое руководство. М.: Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка, 2002. 106 с.

References

1. Anfinogenov A.I. Psikhologicheskii portret prestupnika, ego razrabotka v protsesse rassledovaniya prestupleniya. Diss. kand. jurid. nauk. [Psychological profile of offender, its development in the process of investigation of crimes. Ph. D. (Law) diss.]. Moscow, 1997. 183 p.
2. Begunova L.A. Problemy razrabotki i ispol'zovaniya psikhologo-kriminalisticheskogo portreta podozrevaemogo pri raskrytii iznasilovanii i ubiistv, sopryazhennykh s deistviyami seksual'nogo kharaktera. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk. [Problems of developing and use of a psychological-criminalistic profile of a suspect to solve a rapes and sex-related murders. Ph. D. (Law) Thesis]. Moscow, 2002. 172 p.
3. Dvoryanchikov N. V., Logunova O. A., Reshetova D. V. Vzaimosvyaz' nekotorykh lichnostnykh osobennostei i kharakteristik kriminal'nogo povedeniya u seriinykh seksual'nykh ubiits. [Elektronnyi resurs] [Linking some personal peculiarities and characteristics of criminal behavior of serial sexual murderers] // Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2011 Vol. 11. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39334.shtml> (Accessed: 08.10.2019). (In Russ., Abstr. in Engl.).
4. Logunova O.A. Primenenie znaniy o lichnosti i povedenii seriinykh seksual'nykh ubiits v pravookhranitel'noi deyatel'nosti (obzor zarubezhnogo i otechestvennogo opyta) [Elektronnyi resurs] // Psikhologiya i pravo (E-journal «Psychology and law»). 2011. Vol. 1. URL: http://psyjournals.ru/files/39931/psyedu_ru_2011_1_Logunova.pdf (Accessed: 08.10.2019). (In Russ., Abstr. in Engl.).
5. Logunova O.A., Dvoryanchikov N.V. The research on psychological personality features and behavior of different serial sexual murderers' types. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 1. URL: http://psyjournals.ru/files/97331/psyandlaw_2019_1_Logunova_Dvoryanchikov.pdf (Accessed: 08.10.2019). (In Russ., Abstr. in Engl.). doi: 10.17759/psylaw.2019090104
6. Mironov D.V. Psikhologicheskoe obespechenie raskrytiya seriinykh ubiistv: diss. ... kand. psikholog. nauk. [Psychological support for the solving a serial murders. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2001. 176 p.
7. *Образцов В.А., Богомолова С.Н.* Криминалистическая психология [Forensic psychology]. Moscow, Yuniti-Dana, Zakon i pravo, 2002. 448 p.
8. *Сафуанов Ф.С., Назарова Е.А.* Сравнительный анализ различных методов составления психологического портрета предполагаемого преступника [Электронный ресурс] [Different Methods of Psychological Portrait Preparation for an Alleged Offender: A Comparative Analysis] // Psikhologiya i pravo. 2011. Vol. 3. URL: http://psyjournals.ru/files/46577/psyandlaw_2011_3_Nazarova.pdf (Accessed: 08.10.2019).

Дворянчиков Н.В., Журавлева Е.Р. Возможности использования типологического подхода при расследовании серийных преступлений сексуального характера. Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 44–54.

Dvoryanchikov N.V., Zhuravleva E.R. Typological approach features in the investigation of serial sexual crimes. Psychology and Law 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 44–54.

9. *Seriinnye seksual'nye ubiistva: uchebnoe posobie [Serial sexual murders]*. In Antonyan Yu.M. (ed.). Moscow: Publ. Shchit-M, 1997. 202 p.
10. *Sitkovskaya O.D., Konysheva L.P. Uchastie psikhologa v raskrytii i rassledovanii ubiistv: nauchno-metodicheskoe rukovodstvo [Involvement of psychologist in solving and investigation of murders]*. Moscow: Nauchno-issledovatel'skii institut problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka, 2002. 106 p.

Социально-криминалистический профиль индивидуальности убийц, применяющих огонь как орудие (способ) сокрытия преступления

Дранезо Р.Г.

Кемеровский государственный университет (ФГБОУ ВО КемГУ), Кемерово, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5818-0057>, e-mail: uri_nit@kemsu.ru

Гольдшмидт Е.С.

Кемеровский государственный университет (ФГБОУ ВО КемГУ), Кемерово, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7051-0805>, e-mail: goldschmidtes@yandex.ru

Одним из важнейших направлений в современной криминалистике остается изучение преступлений против жизни и здоровья. Среди таковых до сих пор наиболее малоизученными являются убийства, сопряженные с огнем. Согласно литературе у группы лиц, причастных к данному типу преступлений, имеются существенные особенности социально-криминалистического профиля, мотивации и умысла совершаемого преступления. В ходе исследования изучены материалы 337 уголовных дел и 71 акта судебно-медицинского исследования трупов. Социально-криминалистический профиль лиц, входящих в состав преступной группы, более однороден, по сравнению с «одиночками» и «наемными факелами». Профиль последних имеет большую специализацию. Выявлено, что: 1) в возрастной группе 15—18 лет количество следов, их разнообразие наибольшее, а упорядоченность их низкая; 2) с возрастом субъекта количество следов, их разнообразие и доля нетипичных следов снижается; 3) группа 19—26 лет характеризуется наибольшим количеством типичных следов. Изученные характеристики личности убийц, применяющих огонь, помогут оперативным работникам решать задачи по выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений.

Ключевые слова: социально-криминалистический профиль, убийства, сопряженные с огнем, «наемные факелы».

Для цитаты: Дранезо Р.Г., Гольдшмидт Е.С. Социально-криминалистический профиль индивидуальности убийц, применяющих огонь как орудие (способ) сокрытия преступления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 55-72. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100105>

Socio-forensic profile of the identity of homicide using fire as a tool for crime concealing

Roman G. Drapezo

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5818-0057>, e-mail: uri_nit@kemsu.ru

Evgeniy S. Goldschmidt

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7051-0805>, e-mail: goldschmidtes@yandex.ru

One of the most important areas in modern forensic science remains the study of crimes against life and health. Among these, the most poorly studied are murders involving fire. According to the literature, a group of persons involved in this type of crime has significant features of the socio-criminalistic profile, motivation and intent of the crime. The materials of 337 criminal cases and the 71 acts of forensic medical research of corpses were analysed during the study. The socio-forensic profile of persons within the criminal group is more homogeneous than the “lone homicide” and “hired torches”. The profile of the latter has a great specialization. It is identified that: 1) in the age group of 15-18 years the number of tracks, their diversity is the greatest, while the order is low; 2) with age, the number of tracks, their diversity and the proportion of atypical tracks are decreased; 3) groups of 19-26 years are characterized by the greatest number of typical traces. The studied characteristics of the identity of homicide using fire will help operational staff to solve the tasks of crime identification, prevention and detection.

Keywords: socio-forensic profile, fire-related homicide, “hired torches”.

For citation: *Drapezo R.G., Goldschmidt E.S. Socio-forensic profile of the identity of homicide using fire as a tool for crime concealing. Psikhologiya i pravo, 2020. Vol. 10, no. 1. p.55-72. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100105>*

Введение

Исследования в области криминалистики получили новый импульс с учетом биосоциальной модели человека. В основу данного метода раскрытия неочевидных преступлений положены результаты исследований криминалистов США. Но, несмотря на кажущееся сходство, отечественные ученые подходят к изучению личности преступника с несколько иных позиций. Например, в основе метода П.П. Цветкова лежит комплексное изучение социальных и психофизиологических свойств личности преступника. Имеются и другие подходы к рассмотрению данной проблемы [например, в работах: 2; 5; 18; 19].

В то же время существует специфическая группа преступников, практически выпавшая из сферы интересов криминалистов — лица, совершающие убийства, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления. Вопросы профилирования изучаются многими криминалистами [4; 10; 13; 17], но существует необходимость многомерного изучения субъективных причин совершения данных преступлений, учет их мотивации, многообразия форм и воздействия внешних факторов [3; 8; 15; 18; 19].

Материалы эмпирической базы показали максимально возможный уровень сложности изучаемой категории убийств, когда наравне с типичными преступники оставляют атипичные следы, появление которых невозможно предвидеть, даже статистически (подпорка, удавка, потожировые следы, подвергшиеся фиксации при действии высоких температур и золы и т. п.), возникают непрогнозируемые атипичные ситуации — действие «наемных факелов» [5] и т. п.

Сложность изучаемой категории убийств усугубляют: 1) длительность по времени (от нескольких часов до двух лет); 2) множество криминальных эпизодов; 3) разнообразие горючих жидкостей; 4) отклонения в психике у более чем половины убийц; 5) правовая неопределенность события.

Например, если убийство совершается одним лицом, то чаще всего такие преступления спонтанны. У членов преступных групп прослеживаются корыстные мотивы. Другие преступники нанимают «наемных факелов», которые применяют огонь как средство сокрытия следов убийства и биологического присутствия членов группы. Существуют и атипичные группы, криминальное поведение которых по отдельным признакам свойственно другим выделенным группам. Все это требует тщательного изучения на достаточно большом массиве наблюдений, прежде чем будет предложено в качестве рекомендаций оперативным службам.

Исходя из сказанного, была выдвинута **гипотеза**: у изучаемой группы лиц, совершивших убийства с помощью огня, имеются существенные особенности рассматриваемого комплекса признаков, соответствующих мотивации и умыслу совершаемого преступления.

Цель исследования: изучение особенностей социально-криминалистического профиля убийц, применяющие огонь как орудие (способ) сокрытия преступления, в зависимости от принадлежности к исследуемой преступной группе.

Материал и методы исследования

Эмпирической базой послужили материалы 337 уголовных дел, возбужденных по факту совершения убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ), рассмотренных Кемеровским областным судом в период с 1989 по 2018 г. Для повышения достоверности результатов исследования дополнительно изучены материалы 71 акта судебно-медицинского исследования трупов (далее — Акты), подвергшихся действию огня, по сообщениям об убийствах, что позволило детализировать условия и особенности преступления. Акты изучались на базе бюро судебно-медицинской экспертизы г. Кемерово.

Преступники изучаемой категории были разделены на три группы (табл. 1) на основании следующих комплексных критериев: 1) преступление совершается в одиночку или в составе преступной группы; 2) мотив и умысел; 3) криминальная специализация преступника (отсутствие/наличие специализации, применение огня как средства достижения цели) [1; 11; 12; 14].

Таблица 1

Деление на группы преступников изучаемой категории в соответствии с комплексным критерием

Комплексный критерий	Группа 1	Группа 2	Группа 3
1. Одиночка/преступная группа	Одиночка	Наличие преступной группы	Одиночки либо в составе группы («наемные факелы»)
2. Мотив и умысел	Месть/спонтанность	Корыстно-насильственный/наличие плана	Корысть/сокрытие следов
3. Специализация	Отсутствие	- огонь как средство сокрытия следов; - огонь как орудие психологического воздействия	Применяют огонь, как эффективное средство сокрытия следов членов группы

Для изучения роли возрастного фактора исследуемый контингент был разделен на возрастные группы в соответствии с принятыми в криминалистике и криминологии критериями [1; 2; 19].

Основная доля субъектов преступления приходится на возрастной диапазон 15—26 лет (75%). На основе данных литературы были выделены четыре возрастных диапазона: от 15 до 18 лет (группа 1); от 19 до 26 лет (группа 2); возрастная группа 3 включала субъектов 27—33 года; группа 4 определялась диапазоном 34 года и старше.

Для изучения материалов уголовных дел разработана анкета, куда вошли более 60 показателей. За основу взята анкета, разработанная в 70-х гг. XX столетия следственным отделом прокуратуры Ленинграда для изучения причин и условий, способствующих совершению убийств. Мы адаптировали данную форму к анкете по убийствам изучаемой категории. Вторая анкета разработана для изучения Актов обгоревших трупов потерпевших. Каждый из признаков, описывающих изучаемые преступления, ранжировался с помощью шкалы рангов от 2 до 6 (табл. 2).

Для обобщения разнородной информации, полученной при обработке материала, применен метод интегральных оценок по В.А. Савельеву [14]. Изучались показатели: количество следов зафиксированных на месте преступления вне зависимости от их вида; разнообразие следов зафиксированных на месте преступления в зависимости от их вида; упорядоченность определяли в три этапа: 1) место происшествия мысленно делится на три равных диаметра, где центром считается труп потерпевшего; 2) считается количество следов в каждом диаметре, сумма и ранг диаметра перемножаются, найденные произведения складываются; 3) общее количество следов делится на сумму произведения. Значение коэффициента близкое к 0 говорит о низкой степени упорядоченности, приближенное к 1 — о ее высокой степени.

Статистическую обработку материала проводили с помощью программы «Statistica 6.5». Значения в таблицах представлены как $M \pm m$, где M — среднее арифметическое значение, а m — стандартная ошибка средней. Различия между признаками проводили по непараметрическому критерию Манна—Уитни. Вероятность справедливости нулевой гипотезы (p) принята при 5% уровне

Драпезо Р.Г., Гольдшмидт Е.С. Социально-криминалистический профиль индивидуальности убийц, применяющих огонь как орудие (способ) сокрытия преступления. Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 55–72.

Drapezo R.G., Goldschmidt E.S. Socio-forensic profile of the identity of homicide using fire as a tool for crime concealing. Psychology and Law 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 55–72.

достоверности ($p < 0,05$). Для выявления взаимосвязей между отдельными переменными применяли корреляционный анализ. Коэффициент корреляции (r) рассчитывали при $p < 0,05$. Профили убийц строили в Excel-2010. В профилях интегральных оценок, значение показателя «упорядоченность следов» представлено в процентном формате.

Таблица 2

Ранжирование переменных по материалам эмпирической базы, для которых затруднено присвоение числовых значений

Показатели	Полуколичественные характеристики					
	1	2	3	4	5	6
Время совершения убийства	Утро	День	Вечер	Ночь	-	-
Мотив совершения преступления	Ссора	Месть	Ревность	Хулиганство	Корысть	Соккрытие преступления
Способ убийства	Огонь как способ сокрытия следов убийства (трупа и т. п.)	Огонь как орудие убийства (потерпевший в бессознательном состоянии)	Огонь как орудие убийства (потерпевший в сознании)	-	-	-
Место убийства	Жилое помещение (квартира, дом)	Подъезд	Улица (включая колодцы, теплотрассы)	Помещения временного пребывания (гаражи и т.п.)	Транспортное средство	Лесополоса
Тип горючего материала	Ветошь (тряпки, шторы, вата, белье и т.п.)	Дерево	Одеколон	Технические жидкости (ацетон, краска, уксусная кислота и т.п.)	Спиртосодержащие жидкости (спирт, самогон и т.п.)	Машинные жидкости (бензин, керосин, машинное масло)
Сопутствующие орудия убийства	Подручные средства (удавка, лопата, табурет и т.п.)	Колющее	Колюще-режущее	Рубящее	Раздробляющее	Огнестрельное

Драпезо Р.Г., Гольдшмидт Е.С. Социально-криминалистический профиль индивидуальности убийц, применяющих огонь как орудие (способ) сокрытия преступления. Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 55–72.

Drapezo R.G., Goldschmidt E.S. Socio-forensic profile of the identity of homicide using fire as a tool for crime concealing. Psychology and Law 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 55–72.

Сопутствующие следы	Следы биологического происхождения	Следы рук, ног, протекторов и т.п.	Следы удушения	Следы волочения	Подпорка	-
Частные признаки*	Не остаются	Остаются мало	Остаются много	-	-	-
Групповые признаки #	Не остаются	Остаются мало	Остаются много	-	-	-
Учет в психиатрическом диспансере	Нет патологии / не состоял на учете	Пограничные формы психической патологии / состоит на учете	Наличие хронических психических расстройств / состоит на учете	-	-	-
Учет в наркологическом диспансере	Нет патологии / не состоял на учете	В состоянии ремиссии / состоит на учете	В состоянии синдрома зависимости / состоит на учете	-	-	-
Пол потерпевшего	Женский	Мужской	-	-	-	-
Возраст потерпевшего	0—6 лет (дошкольники)	7—12 (младшие школьники)	13—19 (подростки, юноши)	20—30 (молодые люди, первая взрослость)	31—59 (взрослые)	60 и более (пожилые)
Количество потерпевших	1	2	3	4	5-6	7 и более

Драпезо Р.Г., Гольдшмидт Е.С. Социально-криминалистический профиль индивидуальности убийц, применяющих огонь как орудие (способ) сокрытия преступления. Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 55–72.

Drapezo R.G., Goldschmidt E.S. Socio-forensic profile of the identity of homicide using fire as a tool for crime concealing. *Psychology and Law* 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 55–72.

Примечание: «*» — мы отнесем навыки, привычки, склонности, которые с вероятностью можно установить по совокупности признаков совершенного преступления, элементы папиллярного узора фаланги пальца руки и т. п.;
«#» — присущи однородным объектам и позволяют отнести конкретный объект к данной группе (например, установить группу крови и т. п.).

Результаты исследования и их обсуждение

Исследование показало, что значимыми элементами социально-криминалистического профиля убийцы изучаемой категории являются свойства субъекта преступления. На долю лиц мужского пола приходится 93,7% от общего числа совершенных убийств. Доля преступлений, совершаемых женщинами, составляет 6,3% (при этом 8 из 10 женщин оказались ранее судимы). По разным данным, эти проценты колеблются. По данным Г.М. Мудьюгина и С.В. Степичева [11], в 60-е гг. доля женщин-убийц достигала 16,2%. Р.Д. Мусабилов [12] отмечает падение доли женщин-убийц до 6%. М.А. Алексеева [1] уже указывает на цифру 9,1%. А.В. Лысова и Л.И. Романова [9] указывают на долю женщин-убийц в 13—20%. Ю.М. Антонян [3] отмечает, что в основном большинство осужденных за убийства — мужчины. В.А. Геодакян [7], а позднее Л.Н. Собчик [15] установили связь генетической предрасположенности с темпераментом, характером и личностными свойствами преступника.

Средний возраст изученных мужчин — 25 лет. Тот же показатель для женщин составил 32 года. Убийства совершаются психологически незрелыми мужчинами, не умеющими добиваться цели социально приемлемыми способами, склонными к неконтролируемым вспышкам агрессии. Психологические особенности женщин-преступниц имеют существенные отличия. В возрасте 25—30 лет они в основном связаны с семьей и детьми, что провоцирует накопление агрессии в себе. Через некоторое время это напряжение может разрядиться в виде вспышки неконтролируемого поведения.

На долю лиц из младшей возрастной группы приходится 28,1% от общего числа совершенных убийств. На долю второй возрастной группы приходится 46,9%, третьей — 11,7%, на долю четвертой группы — 13,3% преступлений. Основная масса убийств изучаемой категории совершается лицами в возрасте от 15 до 26 лет, что согласуется с обобщенным профилем убийцы, составленным Ю.М. Антоняном [3], согласно которому большинство убийств совершаются в возрасте 18—25 лет.

Выявлено, что состояли на учете в психдиспансере с частичными (7,5% случаев) или патологическими (8,5% случаев) отклонениями в психике, не исключающими вменяемости, 16% от всех лиц изучаемой категории. Среди убийц по таким делам оказалось 8,4% страдающих алкогольной и наркотической зависимостью. В 18% случаев они ни разу не состояли на учете в психдиспансере, после проведенной судебно-психиатрической экспертизы были выявлены отклонения в психике. В 9% случаев после наркологической экспертизы впервые выявлена необходимость в лечении.

Таким образом, половина от изученной категории убийц имеют отклонения в психике, что не совпадает с мнением ряда авторов. По данным Ю.М. Антоняна, 90% убийц признаны психически здоровыми, 74,4% убийц — не страдающими алкогольной или наркотической зависимостью. М.А. Алексеева [1] указывает, что убийц, страдающих алкогольной или наркотической зависимостью, 56,4%, тогда как лиц с психическими отклонениями оказалось 17,9%. По данным Р.Д. Мусабилова [12] лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией, оказалось 31,4%, лиц с отклонениями в психике — 3,2%. По нашим данным, доля убийц с отклонениями в психике оказалась больше в 2—3 раза, а доля лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией, наоборот, оказалась в 2—3 раза меньше по сравнению с данными упомянутых авторов.

В 85,7% случаев убийства изучаемой категории совершались в состоянии алкогольного, либо наркотического опьянения. По данным Ю.М. Антоняна, только 50% убийц пребывали в состоянии алкогольного опьянения. Наши данные не расходятся, а наоборот, дополняют модель убийцы. Далеко не каждый убийца способен сжечь человека находящегося в бесчувственном состоянии, либо заживо. Для этого требуются внешние стимуляторы, такие как алкоголь, наркотики и т. п.

Следует отметить, что большинство убийств изучаемой категории совершались при различных формах соучастия (52,1%). Группой лиц без предварительного сговора убийства совершались в 3,3% случаев, группой лиц с предварительным сговором — 47,2% и организованной группой — 1,6% случаев. «Одиночками» убийства совершались в 47,9% случаев. Количество членов в составе групп было от 2 до 5 человек. По уголовным делам о «черных риэлторах», а также о бандах, члены которых убивали и сжигали тела водителей фур, численность членов групп варьировала от 9 до 14.

То, что почти каждое второе убийство совершается в одиночку, объясняется конспирацией, повышающей вероятность ухода от уголовной ответственности. Каждый четвертый преступник оформлял явку с повинной. Можем предположить, что трудно долго удерживать в себе переживания, которые испытывает преступник после убийства. И только в немногих ситуациях (в 6,5% случаев) преступники, входящие в состав групп, оформляли явку с повинной. Внутри таких групп существует иерархия и дисциплина, нарушение которой строго карается [13]. Это резко отличает профиль убийцы, применяющего огонь от профиля других убийц [8; 16].

Следующий элемент профиля — мотив преступления. Чаще преступниками двигают такие мотивы, как ссора, корысть, желание скрыть истинный мотив и обстоятельства совершения другого преступления (кражи, вымогательства, изнасилования), месть. Выявленные мотивы не противоречат структуре мотивов поджогов немецкого криминалиста Г. Кестле. Ученый выделяет мотивы: корысть, месть, ревность, выплеск агрессии, психозы, снятие сексуального напряжения, сокрытие следов. Напротив, мы внесли дополнения в виде неочевидных мотивов в схему автора. Например, найм исполнителей и сексуально ориентированное перевозбуждение. Последнее проявляется в виде куска красной материи, которая виднеется из кармана брюк предполагаемого убийцы или кусочка торчащего нижнего белья из расстегнутой ширинки брюк.

На место убийства преступники прибывали из другого населенного пункта в 7% случаев, среди недавно переехавших убийства совершались в 22,1% случаев. Доля преступников среди местных жителей — 71,2%. Доля убийц среди местного населения оказалась наивысшей, на что указывает Л.Г. Видонов, который говорит, что в пределах 92—95% убийства совершают лица из круга «своих». Эмпирическая база показала, что в 74,6% случаев преступники и жертвы были связаны друг с другом. В 22,1% случаев преступник и потерпевший были давно знакомы, познакомились в день убийства либо незадолго до него — 12,4% случаев.

В 50% изученных нами уголовных дел фигурировала удавка, которую применяли лица, имевшие криминальный опыт. Удавка заранее готовилась либо готовилась на месте преступления из подручных средств (велосипедная камера, ремень, проволока, полотенце, капрон).

Как было указано в предыдущем разделе, преступников изучаемой категории условно поделили на 3 группы (табл. 3). Видно, что практически по всем выбранным переменным, за исключением возраста потерпевшего, наблюдаются достоверные различия. При этом хотя бы одно достоверное отличие отмечается у 10 переменных, у 5 обнаружилось три отличия. Время, мотив и сопутствующие следы, орудия убийства, обнаружили наибольшее число различий.

Выявлено, что группа 2 достоверно отличается применением максимальных средств конспирации. А именно, убийства совершаются ночью (23 ч. — 04 ч.), применяются сопутствующие орудия (огнестрельное или дробящее) в основном для подавления сопротивления жертвы с тем, чтобы свести к минимуму количество следов. Члены преступных групп прибегают к сожжению своих жертв, находящихся еще в сознании, либо прибегают к услугам «наемных факелов». Огонь применяется специализированно — как способ сокрытия следов либо как орудие убийства.

Третья группа, «наемные факелы», имеют корыстный мотив, получают гонорар за уничтожение с помощью огня следов на месте преступления [2; 5]. Таким образом, обнаруженные отличия могут говорить, как минимум: 1) о правильности выбора 14 значимых переменных из всего массива; 2) о статистической обоснованности деления изученных убийц на три группы в зависимости от умысла и мотива; 3) о пригодности выявленного комплекса переменных для построения профилей убийц изучаемой категории.

Таблица 3

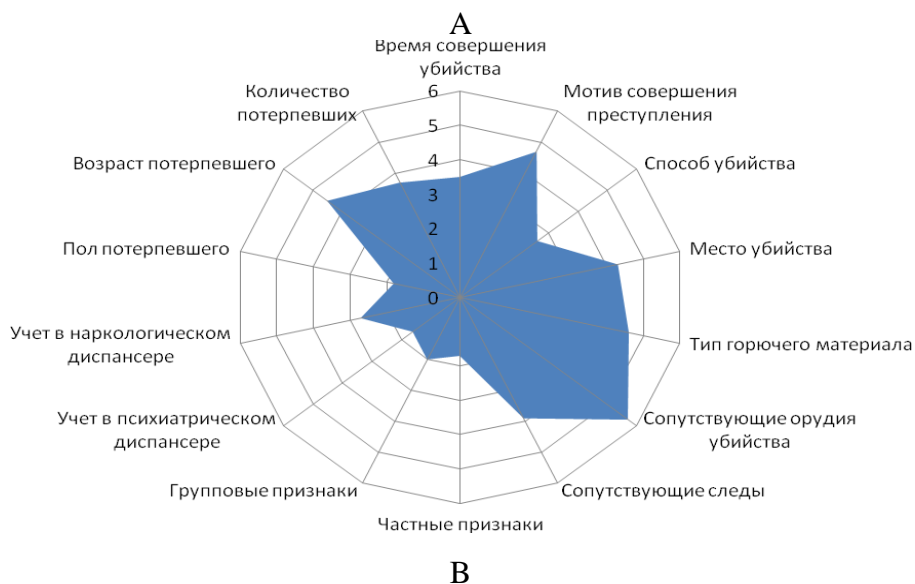
Статистическое сравнение выбранных переменных по материалам эмпирической базы у групп убийц изучаемой категории

Переменные	Группы убийц, применяющих огонь		
	Группа 1 (ситуативные убийцы) n = 136	Группа 2 (убийства, совершаемые в составе группы) n = 176	Группа 3 («наемные факелы») n = 41
Время совершения убийства	2,72 ± 0,2	3,5 ± 0,1*	1,24 ± 0,4*#
Мотив совершения преступления	1,8 ± 0,02	4,7 ± 0,1*	5,5 ± 0,1*#
Способ убийства	1,24 ± 0,06	2,63 ± 0,02*	1,71 ± 0,01#
Место убийства	2,02 ± 0,01	4,3 ± 0,02*	5,0 ± 0,03*
Тип горючего материала	2,2 ± 0,3	4,6 ± 0,4*	5,2 ± 0,3*
Сопутствующие орудия убийства	3,4 ± 1,3	5,7 ± 1,5*	0,0 ± 0,0*#
Сопутствующие следы	1,9 ± 0,1	3,9 ± 0,5*	0,8 ± 0,02*#
Частные признаки	2,9 ± 0,1	1,7 ± 0,2*	1,2 ± 0,01*
Групповые признаки	2,4 ± 0,1	2,0 ± 0,2	1,3 ± 0,01*#
Учет в психдиспансере	2,7 ± 0,5	1,6 ± 0,4*	0,6 ± 0,01*#
Учет в наркодиспансере	2,0 ± 0,4	2,7 ± 0,5	0,5 ± 0,01*#
Пол потерпевшего	1,5 ± 0,02	1,8 ± 0,2*	1,2 ± 0,3
Возраст потерпевшего	3,4 ± 1,6	4,5 ± 0,8	3,0 ± 1,1
Количество потерпевших	2,1 ± 0,5	3,7 ± 0,4*	3,8 ± 0,3*

Примечание: «*» — достоверное ($p < 0,05$) отличие от группы 1; «#» — достоверное ($p < 0,05$) отличие от группы 2.

С целью формирования многомерности были построены профили убийц. На рис. 1 видно, что профиль для лиц из группы 2 (рис. 1В) более упорядочен, менее хаотичен (более симметричен) и, по сравнению с другими профилями, имеет большую площадь заполнения диаграммы. Профиль для «наемных факелов» (рис. 1С), напротив, имеет большую неравномерность, менее симметричен и занимает меньшую площадь диаграммы. Действительно, «наемные факелы» имеют криминальную специализацию, работают в одиночку, заранее готовят преступление, на месте

происшествия не оставляют следов. Исходя из сказанного, группа 1 (рис. 1А) может быть описана как «невызразительная», недифференцированная по искомым свойствам.

С

Рис. 1. Профили убийц изучаемой категории (А — ситуативные убийцы; В — убийства в составе преступной группы; С — «наемные факелы»)

При сравнении интегральных оценок в разных возрастных группах обнаружены следующие закономерности (табл. 4): 1) наибольшее количество следов на месте происшествия, их высокое разнообразие и низкую степень упорядоченности находим в группе 1; 2) с возрастом субъекта количество следов снижается. Их однообразие и упорядоченность максимальны в группе 4; 3) число нетипичных следов от группы 1 к группе 4 снижается, что можно объяснить приобретением криминального опыта (в группе 4 оказалось 60% лиц с рецидивами). Лица из группы 4 оставляют наименьшее количество следов, прибегают к их сокрытию; 4) наибольшее количество типичных следов находим в группе 2 и 3, меньше — в группе 1.

Таблица 4

Сравнение интегральных оценок в разных возрастных группах

Группа \ Признаки	1 (15—18 лет, n = 95)	2 (19—26 лет, n = 157)	3 (27—33 лет, n = 40)	4 (34 года и более, n = 45)
Количество следов	35,4±2,34	31,5±1,9	27,3±2,1*	23,8±1,95*#\\$
Разнообразие следов	18,1±1,3	17,3±0,75	16,3±1,2*	12,8±1,13*#
Упорядоченность следов	0,42±0,06	0,47±0,07*	0,52±0,08*	0,65±0,06*#
Количество типичных следов	8,3±1,24	11,1±0,72*	10,4±1,3*	9,4±1,2#
Количество нетипичных следов	27,2±2,14	20,5±1,68*	16,8±2,45*	14,5±2,15*#

Примечание: «*» — достоверное ($p < 0,05$) отличие от возрастной группы 1; «#» — достоверное ($p < 0,05$) отличие от возрастной группы 2; «\\$» — достоверное ($p < 0,05$) отличие от возрастной группы 3.

Взаимосвязь особенностей следов преступления и возраста преступника подтверждается высоким значением коэффициента корреляции ($r = 0,84$ при $p < 0,05$) между возрастом убийцы и его специализацией. Чем выше возраст преступника, тем выше уровень его специализации, что позволяет по следам выдвинуть версию о возрастной группе причастных лиц.

Сравнение профилей убийц из разных возрастных групп (рис. 2) указывает на их сужение и вытягивание с возрастом в сторону упорядоченности следов. Можно предположить, что сужение и вытягивание профиля указывает на приобретение криминальной специализации, когда огонь становится основным орудием преступления либо средством сокрытия его следов.

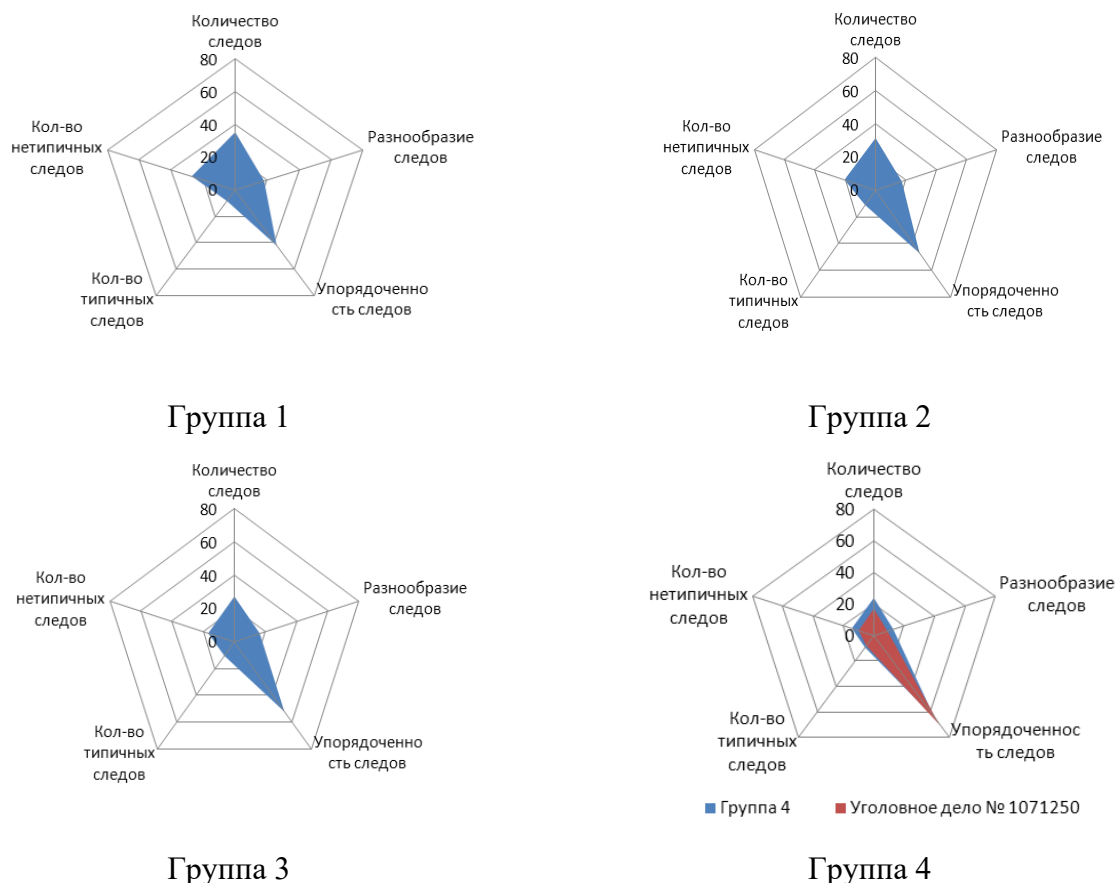

Рис. 2. Сравнение профилей убийц изучаемой категории из различных возрастных групп (нумерация групп соответствует табл. 4)

Таким образом, выдвинутая во введении нулевая гипотеза, нашла свое подтверждение в полученных результатах.

Выводы

По результатам исследования можно дать следующие рекомендации органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

1. При обнаружении на месте преступления следов, свидетельствующих о наличии специальных навыков применения огня, выдвигается версия о причастности лиц отнесенных к той или иной возрастной группе.

2. При проведении оперативно-розыскных мероприятий необходимо учитывать весь спектр состояний тех переменных, которые потенциально могут быть обнаружены при осмотре места происшествия и/или в ходе следствия.

3. Рекомендуются в качестве ориентирующей информации использовать вероятностно-статистический «портрет преступника»: лицо мужского пола, 25 лет, с судимостью, образование ниже среднего, не работающий, злоупотребляет алкоголем, с отклонениями в психике. Убийство чаще совершается в месте проживания, в процессе ссоры, из корысти, из чувства мести, как правило, в соучастии с местными жителями. Характерна склонность убийцы возвращаться на место убийства, менять позу трупа, инсценировать естественную смерть.

4. В оперативной работе на этапах выявления и предупреждения преступлений должны быть задействованы методы профилирования, дающие представление о типичном и атипичном поведении убийцы.

Литература

1. *Алексеева М.А.* Личность осужденного за насильственные преступления и предупреждение специального рецидива: автореф. дисс... канд. юрид. наук. Москва, 1986. 20 с.
2. *Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Юань В.Л.* Полноструктурная модель механизма отражения личности в следах преступления // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 197—203.
3. *Антонян Ю.М.* Личность осужденного // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 5. С. 27—33.
4. *Арпентьева М.Р.* Криминальный профайлинг как технология расследования преступлений // Вестник криминалистики. 2017. № 1—2 (61—62). С. 30—44.
5. *Ведерников Н.Т., Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В.* Теоретические проблемы криминалистического профилирования: уголовно-процессуальный, тактико-криминалистический и психологический аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 178—186.
6. *Видонов Л.Г.* Криминалистическая характеристика убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев. Горький: Дзержинская типография Горьковского областного управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 1978. 122 с.
7. *Геодакян В.А.* Эволюционные хромосомы и эволюционный половой диморфизм // Известия Российской академии наук. Серия биологическая. 2000. № 2. С. 133—148.
8. *Логунова О.А., Дворянчиков Н.В.* Исследование психологических особенностей личности и поведения серийных сексуальных убийц различных типов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. № 1. С. 54—70. URL: http://psyjournals.ru/psyandlaw/19/n1/97331_full.shtml (дата обращения: 22.04.2019).
9. *Лысова А.В., Романова Л.И.* Социально-психологические характеристики женщин, совершивших преступления (по результатам исследования в женской исправительной колонии

- в Приморском крае) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 2. С. 252—260.
10. *Малыхина Н.И.* Алгоритм действий следователя при построении криминалистической модели неизвестного преступника // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 187—190.
 11. *Мудьюгин Г.М., Степичев С.В.* Изучение личности обвиняемого и потерпевшего при расследовании убийств и телесных повреждений // Социалистическая законность. 1966. № 12. С. 60—63.
 12. *Мусабиоров Р.Д.* Особенности первоначального этапа расследования тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершенных ранее судимыми лицами: дисс. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2003. 208 с.
 13. *Палий А.Ю.* Использование специальных знаний при составлении психолого-криминалистического портрета участников организованных преступных сообществ // Эксперт-криминалист. 2018. № 1. С. 10—13.
 14. *Савельев В.А.* Проблемы получения и утраты информации в ходе расследования преступлений. Краснодар: КубГАУ, 2015. 240 с.
 15. *Собчик Л.Н.* Криминальные наклонности и психодиагностика [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. № 1. С. 131—143. URL: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n1/85423_full.shtml (дата обращения: 22.04.2019).
 16. *Сутурина М.Н., Супрунова Н.О., Жукова А.С.* Криминальные особенности личности преступника, совершающего угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Российский следователь. 2017. № 21. С. 38—42.
 17. *Суходолов А.П., Попов А.А., Маренко В.А., Спасенников Б.А., Романенко А.А.* Построение модели преступности с применением когнитивного подхода // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 649—655.
 18. *Шпагина Е.М.* Интегрированная природа метода психологического портретирования в правоохранительной деятельности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 5. С. 71—79. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n4/Shpagina.shtml> (дата обращения: 22.04.2019).
 19. *Юань В.Л.* Сравнительный анализ подходов к определению объема изучения личности преступника: дискуссия и пути ее решения // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 167—171.

References

1. *Alekseeva M.A.* Lichnost' osuzhdenного za nasil'stvennyye prestupleniya i preduprezhdenie spetsial'nogo retsidiva. Avtoref. diss... kand. jurid. nauk [A person convicted of a violent crime and a special relapse prevention. PhD (Law) Thesis]. Moscow, 1986. 20 p.
2. *Alekseeva T.A., Akhmedshin R.L., Yuan' V.L.* Polnostrukturnaya model' mekhanizma otrazheniya lichnosti v sledakh prestupleniya [A full-structured model of the personality reflection mechanism in the traces of a crime]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal], 2015, no. 397, pp. 197-203 (In Russ., abstr. in Engl.).
3. *Antonyan Yu.M.* Lichnost' osuzhdenного [Identity of Convict]. Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie [Criminal-Executive system: law, Economics, management], 2017, no. 5, pp. 27 — 33 (In Russ., abstr. in Engl.).

4. Arpent'eva M.R. Kriminal'nyi profailing kak tekhnologiya rassledovaniya prestuplenii [Criminal profiling as a technology of crime investigation]. Vestnik kriminalistiki [Bulletin of Criminalistics], 2017, no. 1-2 (61-62), pp. 30-44 (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Vedernikov N.T., Akhmedshin R.L., Akhmedshina N.V. Teoreticheskie problemy kriminalisticheskogo profilirovaniya: ugovovno-protsessual'nyi, taktiko-kriminalisticheskii i psikhologicheskii aspekty [Theoretical problems of criminal criminalistic and psychological aspects]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal], 2018, no. 434, pp. 178—186 (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Vidonov L.G. Kriminalisticheskaya kharakteristika ubiistv i sistemy tipovykh versii o litsakh, sovershivshikh ubiistva bez ochevidtsev [Criminalistic characteristics of murders and unified theories about the perpetrators of the murder without witnesses]. Gorky: Dzerzhinskaya tipografiya Gor'kovskogo oblastnogo upravleniya izdatel'stv, poligrafii i knizhnoi torgovli, 1978. 122 p.
7. Geodakyan V.A. Evolyutsionnye khromosomy i evolyutsionnyi polovoi dimorfizm [Evolutionary chromosomes and evolutionary sex dimorphism]. Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya biologicheskaya [Bulletin of the Russian academy of sciences. The series of biological], 2000, no. 2, pp. 133-148 (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Logunova O.A., Dvoryanchikov N.V. Issledovanie psikhologicheskikh osobennostei lichnosti i povedeniya seriinykh seksual'nykh ubiits razlichnykh tipov [Elektronnyi resurs] [The research on psychological personality features and behavior of different serial sexual murderers' types]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019, Vol. 9, no. 1, pp. 54-70. URL: http://psyjournals.ru/psyandlaw/19/n1/97331_full.shtml (Accessed 22.04.2019) (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Lysova A.V., Romanova L.I. Sotsial'no-psikhologicheskie kharakteristiki zhenshchin, sovershivshikh prestupleniya (po rezul'tatam issledovaniya v zhenskoj ispravitel'noi kolonii v Primorskom krae) [Social-psychological characteristics of female offenders (based on a study at a female correctional facility in the Primorye Region of Russia)]. Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law], 2016, Vol. 10, no. 2, pp. 252-260. (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Malykhina N.I. Algoritm deistvii sledovatelya pri postroenii kriminalisticheskoi modeli neizvestnogo prestupnika [The algorithm of the investigator's actions in building a forensic model of an unknown criminal]. Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii [Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia], 2018, no. 3 (43), pp. 187-190 (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Mud'yugin G.M., Stepichev S.V. Izuchenie lichnosti obvinyaemogo i poterpevshego pri rassledovanii ubiistv i telesnykh povrezhdenii [Study of the identity of the accused and the victim in the investigation of murders and injuries]. Sotsialisticheskaya zakonnost' [Socialist legality], 1966, no. 12. pp. 60-63 (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Musabirov R.D. Osobennosti pervonachal'nogo etapa rassledovaniya tyazhkih nasil'stvennykh prestuplenii protiv zhizni i zdorov'ya, sovershennykh ranee sudimymi litsami. Diss. ...kand. yurid. nauk [Features of the initial stage of investigation of serious violent crimes against life and health committed by previously convicted persons PhD (Law) diss]. Ufa, 2003. 208 p.
13. Pali A.Yu. Ispol'zovanie spetsial'nykh znaniy pri sostavlenii psikhologo-kriminalisticheskogo portreta uchastnikov organizovannykh prestupnykh soobshchestv [Application of Special Knowledge in Building up of a Psychological and Criminalistic Profile of Organized Crime Group Members]. Ekspert-kriminalist [Forensic expert], 2018, no. 1, pp. 10-13 (In Russ., abstr. in Engl.).

14. Savel'ev V.A. Problemy polucheniya i utraty informatsii v khode rassledovaniya prestuplenii [Problems of obtaining and losing information during the investigation of crimes]. Krasnodar: KubGAU, 2015. 240 p.
15. Sobchik L.N. Kriminal'nye naklonnosti i psikhodiagnostika [Elektronnyi resurs] [Criminal tendencies and psychological testing]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1, pp. 131-143. URL: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n1/85423_full.shtml (Accessed 22.04.2019) (In Russ., abstr. in Engl.).
16. Suturina M.N., Suprunova N.O., Zhukova A.S. Kriminal'nye osobennosti lichnosti prestupnika, sovershayushchego ugrozu ubiistvom ili prichineniem tyazhkogo vreda zdorov'yu [Criminal Peculiarities of Personality of Offender Threatening to Murder or Cause Grievous Bodily Harm]. Rossiiskii sledovatel' [Russian investigator], 2017, no. 21, pp. 38 — 42 (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Sukhodolov A.P., Popov A.A., Marenko V.A., Spasennikov B.A., Romanenko A.A. Postroenie modeli prestupnosti s primeneniem kognitivnogo podkhoda [Constructing a model of crime based on the cognitive approach]. Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal of Criminology], 2017, Vol. 11, no. 4, pp. 649-655 (In Russ., abstr. in Engl.).
18. Shpagina E.M. Integrirovannaya priroda metoda psikhologicheskogo portretirovaniya v pravookhranitel'noi deyatel'nosti [Elektronnyi resurs] [The integrated nature of the method of psychological portraying in law enforcement]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2015, Vol. 5, no. 4, pp. 71—79. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n4/Shpagina.shtml> (Accessed 22.04.2019) (In Russ., abstr. in Engl.).
19. Yuan' V.L. Sravnitel'nyi analiz podkhodov k opredeleniyu ob"ema izucheniya lichnosti prestupnika: diskussiya i puti ee resheniya [The comparative analysis of approaches to determining the scope of studying a criminal's personality: the problem and ways to solve it]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal], 2017, no. 420, pp. 167-171 (In Russ., abstr. in Engl.).

Выявление скрываемой информации у акцентуированных личностей как проблема прикладной психофизиологии

Евсеева О.Е.,

войсковая часть 02035, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2099-8475>, e-mail: ok.pe2014@yandex.ru

Николаев А.Ю.,

ФСБ России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6455-848X>, e-mail: alekseynickolaev@rambler.ru

За последние 25 лет в юридическую практику прочно вошел способ выявления скрываемой информации — проведение криминалистического психофизиологического исследования с применением полиграфа (КИПП). Одной из острых проблем остается вопрос о научном обосновании возможности проведения КИПП в отношении лиц с различными психологическими особенностями личности, не выходящими за рамки психиатрической нормы. В статье приводятся результаты нашего исследования (2008—2018 г.г.). Цель: выявление возможности проведения КИПП у лиц с разными психотипами на примере анализа их личностных профилей ММИЛ и опросника «16 личностных факторов», имеющих/не имеющих информацию в памяти относительно проверяемого события. Согласно результатам исследования, можно предположить, что выявленные характерологические особенности исследуемых лиц не являются противопоказанием для проведения в отношении них КИПП. Данное исследование является одним из актуальных направлений на сегодняшний день и обусловлено повсеместным применением полиграфа в России. Полученные результаты могут быть использованы в практической работе при проведении КИПП, в том числе в форме судебной экспертизы.

Ключевые слова: психологические особенности личности, характерологические особенности личности, акцентуация, психотип, полиграф, психофизиологическое исследование с применением полиграфа, менталитет.

Для цитаты: Евсеева О.Е., Николаев А.Ю. Выявление скрываемой информации у акцентуированных личностей как проблема прикладной психофизиологии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 73-83. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100106>

Detection of hidden information in accentuated personalities as a problem of applied psychophysiology

Oksana E. Evseeva

Military Unit 02035, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2099-8475>, e-mail: ok.pe2014@yandex.ru

Alexey Yu. Nikolaev

Federal Security Officer of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6455-848X>, e-mail: alekseynickolaev@rambler.ru

The criminal psychophysiological interrogation applying a polygraph as a procedure to identify hidden information got substantially into legal practice over the past 25 years. One of the vexed problems is the question of the scientific justification of the possibility of CIAP for people with different psychological characteristics of a person within the framework of a psychiatric norm. The article presents the results of a study (2008 - 2018). Purpose: to identify the possibility of conducting CIAP for people with different psychotypes by the example of analysis of their personal profiles of MMIL and the questionnaire “16 personality factors” with / without information in memory regarding the event being checked. According to the results of the study, it can be assumed that the detected characterological features of the studied individuals are not a contraindication for conducting CIAP against them. This study is one of the relevant and is caused by the widespread use of the polygraph in Russia. The results can be used in practical work during the KIPP, including in the form of a forensic examination.

Keywords: psychological personality traits, characterological personality traits, accentuation, psychotype, polygraph, polygraph psychophysiological interrogation, mindset.

For citation: *Evseeva O.E., Nikolaev A.Yu.* Detection of hidden information in accentuated personalities as a problem of applied psychophysiology. *Psikhologiya i pravo*, 2020. Vol. 10, no. 1. p.44-54. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100106>

После легализации криминалистических психофизиологических исследований с применением полиграфа (далее — КИПП) в марте 1993 г. данный метод получил широкое распространение как в ведомственных структурах, так и в негосударственных учреждениях России [6]. На сегодняшний день КИПП применяются как для решения задач ОРД, так и в процессуальной практике в форме судебной психофизиологической экспертизы (далее — СПФЭ). Вместе с тем накопленный практический опыт применения метода в научной литературе освещен недостаточно полно. Так, в отечественных и зарубежных источниках авторами чаще затрагиваются следующие направления: попытки обоснования теории естественнонаучных основ применения КИПП, методология КИПП, описание отдельных методик и тестов, примеры проведения КИПП в различных ситуациях. При этом практически не предпринималось попыток систематизировать и описать возможности проведения метода КИПП на лицах, имеющих различные особенности личности, не выходящие за рамки психиатрической нормы. В научной литературе описаны абсолютные и относительные психиатрические противопоказания опроса с использованием полиграфа у лиц, имеющих различные патологические психические отклонения [4]. Следует отметить, что ранее практически не предпринималось попыток систематизировать и

описать возможности проведения КИПП на лицах, имеющих различные особенности личности, не выходящие за рамки психиатрической нормы.

Данная задача также является актуальной в связи с расширением практики КИПП в форме СПФЭ и появлением большого количества недостаточно компетентных специалистов, утверждающих, например, что к абсолютным противопоказаниям к проведению КИПП относятся: «...такие заболевания, как перенесенные в прошлом инфаркты» [13; 17], а также достаточно распространенным в той же среде мнением о том, что КИПП: «... не проводится с работниками спецслужб» [12; 13; 17].

В рамках исследовательской работы, проводимой нами с 2008 по 2018 гг., были проанализированы личностные профили 665 лиц в возрасте от 15 до 67 лет различного этнического происхождения, социального, правового и профессионального статуса (в том числе военнослужащих различных федеральных органов исполнительной власти), полученные по тесту ММИЛ и опроснику «16 факторов Кеттелла». КИПП лицам, относящимся к возрастной группе от 15 до 18 лет, осуществлялся на основании добровольного согласия, как самих исследуемых лиц, так и их родителей (либо ответственных за них лиц) [5]. Всем указанным лицам проводилось КИПП с целью выявления у них наличия/отсутствия скрываемой информации о проверяемом событии. В ходе исследования все указанные лица были пригодны к тестированию на полиграфе (далее — ТнП) в рамках принятой методологии [7], т. е. их физиологическое состояние на момент проведения исследования было адекватно требованиям ТнП.

Исследование личностных особенностей указанной категории лиц проводилось с помощью методики многостороннего исследования личности (ММИЛ) [3] и формы А опросника «16 личностных факторов» Кеттелла (далее — 16 ЛФ) [8]. Выявление у исследуемых лиц наличия/отсутствия в их памяти информации о проверяемом событии проводилось с помощью психофизиологического исследования с применением полиграфа на компьютерном полиграфе ПИК-01А.

Криминалистическое психофизиологическое исследование с применением полиграфа представляет собой безвредный для жизни и здоровья человека диагностический процесс, в ходе которого осуществляется анализ (оценка) динамики психофизиологических реакций исследуемого лица в ответ на предъявляемые вопросы (стимулы) [7].

Исследование проводилось в период с 2008 по 2018 гг. на русскоговорящих лицах с различными видами менталитета. Выборка составила 665 человек (возраст 15—67 лет); указанные лица не состояли на учете у психиатра и нарколога (подтверждено медицинской документацией).

В ходе исследовательской работы из общего числа выборки были выделены контрольная и экспериментальная группы. В *контрольную группу* отобраны лица (331 человек), отрицавшие факт своей причастности к событиям, в том числе юридически-значимым, вызвавшим необходимость проведения КИПП, относительно которых имелись объективные данные, подтверждавшие их непричастность. В результате КИПП у лиц этой группы не было выявлено наличие в их памяти информации об устанавливаемом, в том числе юридически-значимом, событии. В *экспериментальную группу* были отобраны лица (334 человека), причастные к совершению устанавливаемого события, у которых в результате КИПП было выявлено наличие в их памяти информации об устанавливаемом, в том числе юридически-значимом, событии. Причастность подтверждалась объективными данными, в том числе подтвержденными материалами уголовных дел и служебных разбирательств.

Интерпретация полученных данных КИПП производилась с помощью метрической (количественной) оценки, предусмотренной как методикой проведения КИПП в ходе ОРД, так и методикой производства СПФЭ, а также с использованием результатов анализа физиологических данных с применением программного обеспечения компьютерного полиграфа [7].

Результаты ММИЛ и опросника «16 факторов Кеттелла» были подвергнуты методу описательной статистики, а также анализу по непараметрическому критерию Манна—Уитни.

Результаты статистической обработки шкал теста ММИЛ контрольной и экспериментальной групп представлены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели шкал ММИЛ контрольной и экспериментальной групп с уровнем значимости (p) критерия Манна—Уитни

Группы	Шкалы	L	F	K	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
Контрольная группа	a min	2	0	5	2	8	34	33	25	20	33	6	31	9
	a max	1	106	82	68	76	77	74	74	67	81	70	83	9
	$\bar{a}_{к,э}$	62,2	50,3	58,5	47,6	47,8	52	52,6	48,8	44,8	50,3	49,1	61,9	2
Экспериментальная группа	a min	32	30	17	35	28	30	32	20	24	33	24	45	8
	a max	95	120	74	89	83	86	87	77	78	79	97	89	2
	$\bar{a}_{к,э}$	59,9	52,6	56,8	48,3	48,3	52,1	51,7	46,9	43,3	50	49	62,9	41,5
Критерий Манна—Уитни	Δ	2,3	2,3	1,7	0,7	0,5	0,1	0,9	1,9	1,5	0,3	0,1	1	0,5
	(p)	0,23	0,008	0,06	0,66	0,27	0,35	0,96	0,3	0,47	0,58	0,94	0,53	0,41

Примечание: L — шкала лжи; F — шкала достоверности; K — шкала коррекции; шкала 1 (HS — соматизация тревоги или ипохондрия); 2 (D — тревога и депрессивные тенденции); 3 (Hy — вытеснение факторов, вызывающих тревогу или истерии); 4 (Pd — социальная психопатия или реализация эмоциональной напряженности в непосредственном поведении); 5 (Mf — выраженность мужских и женских черт характера); 6 (Pa — параноидность или ригидность аффекта); 7 (Pt — психастения или фиксация тревоги и ограничительное поведение); 8 (Sc — шизоидность, аутизация); 9 (Ma — отрицание тревоги, гипоманиакальные тенденции); 0 (Si — социальная интроверсия или шкала социальных контактов); a min — минимальное значение шкалы; a max — максимальное значение шкалы в контрольной и экспериментальной группах; $\bar{a}_{к,э}$ — среднее значение шкалы в контрольной и экспериментальной группах; Δ — модуль разницы средних значений шкал $|\bar{a}_{э} - \bar{a}_{к}|$; p — уровень значимости) [11; 18; 19].

Ниже приведем усредненные профили по тесту ММИЛ для экспериментальной и контрольной групп (с) (рис. 1).

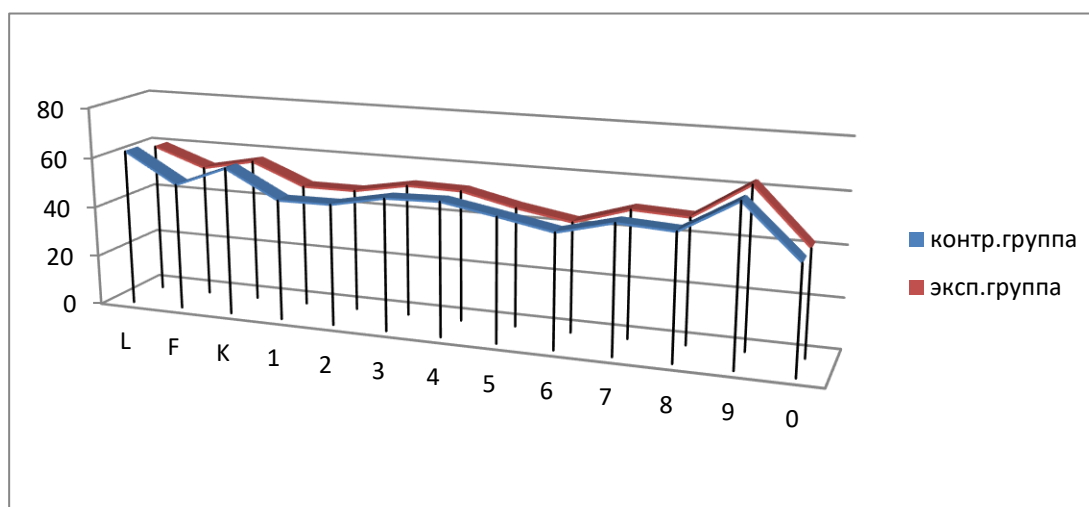

Рис. 1. Усредненные профили ММИЛ контрольной и экспериментальной групп

Как видно из представленных данных, показатели двенадцати из тринадцати шкал теста ММИЛ не обладают статистически значимым различием ($p > 0,05$) в результатах двух выборок (табл. 1). Статистически значимое различие получено по показателям одной шкалы — шкалы достоверности F ($p = 0,008$). Результаты статистической обработки шкал личностного опросника «16-ЛФ» в контрольной и экспериментальной группах представлены в табл. 2.

Таблица 2

Показатели шкал 16-ЛФ контрольной и экспериментальной групп с уровнем значимости (p) критерия Манна—Уитни

	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	MD
$a_k \min$	1	1	4	1	2	5	1	2	1	1	3	1	2	1	2	1	0
$a_k \max$	10	10	10	8	9	10	10	10	8	8	10	10	8	8	10	8	15
\bar{a}_k	6,82	5,65	7,77	4,8	5,5	7,5	7,9	4,7	3,9	4,1	7,9	4,8	4,6	2,5	7,8	3,3	8
$a_s \min$	1	1	3	1	1	4	2	1	1	1	1	1	1	1	3	1	0
$a_s \max$	10	10	10	8	10	10	10	10	10	8	10	9	10	8	10	9	15
\bar{a}_s	6,67	5,86	7,58	4,7	5,8	7,4	7,9	4,9	3,97	4,02	7,6	4,6	4,64	2,64	7,64	3,57	7,68
Δ	0,15	0,21	0,19	0,1	0,3	0,1	0	0,2	0	0,08	0,3	0,2	0,04	0,14	0,16	0,27	0,32
P	0,16	0,93	0,15	0,48	0,003	0,08	0,71	0,17	0,7	0,62	0,38	0,87	0,29	0,78	0,004	0,007	0,04

Примечание: шкала А — аффектомия (циклотимия) — сизотимия; В — высокий интеллект — низкий интеллект; С — сила «Я» — слабость «Я»; Е — доминантность — конформность; F — сургенсия — десургенсия; G — сила «сверх-Я» — слабость «сверх-Я»; H — пармия — тректия; I — премсия — харрия; L — протенсия — алаксия; M — аутия — праксерния; N — искусственность — безыскусственность; O — гипотимия — гипертимия; Q₁ — радикализм — консерватизм; Q₂ — самодостаточность — социальность; Q₃ — контроль желаний — импульсивность; Q₄ — фрустрированность — нефрустрированность; MD — шкала валидности; $a_{k,\min}$ — минимальное значение шкалы; $a_{k,\max}$ — максимальное значение шкалы в контрольной и экспериментальной группах; \bar{a}_k — среднее значение шкалы в контрольной и экспериментальной группах; Δ — модуль разницы средних значений шкал $|\bar{a}_s - \bar{a}_k|$; p — уровень значимости [11; 18; 19].

Ниже приведем усредненные профили по опроснику «16 ЛФ» для экспериментальной и контрольной групп (с) (рис 2).

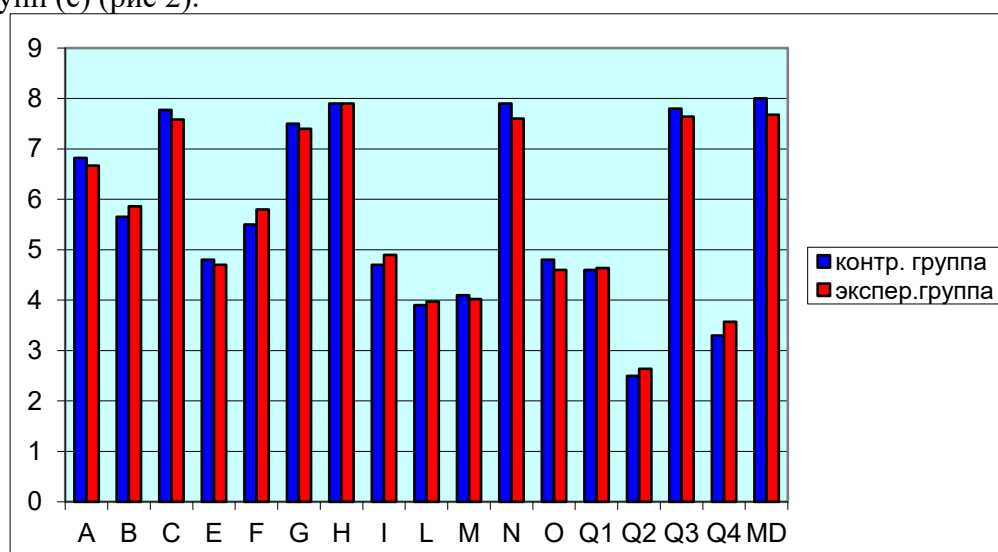

Рис. 2. Усредненные профили по опроснику «16 ЛФ» контрольной и экспериментальной групп

Статистический анализ показателей тринадцати из шестнадцати факторов первого порядка опросника «16 личностных факторов» выявил отсутствие статистически значимого различия ($p >$

0,05) в результатах двух групп. Статистически значимое различие получено по показателям трех факторов первого порядка: F — «сургенсия—десургенсия/беспечность—озабоченность»; Q₃ — «контроль желаний—импульсивность»; Q₄ — «фрустрированность—нефрустрированность»; а также по шкале валидности MD.

Выявленные статистически значимые показатели и их взаимовлияние были подробно представлены в более ранних наших работах [1; 2; 7]. В данной статье предлагается рассмотреть не затрагиваемый ранее аспект о возможности проведения КИПП на лицах, имеющих различные психологические особенности личности, не выходящие за пределы психиатрической нормы здоровья.

Для этой цели нами были выбраны минимальные и максимальные показатели шкал тестов ММИЛ и 16 ЛФ, порой выходящие за пределы статистической нормы (средние значения для 16 ЛФ составляют 4—7 стэнов; для ММИЛ — 40—60 Т-баллов) и являющиеся одним из диагностических признаков наличия возможных акцентуаций и/или психопатий у исследуемых нами лиц. Следует отметить отдельно, что усредненные показатели обеих методик практически не выходили за рамки указанных средних общепринятых диагностических норм (с) (табл. 1, 2).

Так, по результатам нашего исследования показатели, выходящие за пределы средних значений, были получены по всем шкалам ММИЛ и 16 ЛФ. То есть в представленной нами выборке, в том числе, встречались лица с ярко выраженными личностными особенностями, имеющими крайне низкие и крайне высокие показатели по шкалам указанных методик, как в контрольной, так и экспериментальной группах, что говорит о высокой степени выраженности тех или иных характерологических особенностей или патологических изменений. Рассмотрим шкалы двух методик с крайними показателями шкал для 16 ЛФ: низкий уровень — 1—2 стэна, высокий — 9—10 стэнов; для ММИЛ: низкий уровень — ниже 35 Т-баллов, высокий — выше 75 Т-баллов (табл. 3, 4).

Таблица 3

Крайние значения шкал опросника «16 ЛФ»

	A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4	MD
a _к min	1	1	4	1	2	5	1	2	1	1	3	1	2	1	2	1	0
a _к max	10	10	10	8	9	10	10	10	8	8	10	10	8	8	10	8	15
a _э min	1	1	3	1	1	4	2	1	1	1	1	1	1	1	3	1	0
a _э max	10	10	10	8	10	10	10	10	10	8	10	9	10	8	10	9	15

Примечание: a_{к,э}min — минимальное значение шкалы; a_{к,э}max — максимальное значение шкалы в контрольной и экспериментальной группах.

Так, по результатам **опросника «16 ЛФ»**, крайне низкие показатели получены по шкалам А, В, Е, F, H, I, L, M, O, Q₁, Q₂, Q₃ и MD. Крайне высокие — по шкалам А, В, С, F, G, H, I, N, O, Q₃ и MD в контрольной группе. В экспериментальной группе — крайне низкие показатели получены по шкалам А, В, Е, F, H, I, L, M, N, O, Q₁, Q₂ и MD. Крайне высокие — по шкалам А, В, С, F, G, H, I, L, N, O, Q₁, Q₃ и MD (рис. 3).

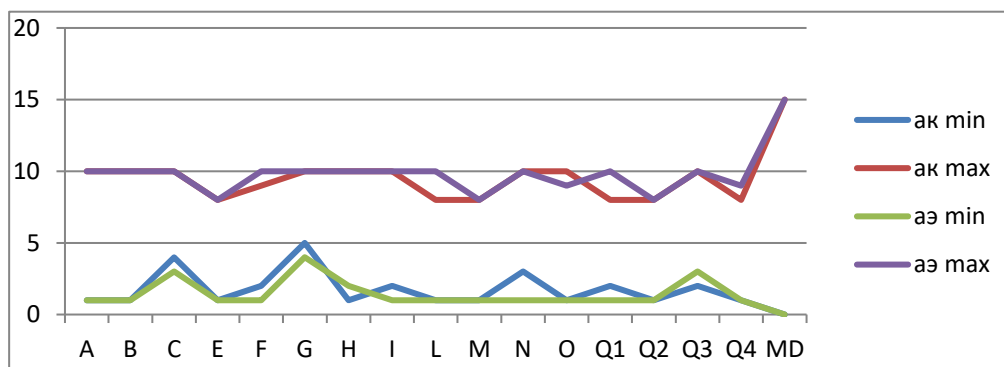

Рис. 3. Крайние значения шкал 16 ЛФ для контрольной и экспериментальной групп

В табл. 4 приведены показатели шкал для методики многостороннего исследования личности.

Таблица 4

Крайние значения шкал ММИЛ

	L	F	K	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
ак min	32	30	35	32	28	34	33	25	20	33	26	31	29
ак max	91	106	82	68	76	77	74	74	67	81	70	83	69
аэ min	32	30	17	35	28	30	32	20	24	33	24	45	28
аэ max	95	120	74	89	83	86	87	77	78	79	97	89	72

По результатам ММИЛ, крайне низкие показатели получены по шкалам L, F, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0. Крайне высокие — по шкалам L, F, K, 2, 3, 7, 9 в контрольной группе. В экспериментальной группе крайне низкие показатели получены по шкалам L, F, K, 2, 3, 7, 8, 0. Крайне высокие — по шкалам L, F, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 (рис. 4)

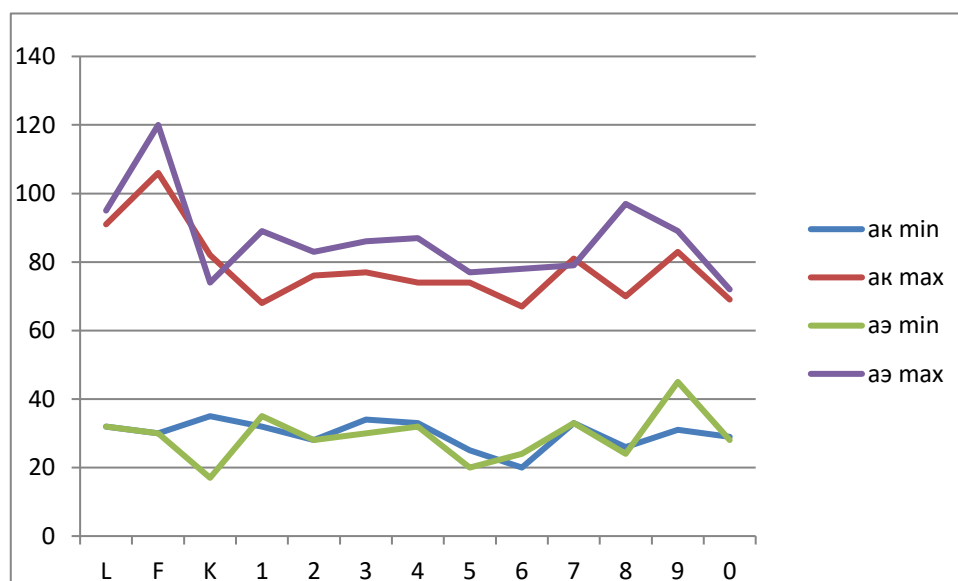

Рис. 4. Крайние значения шкал ММИЛ для контрольной и экспериментальной групп

Согласно полученным данным в представленной нами выборке были выявлены следующие ярко выраженные личностные особенности у некоторых лиц, прошедших КИПП.

В контрольной группе (исследуемые, не имевшие в памяти информации о проверяемом событии) отдельные лица обладали такими крайне выраженными особенностями личности, как

сдержанность, отчужденность в межличностных контактах, так и проявляли открытость, легкость в общении; имели как высокий, так и низкий уровень интеллектуальных возможностей; были чаще эмоционально устойчивы, спокойны; ведомы, послушны, скромны, доброжелательны; проявляли как беспечность, так и озабоченность чем-либо; были чаще совестливы, дисциплинированы; могли быть социально смелыми и в тоже время робкими; проявляли мягкосердечность и суровость; чаще доверчивы, бескорыстны; чаще имели практичные, приземленные интересы; в большинстве случаев имели некий социальный опыт; по отношению к чувству вины в группе были как неуверенные в себе, склонные к чувству вины, так и самоуверенные лица; чаще проявляли консерватизм, терпимость к традициям; чаще были привязаны к группе; обладали как высоким, так и низким самоконтролем; имели как высокие, так и низкие показатели уровня тревожности/внутреннего напряжения. Для указанного ряда лиц присуще как стремление приукрасить себя в глазах окружающих, так и отсутствие такового; они характеризуются как повышенным, так и низким уровнем внутреннего напряжения; повышенным стремлением к соблюдению социальным норм и устоев; чаще обладают хорошими адаптационными возможностями; как повышенным, так и сниженным уровнем эгоцентрических установок; стремлением в большинстве случаев избегать конфликтов; приверженностью к полоролевому поведению, присущему их полу; чаще умеют приспосабливаться к новой обстановке; чаще опираются на здравый смысл, чем на мир фантазий.

В *экспериментальной группе* (исследуемые, имевшие в памяти информацию о проверяемом событии) наблюдались следующие *крайне выраженные характерологические особенности*, отличные от результатов контрольной группы: наивность, социальная неуклюжесть; подозрительность, завистливость; повышенная социальная гибкость, склонность к разрушению устоявшихся норм и правил; склонность преувеличивать свои трудности, не всегда удовлетворены своим положением; чаще склонны к соматизации тревоги; социально не приспособлены, агрессивны в поведении, повышено чувствительны к воздействию внешней среды; повышено активны в межличностных контактах вплоть до навязчивости. По иным показателям, обе группы совпадали.

В общем виде, на основании полученных данных (крайне высоких показателях шкал тестов), можно предположить о наличии следующих видов *акцентуаций* у ряда лиц из *экспериментальной группы*: **ипохондрия, астено-невротизм, истероидность, эпилептоидность, сензитивность, шизоидность, гипертимность**; из *контрольной группы*: **астено-невротизм, истероидность, психоастения, гипертимность** [10].

Полученные нами результаты позволяют предполагать, что выявленные характерологические особенности и/или акцентуации исследуемых лиц не препятствуют проведению КИПП, а значит, не являются противопоказанием для проведения в отношении них психофизиологического исследования с применением полиграфа.

Отдельно следует отметить, что принадлежность исследуемых нами лиц к различным этническим группам, разным социальным, правовым и профессиональным статусам не повлияла как на успешное выявление, так и на корректное не выявление информации об устанавливаемом событии в их памяти. Наличие в анамнезе у части лиц в обеих исследованных группах перенесенных в прошлом острых патологических состояний со стороны дыхательной и/или сердечно-сосудистой системы (гипертонический криз, инфаркт миокарда, острая сердечная недостаточность, вызванная нарушениями сердечного ритма, острая декомпенсация хронической сердечной недостаточности, астматический статус), находящихся на момент проведения КИПП вне острого периода заболеваний, также не оказали влияния как на успешное выявление, так и на корректное не выявление наличия информации в памяти.

Литература

1. Белоусова А.К., Евсеева О.Е. Выявление у абитуриентов вузов правоохранительных органов России опыта первых наркопроб // ФГКУ ВНИИ МВД РФ Журнал «Научный портал МВД России». М. ФГКУ «ЭПК МВД России», 2014. С. 113—119.
2. Белоусова А.К., Евсеева О.Е., Николаев А.Ю. Особенности личностного профиля ММИЛ у юношей с опытом первичных проб психоактивных веществ // Национальный психологический журнал, 2018. № 1(29). С. 66—74
3. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д. Методика многостороннего исследования личности. Структура, основы интерпретации, некоторые области применения. 3-е изд., испр. и доп. М.: БЕРЕЗИН ФЕЛИКС БОРИСОВИЧ, 2011. 320 с.
4. Введенский Г.Е., Сафуанов Ф.С., Козлов И.С., Каменсков М.Ю., Николаев А.Ю. Опрос с использованием полиграфа: психиатрические противопоказания // Российский психиатрический журнал. 2011. № 5. С. 31—36
5. Дееспособность малолетних и несовершеннолетних [Электронный ресурс]. URL: <http://prokuror-kaluga.ru/razyasnenie-2259.html> (дата обращения: 10.10.2017).
6. Инструкция о порядке применения специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа федеральными органами государственной безопасности [Электронный ресурс]. Министерство безопасности РФ. 12 февраля 1993. URL: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_55764.html (Дата обращения: 24.11.2018 г.).
7. Интерпретация данных ИПП проводилась, в зависимости от характера ИПП, в соответствии с требованиями «Комплексной методики специального психофизиологического исследования с применением полиграфа» (НИИ-2 УНТО ФСБ России. М., 1995), и «Методики производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа» (2009, ИК ФСБ России)
8. Капустина А.Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла (Практикум по психодиагностике): учеб.-метод. пособие. СПб.: Речь, 2006. 104 с..
9. Келвин С. Холл, Гарднер Линдсей. Теории личности. Изд-во Института Психотерапии, 2008. 672 с.
10. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. СПб.: Речь, 2009. 256 с.
11. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учеб. пособие. 3-е изд., стереотип. СПб.: Речь, 2008. 392 с.
12. Ограничения при проведении проверок на полиграфе [Электронный ресурс] // URL: <http://polygraph-vl.ru/news/2015-06-14/novaya-zapis-4> (дата обращения: 25.01.2019).
13. Памятка для лиц, которым предстоит пройти проверку на полиграфе. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vympel-polygraph.ru/str/about/pamyatka.htm> (дата обращения: 25.01.2019).
14. Петровский А.В. Категория личности / Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 223—270
15. Собчик Л.Н. СММИЛ. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. СПб.: Речь, 2007. 224 с.
16. Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и его естественнонаучные основы. Полиграф в России 1993—2008. М.: Изд-во МГТУ имени Н.Э. Баумана, 2008. С. 60—86
17. Часто задаваемые вопросы [Электронный ресурс] // URL: <http://expert-spfi.ru/chasto-zadavayemye-voprosy> (дата обращения: 25.01.2019).
18. AnalystSoftInc., BioStat. Версия 2009 [Электронный ресурс] // URL: www.analystsoft.com/ru/ (дата обращения: 20.06.2012).

19. Mann H.B., Whitney D.R. On a test of whether one of two random variables is stochastically larger than the other // *Annals of Mathematical Statistics*. 1947. № 18. P. 50—60

References

1. Belousova A., Evseeva O. Vyyavleniye u abiturientov VUZov pravookhranitel'nykh organov Rossii opyta pervykh narkoprob [Identification of the experience of the first drug tests among applicants of universities of law enforcement bodies of Russia]// *FGKU VNII MVD RF Zhurnal «Nauchnyy portal MVD Rossii»*. Moscow. FKGU «EPK MVD Rossii», 2014. p.p. 113-119
2. Belousova A., Evseeva O., Nikolaev A. Osobennosti lichnostno­go profilya MMIL u yunoshey s opytom pervichnykh prob psikhoaktivnykh veshchestv [Features of the personal profile of MMIL in young men with experience in primary tests of psychoactive substances] // *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal*. — Moscow, 2018. no 1(29). p.p. 66—74
3. Berezin F.B., Miroshnikov M.P., Sokolova E.D. Metodika mnogostoronnego issledovaniya lichnosti. Struktura, osnovy interpretatsii, nekotoryye oblasti primeneniya [The methodology of multilateral personality research. Structure, basics of interpretation, some areas of application]. 3-ye publ., ispr. i dop. Moscow : Publ. "BEREZIN FELIKS BORISOVICH", 2011. 320 p.
4. Vvedenskiy G., Safuanov F., Kozlov I., Kamenskov M., Nikolaev A. Opros s ispol'zovaniyem poligrafa: psikhiatricheskiye protivopokazaniya. [Polygraph interview: psychiatric contraindications]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*, 2011. no 5. p.p. 31 — 36
5. Deyesposobnost' maloletnikh i nesovershennoletnikh [Elektronnyiresurs] [The legal capacity of minors and minors]. URL: <http://prokuror-kaluga.ru/razyasnenie-2259.html> (Accessed 10.10.2017). (In Russ., Abstr. In Engl.)
6. Instruktsiya o poryadke primeneniya spetsial'nykh psikhofiziologicheskikh issledovaniy s ispol'zovaniyem poligrafa federal'nymi organami gosudarstvennoy bezopasnosti. Ministerstvo bezopasnosti RF. 12 fevralya 1993 [Elektronnyiresurs] [Instructions on the procedure for applying special psychophysiological studies using a polygraph by federal state security agencies. Ministry of Security of the Russian Federation]. URL: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_55764.html (Accessed 24.11.2018) (In Russ., Abstr. In Engl.)
7. Interpretatsiya dannykh IPP provodilas', v zavisimosti ot kharaktera IPP, v sootvetstvii s trebovaniyami «Kompleksnoy metodiki spetsial'nogo psikhofiziologicheskogo issledovaniya s primeneni­yem poligrafa» [Interpretation of IPP data was carried out, depending on the nature of IPP, in accordance with the requirements of the “Comprehensive methodology for special psychophysiological research using a polygraph”]. NII-2 UNTO FSB Rossii. Moscow, 1995, i «Metodiki proizvodstva sudebnykh psikhofiziologicheskikh ekspertiz s primeneni­yem poligrafa» [“Techniques for the production of forensic psychophysiological examinations using a polygraph”]. 2009, IC FSB of Russia
8. Kapustina A.N. Mnogofaktornaya lichnostnaya metodika R. Kettella. [The multifactorial personality technique of R. Kettell]. Uchebno-metod. Posobiye [Teaching aid.]. Sankt-Peterdurg: Rech', 2006. 104 p. (Praktikum po psikhodiagnostike). [(Workshop on psychodiagnostics)]
9. Kelvin S. Kholll, Gardner Lindsey. Teorii lichnosti. Izd-vo Instituta Psikhoterapii, [Theories of personality. Publishing House of the Institute of Psychotherapy]. 2008. 672 p.
10. Lichko A. Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov [Psychopathy and character accentuation in adolescents]. Pod red. Yu. B. Gippenreyter, V. Ya. Romanova. Sankt-Peterdurg: Rech', 2009. 256 p.
11. Nasledov A. D. Matematicheskiye metody psikhologicheskogo issledovaniya. Analiz i intepretatsiya dannykh. [Mathematical methods of psychological research. Analysis and interpretation of data]. Uchebnoye posobiye. [Tutorial]. 3-ye publ., stereotip. Sankt-Peterdurg: Rech', 2008. 392 p.

12. Ogranicheniya pri provedenii proverok na poligrafe. [Elektronnyiresurs] [Limitations when conducting polygraph inspections]. URL: <http://polygraph-vl.ru/news/2015-06-14/novaya-zapis-4> (Accessed 25.01.2019) (In Russ., Abstr. In Engl.)
13. Pamyatka dlya lits, kotorym predstoit proyti proverku na poligrafe. [Elektronnyiresurs]. [Memo for people who have to pass a polygraph test]. URL: <http://www.vympel-polygraph.ru/str/about/pamyatka.htm> (Accessed 25.01.2019) (In Russ., Abstr. In Engl.)
14. Petrovskiy A.V. Kategoriya lichnosti / Osnovy teoreticheskoy psikhologii. [Category of personality / Fundamentals of theoretical psychology]. Moscow: publ. «INFRA-M», 1998. p.p. 223-270
15. Sobchik L.N. SMIL. Standartizirovanny mnogofaktornyy metod issledovaniya lichnosti. [SMIL. Standardized multifactor method of personality research]. Sankt-Peterburg. : Rech', 2007. 224 p.
16. Kholodnyy Yu. Opros s ispol'zovaniye poligrafa i yego yestestvennonauchnyye osnovy. Poligraf v Rossii 1993-2008. [A survey using a polygraph and its natural-science foundations. Polygraph in Russia 1993-2008]. Publ.: MGTU im. Baumena, Moscow, 2008. p.p. 60-86
17. Chasto zadavayemyye voprosy. [Elektronnyiresurs]. [Frequently Asked Questions]. URL: <http://expert-spfi.ru/chasto-zadavayemyye-voprosy> (Accessed 25.01.2019) (In Russ., Abstr. In Engl.)
18. AnalystSoft Inc., BioStat. Version 2009. [Elektronnyiresurs]. URL: www.analystsoft.com/ru/ (Accessed 20.06.2012) (In Russ., Abstr. In Engl.)
19. Mann, B. B., Whitney, D. R. // Annals of Mathematical Statistics. 1947. no 18. p.p. 50-60

Самосуд как индикатор деструктивных процессов в современном российском обществе

Смирнов А.М.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г.
Москва, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4779-4971>, e-mail: vipnauka@list.ru

В статье актуализируется вопрос о распространенности в российском обществе самосудных расправ над причинителями вреда, поскольку наличие этой древней практики в современных условиях развития общества свидетельствует о деструктивных процессах в нем. Выделяются и характеризуются социально-психологические детерминанты данного негативного явления, среди которых: рост социальной агрессивности, чувства ненависти или вражды; дефекты правовой психологии, обусловленные развитием правового нигилизма; разочарование в эффективности работы правоохранительных органов на фоне высоко уровня преступности в стране; неприятие гуманизма отечественной уголовной политики; менталитет и криминализация российского общества; формирование привыкания к мести и самосуду, культивируемое средствами Масс медиа и т. д. Катализатором самосудов над причинителями вреда главным образом выступают аффект, фрустрация, стресс и негодование, вызванные совершенным преступлением или иным правонарушением, которые сводят «на нет» сдерживающие императивы поведения. Автор приходит к выводу о необходимости разработки соответствующих мер, которые предлагаются в работе, по искоренению данного негативного явления в российском обществе для обеспечения его большей цивилизованности.

Ключевые слова: самосуд, социально-психологические детерминанты самосуда, социальная деструкция, социальная агрессия, ненависть, вражда, социальная справедливость.

Для цитаты: Смирнов А.М. Самосуд как индикатор деструктивных процессов в современном российском обществе [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 84-91. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100107>

Lynching as an indicator of destructive processes in modern Russian society

Alexander M. Smirnov

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4779-4971>, e-mail: vipnauka@list.ru

The article updates the issue of the prevalence of vicious punishment of harm-doers in Russian society, since the presence of this ancient practice at this point of community development indicates destructive processes in it. The following socio-psychological determinants of this phenomenon are

designed and highlighted: the growth of social aggressiveness, feelings of hatred or enmity, defects in legal psychology caused by the development of legal nihilism, disappointment in the effectiveness of law enforcement agencies against the backdrop of a high level of crime in the country, rejection of the humanism of domestic criminal policy, mindset and the criminalization of Russian society, the formation of addiction to revenge and lynching, cultivated by the media. The catalyst for lynching harm inflicted primarily by affect, frustration, stress and resentment caused by a crime or other offence, which nullify the restraining imperatives of behaviour. The author concludes that it is necessary to develop appropriate measures that are proposed in the work to eliminate this negative phenomenon in Russian society.

Keywords: lynching, socio-psychological determinants of lynching, social destruction, social aggression, hatred, enmity, social justice.

For citation: Smirnov A.M. Lynching as an indicator of destructive processes in modern Russian society. *Psikhologiya i pravo*, 2020. Vol. 10, no. 1. p.84-91. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100107>

Самосуд как средство расправы над причинителем вреда зародился буквально с самим обществом [17]. Как показывает анализ истории развития общества, он наиболее характерен для первобытнообщинного строя, догосударственного периода формирования общественных отношений, времени, когда государство еще не было достаточно сильной структурой, в котором право, как средство регулирования данных отношений, еще не было достаточно развито. В этот период развития человеческого общества его представителям в основном приходилось полагаться на самих себя, самостоятельно разрешая возникшие конфликтные ситуации, выбирая средства и методы реагирования на причинителей вреда, что в определенной степени оправдывало практику самосуда в системе социального взаимодействия.

История развития государства и общества свидетельствует о том, что формируя цивилизационные основы своего существования и развития, они стремились избавляться от первобытных (варварских) механизмов регулирования общественных отношений, заменяя их более прогрессивными [7; 8; 22]. Вместе с тем самосуд, который по всем признакам имеет архаический характер, до сих пор сохранил свои позиции в обществе и продолжает выступать одним из актуальных средств реагирования на причинителей вреда, что не может не вызвать опасений.

Анализ практики социальных отношений в современной России свидетельствует о том, что самосуд имеет достаточно большое распространение в системе защиты личностью своих прав и свобод от противоправных посягательств, причем продолжает реализовываться достаточно жестокими (варварскими) средствами и методами, указывая на сохранение в современном российском обществе различных деструктивных процессов.

Несмотря на большую значимость для отслеживания динамики подобных процессов в обществе и выработки мер по их профилактике, специальные статистические данные по самосудным расправам в современной России, к сожалению, не собираются и не анализируются. Судить о масштабах распространения этого негативного социального явления в нашей стране можно только по результатам отдельных редких социологических исследований. Так, например, согласно информации, озвученной в отечественных средствах массовой информации, достаточно значительная часть (около 75%) россиян потенциально морально и психологически готовы совершить самосуд над обидчиком для защиты себя или своей семьи¹.

¹ Дискуссия в российском обществе: как остановить самосуд и не бросить тех, кто ждет справедливости // URL: <http://www.1tv.ru/news/social/216619>, (дата обращения: 01.10.2019).

Изучение современной практики реагирования на лиц, совершающих противоправные посяательства², позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время в нашей стране накоплено достаточное количество причин и условий, способствующих распространению рассматриваемого явления, одно из главных мест среди которых занимают различного рода деструктивные процессы, происходящие в российском обществе, имеющие психологическую основу.

Специалисты, занимающиеся исследованием глобальных вопросов развития и функционирования современного мирового сообщества, говорят о развитии в нем различного рода деструктивных дискриминационных практик, таких как сепаратизм, ксенофобия, национализм, культивируемые идеями экстремизма и религиозного радикализма³. Эти процессы оказывают свое негативное влияние на состояние развития любого современного государств и общества [11], в том числе и в России, усиливая в российском обществе социально-психологическую напряженность в межличностных отношениях, обуславливая конфронтацию между представителями различных социальных общностей и групп, стимулируя развитие в нем анархистских настроений, приводящих к реанимации первобытных механизмов регулирования социальных противоречий [9].

Одной из основных причин популярности среди российских граждан самосудов являются дефекты правовой психологии, способствующие восприятию идеи правового нигилизма, стимулирующие предрасположенность пренебрегать мерами реагирования на нарушение нравственных и правовых запретов и ограничений в рамках закона [15]. Все это усиливается свойственными для современного российского общества чувствами ненависти и вражды, «питаемыми» идеологическими соображениями [24].

Психологи выделяют такие факторы, деструктивно влияющие на правовую психологию российских граждан, как: низкий потенциал психологического влияния, оказываемого положениями нормативных актов на поведение граждан; отставание нормативного регулирования общественных отношений от динамики их изменений в социуме; низкая степень психологического воздействия системы правого воспитания на население России в связи с недостаточным учетом при ее реализации современных реалий и вызовов социально-психологического развития; распространенность и развитость в обществе правового нигилизма; социально-психологический дискомфорт жизнедеятельности населения России, вызванный недовольством работы государственных органов по обеспечению прав и свобод граждан; психологический дисбаланс взаимоотношений между представителями различных социальных групп и общностей; снижение авторитета служителей правопорядка у населения страны; общее понижение уровня общественной морали; злоупотребления представителями власти своими полномочиями в связи с практически полной своей безнаказанностью, обусловленной широкими возможностями неприкосновенности; практически полная бесконтрольность в распространении идеологии психологического и физического насилия, жестокости в различных сферах жизни общества; открытая пропаганда средствами массмедиа допустимости и целесообразности самостоятельной защиты своих прав и свобод с помощью любых доступных средств; распространение среди граждан норм криминальной субкультуры, активное применение их при разрешении возникших противоречий, романтизация криминального образа жизни; недостаточно развитая система защиты общечеловеческих ценностей от небрежного, аморального отношения с ними; развитость коррупционных настроений среди представители власти на всех уровнях, в том

² Для формулирования выводов, представленных в настоящей статье, ее автором были проанализированы 90 приговоров Российской Федерации о привлечении к уголовной ответственности за преступления, совершенные в период с 2006 по 2017 годы по мотивам мести, 12 из которых — по мотивам «кровной мести».

³ Указ Президента РФ от 12 мая 2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2009. № 88. (Документ утратил юридическую силу).

числе среди служителей правопорядка; недостаточная психолого-педагогическая результативность и развитость нравственного и правового воспитания сотрудников правоохранительных органов; девальвация системы включения граждан в укрепление законности и правопорядка, невключение институтов гражданского общества в систему противодействия преступности и др. [25]

Согласно точке зрения некоторых авторитетных психологов, агрессия сама по себе выступает ничем иным, как одним из выражений универсальной психоэмоциональной предрасположенности индивида, которая, в зависимости от сложившейся обстановки, адаптируется к ней, и степень ее выраженности базируется на характере индивидуального научения личности. Это говорит о том, что всем людям свойственна агрессивность, которая выступает своеобразной адаптивной реакцией на различные угрозы безопасности жизнедеятельности [3].

Именно поэтому в психотипе современных российских граждан обнаруживаются настроения, побуждающие людей находить любую мишень для выражения своего внутреннего гнева, что в определенной степени и объясняет распространенность самосудных расправ в России, поскольку по своей психологической составляющей эти расправы выступают своеобразным выражением социальной агрессии, основанной на психологии выживания, которая чаще всего имеет неконтролируемый характер.

Одной из психологических детерминант самосуда является чувство ненависти, культивируемое паттернами возбуждения и раздражения. В том случае, когда внутреннее возбуждение сопряжено с отсутствием личной ответственности, при которой контроль над принятыми в обществе нормами поведения исчезает, последствия приобретают самые неожиданные формы. В этих ситуациях люди способны совершать самые неожиданные для них поступки — от нарушений выработанных и зафиксированных сознательно правил поведения, в том числе базирующихся на нормативных предписаниях, до импульсивного проявления различного рода деструктивных действий, на совершение которых человек в обычной обстановке не готов [12].

Самосудные расправы — это в основном групповое проявление человеческой активности, в реализации которой принимают участие не только лицо, пострадавшее от действий причинителя вреда, но и иные не равнодушные к случившемуся лица.

Как отмечают психологи, в группах люди более напряжены и возбуждены и не всегда готовы принимать верные консолидированные решения при выполнении достаточно сложных задач. При этом групповая сплоченность усиливает чувство враждебности и неприятия к какому-либо раздражителю. Эта сплоченность нивелирует любое инакомыслие по отношению к общей идее, реализуемой группой, заставляет людей, входящих в нее, еще больше верить в правильность и бескомпромиссность действий, совершаемых группой [12]. Именно поэтому самосуд чаще всего характерен для толпы.

Весьма оригинальное объяснение психологической природы самосудных расправ было сделано З. Фрейдом. Ученый сопоставлял их реализацию со своеобразным выбросом переизбытка психической энергии, которую он именовал «Танатосом», представляющим собой экзистенциальный инстинкт разрушения. Этот инстинкт получает свою реализацию в действиях человека, осуществляемых, когда происходит блокирование высвобождения нереализованной психической энергии, которая в силу этого трансформируется в агрессию, чаще всего неконтролируемую, усиливающуюся невозможностью высвобождения либидо, так как объект любви исчезает. Именно поэтому, например, родители предрасположены самостоятельно мстить за гибель своего любимого ребенка [14].

Анализ практики самосудных расправ через приму теории выживания свидетельствует о том, что эти расправы выступают социально-психологическим выражением инстинкта

самосохранения, проявляющегося у человека во время наступления опасности, и направлены на защиту своей микрогруппы (семьи) от внешних опасностей.

Социальные конфликты, порождающие самосудные расправы над причинителями вреда, в основном обусловлены крайней неадекватностью действий их виновников установленным в обществе правилам поведения, общепризнанным нормам человеческого общежития и жизненным ценностям. Этот тезис подтверждается результатами нашего исследования, согласно которым вершение самосудных расправ учиняется в ответ не на каждое противоправное деяние, а только за те из них, в результате которых были лишены жизни близкие родственники и дорогие для вершителя подобных саморасправ лица; случайно погибли невинные люди, особенно несовершеннолетние; при этом эти деяния были совершены с особой жестокостью, с причинением значительных страданий жертве, сопряжены с издевательствами над ней, привели к наступлению тяжких или особо тяжких последствий, стали следствием возмутительной безответственности и халатности со стороны причинителей вреда.

Чаще всего рассматриваемые саморасправы совершаются над лицами, ведущими криминальный образ жизни с устойчивыми антисоциальными установками, вызывающими у людей сильные душевные переживания эмоционально-импульсивного характера, обуславливающие возникновение непреодолимого чувства мести за совершенное деяние.

Именно поэтому самосудные расправы совершаются, с одной стороны, лицами с повышенной агрессивностью, у которых недостаточно или вообще не развиты внутренние механизмы самоконтроля и самообладания, а с другой стороны — индивидами, находящимися в состоянии сильного отчаяния и страха за безопасность своих близких, особенно в ситуации сохранения жизни причинителю вреда [18; 20].

Политика государственного реагирования на правонарушителей в России построенная таким образом, что характер публичного реагирования на правонарушителей не всегда, и даже весьма часто, вступает в противоречие с обыденными представлениями о справедливости, с давних пор существующими и укрепившимися в мировоззрении обычных граждан [1; 4; 16]. Именно поэтому гуманное реагирование государства на причинителей вреда, особенно выразившегося в лишении жизни близких людей, помещение правонарушителя в достаточно комфортные условия отбывания наказания вызывает негативную реакцию у обычных граждан, в связи с чем у некоторых из них возникает стойкое желание не отдавать своих обидчиков «в руки» официального правосудия, чтобы тем самым не испытать «двойной удар» по своим моральным принципам — сначала от преступника, а потом от гуманизма по отношению к нему со стороны государства. Этот диссонанс государственного и субъективного представления о характере реагирования на причинителей вреда и вызывает желание граждан учинять саморасправы над ними.

Самосудным расправам свойственен соответствующий психоэмоциональный фон, который возникает в силу аффективного состояния, стресса и фрустрации, порожденных совершенным преступлением или иным правонарушением, которые ослабляют силу влияния на человека сдерживающих императивов поведения в обществе.

Возникновение желания совершить самостоятельную расправу над причинителем вреда чаще всего свойственно лицам, наделенным обостренным чувством справедливости, крайне безразлично относящимся к необходимости защиты и сохранения социальных ценностей [19].

Катализатором подобного психоэмоционального состояния у людей выступает неспособность сотрудников полиции найти управу на правонарушителей [10; 13; 21].

Любая развитая в нравственном плане личность не может существовать без понятий о чести, достоинстве и самоуважении. Когда человек становится свидетелем утраты или девальвации подобных смысложизненных ценностей у иных представителей общества, то ищет возможности компенсировать этот дисбаланс. Самосуд как раз и выступает одним из

психологических средств этой компенсации, при вершении самосуда человек начинает верить, что подобным образом берет на себя миссию восстановления справедливости.

Именно поэтому, как верно указывают некоторые психологи, фундаментальные основы распространенности самосуда необходимо искать в социально-психологическом состоянии общества, в наличии или отсутствии в нем цивилизованных моральных ценностей и установок [2; 5].

Это и объясняет реанимацию рассматриваемой нами первобытной практики разрешения социальных конфликтов на психоэмоциональном, подсознательном уровне, поскольку результаты исследований некоторых авторов свидетельствуют о развитии в современном российском обществе кризиса нравственно-психологических ценностей, что стало причиной возникновения ситуации моральной и нравственной вседозволенности, при которой прав тот, у кого больше прав, кто сильнее, хитрее, изворотливее [6].

Так, например, согласно результатам социологического исследования НИИ Генпрокуратуры РФ, большинство респондентов (40%) указали на то, что в современном российском обществе успешным человеком можно стать только в случае нарушения норм морали или закона [23].

Таким образом, психологическое состояние современного российского общества является «благодатной» почвой для распространения в нем первобытных (варварских) практик разрешения социальных конфликтов, одними из которых выступают самосудные расправы над причинителями вреда, что указывает на наличие в обществе деструктивных процессов. Именно поэтому необходимо разрабатывать соответствующие меры по искоренению данного негативного явления среди российских граждан для большего соответствия России цивилизованному государству. Первостепенное внимание в этом направлении необходимо уделять повышению уровня культуры и нравственности в межличностных отношениях, формированию в сознании российских граждан негативного отношения к самосудным расправам как проявлению примитивизма и варварства в общественных отношениях. Кроме того, необходимо проводить работу по повышению авторитета правоохранительных органов в российском обществе, повышению результативности их работы для укрепления в сознании российских граждан убежденности в том, что эти органы и государство являются единственными эффективными субъектами реагирования на нарушителей законности и правопорядка в обществе.

Литература

1. *Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф.* Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. 144 с.
2. *Алексеева Л.В.* Правовое самоуправление личности // Юридическая психология. 2011. № 1. С. 9—12.
3. *Блэкборн Р.* Психология криминального поведения. СПб: Питер, 2004. 496 с.
4. *Босхолов С.С., Бадмаева Б.Б.* О понятии и критериях криминологической обоснованности гуманизации уголовной политики // Криминологический журнал БГУЭП. 2012. № 3. С. 28—34.
5. *Глезерман Т.Е.* Законы общественного развития: их характер и использование. М.: Политиздат, 1979. 303 с.
6. *Корсантия А.А., Максименко И.В.* Основные причины детерминации преступности в Российской Федерации // Право и безопасность. 2009. № 2. С. 100—105.
7. *Криминология: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. А.И. Долговой.* М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2010. 912 с.
8. *Куницын А.* Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб.: Тип. Второго Отделения Собств. е.и.вел. канцелярии, 1843. 151 с.

9. Ли Д.А. Преступность как социальное явление. Системный анализ. М.: Гельва, 1997. 85 с.
10. Лунеев В.В. Тенденции преступности: мировые, региональные, российские // Государство и право. 1993. № 4. С. 4—10.
11. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. М.: Юр.Норма; НИЦ ИНФРА-М, 2015. 272 с.
12. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 512 с.
13. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа: монография. СПб.: Изд-во С.-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права, 2000. 279 с.
14. Можгинский Ю.Б. Подходы к анализу тяжелых форм антисоциального поведения в детском и подростковом возрасте // Юридическая психология. 2009. № 1. С. 40—46.
15. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. 269 с.
16. Овчинский В.С. Суд и самосуд [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/blog/posts/596-sud-i-samosud.html> (дата обращения: 16.04.2019).
17. Пономарева Л.В. Самосуд: причины, следствия, возможности предотвращения // Российский следователь. 2009. № 4. С. 21—25.
18. Смирнов А.М. Криминологическая характеристика лиц, совершающих самосудные расправы в России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 3(23). С. 12—14.
19. Смирнов А.М. Самосуд в России. М.: Юрлитинформ, 2013. 384 с.
20. Смирнов А.М. Социально-психологические детерминанты самосуда в России // Юридическая психология. 2013. № 4. С. 28—31.
21. Старков О.В., Милюков С.Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2001. 461 с.
22. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Т. 1. СПб.: Государственная типография, 1902. 823 с.
23. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / Под ред. С.М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2011. 839 с.
24. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности [Электронный ресурс]. // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/from_an/index.php, (дата обращения: 02.04.2019).
25. Энциклопедия современной юридической психологии / Под общ. ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2003. 607 с.

References

1. Alekseev A.I. Ovchinsky V.S. Pogegailo E.F. Rossiyskaya ugovovnaya politika: preodoleniye krizisa [Russian criminal policy: overcoming the crisis]. Moscow: Norma, 2006. 144 p.
2. Alekseeva L.V. Pravovoye samoupravleniye lichnosti [Legal self-government of an individual]. Yuridicheskaya psikhologiya [Legal Psychology]. 2011. No. 1. S. 9-12.
3. Blekborn R. Psikhologiya kriminal'nogo povedeniya [Psychology of criminal behavior]. Saint Petersburg: Piter, 2004. 496 s.
4. Boskholov S.S., Badmaeva B.B. O ponyatii i kriteriyakh kriminologicheskoy obosnovannosti gumanizatsii ugovnoy politiki [On the concept and criteria of criminological substantiation of the humanization of criminal policy]. Kriminologicheskii zhurnal BGUEP [Criminological journal BSUEP]. 2012. No. 3. Pp. 28-34.
5. Glezerman T.Ye. Zakony obshchestvennogo razvitiya: ikh kharakter i ispol'zovaniye [The laws of social development: their nature and use]. M.: Politizdat, 1979. 303 p.
6. Korsantiya A.A., Maksimenko I.V. Osnovnyye prichiny determinatsii prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii [The main reasons for the determination of crime in the Russian Federation]. Pravo i bezopasnost' [Law and security]. 2009. no 2. Pp. 100-105.

7. Kriminologiya: uchebnik [Criminology: a textbook] / under the general. ed. A.I. Debt. 4th ed., Revised. and add. М.: NORMA — INFRA-M, 2010.912 p.
8. Kunitsyn A. Istoricheskoye izobrazheniye drevnego sudoproizvodstva v Rossii [Historical depiction of ancient legal proceedings in Russia]. Saint Petersburg: Type. The Second Branch of the Property. e. chancery, 1843. 151 p.
9. Lee D.A. Prestupnost' kak sotsial'noye yavleniye. Sistemnyy analiz. [Crime as a social phenomenon. System analysis]. Moscow: Gelva, 1997. 85 p.
10. Luneev V.V. Epokha globalizatsii i prestupnost' [The era of globalization and crime]. Moscow: Yur.Norma, SIC INFRA-M, 2015. 272 p.
11. Luneev V.V. Tendentsii prestupnosti: mirovyye, regional'nyye, rossiyskiye [Crime trends: global, regional, Russian]. Gosudarstvo i pravo [State and Law]. 1993. No. 4. Pp. 4-10.
12. Mayyers D. Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Saint Petersburg: Praym-Yevroznak, 2002. 512 p.
13. Milyukov S.F. Rossiyskoye ugolovnoye zakonodatel'stvo: opyt kriticheskogo analiza: monografiya [Russian criminal law: the experience of critical analysis: a monograph]. Saint Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law, 2000.279 p.
14. Mozhginskiy YU.B. Podkhody k analizu tyazhelykh form antisotsial'nogo povedeniya v detskom i podrostkovom vozraste [Approaches to the analysis of severe forms of antisocial behavior in childhood and adolescence]. Yuridicheskaya psikhologiya [Legal psychology]. 2009. no 1. Pp. 40-46.
15. Novgorodtsev P.I. Vvedeniye v filosofiyu prava. Krizis sovremennogo pravosoznaniya [Introduction to the philosophy of law. The crisis of modern justice]. Moscow: Nauka, 1996. 269 p.
16. Ovchinsky V.S. Sud i samosud [Court and lynching] // URL: <http://www.mk.ru/blog/posts/596-sud-i-samosud.html>, (accessed 04.16.2019).
17. Ponomareva L.V. Samosud: prichiny, sledstviya, vozmozhnosti predotvrashcheniya [Lynching: causes, effects, prevention options]. Rossiyskiy sledovatel' [Russian investigator]. 2009. No. 4. Pp. 21-25.
18. Smirnov A.M. Kriminologicheskaya kharakteristika lits, sovershayushchikh samosudnyye raspravy v Rossii [Criminological characteristics of persons committing massacre in Russia]. Vestnik instituta: prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye [Institute Herald: crime, punishment, correction]. 2013. No. 3 (23). Pp. 12-14.
19. Smirnov A.M. Samosud v Rossii [Lynching in Russia]. Moscow: Yurlitinform, 2013.384 p.
20. Smirnov A.M. Sotsial'no-psikhologicheskiye determinanty samosuda v Rossii [Socio-psychological determinants of mob law in Russia]. Yuridicheskaya psikhologiya [Legal Psychology]. 2013. No. 4. Pp. 28-31.
21. Starkov O.V., Milyukov S.F. Nakazaniye: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskoy analiz [Punishment: criminal law and criminological analysis]. Saint Petersburg: Legal Center Press, 2001. 461 p.
22. Tagantsev N.S. Russkoye ugolovnoye pravo: lektzii [Russian criminal law: lectures]. Saint Petersburg: State Printing House, 1902. T. 1. 823 p.
23. Teoreticheskiye osnovy issledovaniya i analiza latentnoy prestupnosti: monografiya [Theoretical bases of research and analysis of latent crime: a monograph] / pod red. S.M. Inshakova. M.: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2011. 839 p.
24. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti [Anatomy of human destructiveness] // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/from_an/index.php, (accessed 04.04.2019).
25. Entsiklopediya sovremennoy yuridicheskoy psikhologii [Encyclopedia of modern legal psychology] / Pod obshch. red. A.M. Stolyarenko. M.: YUNITI-DANA. 2003. 607 p.

Эмоциональный интеллект и креативность: связь и взаимодействие на примере разных категорий осужденных

Бочкова М.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО «МГППУ»),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1374-2498>, e-mail: bochkovam.84@gmail.com

Статья посвящена исследованию взаимосвязи и взаимодействию между эмоциональным интеллектом (ЭИ) и антисоциальной креативностью (АК), проявляющейся в девиантном и криминальном поведении. Выборку составили группы осужденных за мошенничество и корыстно-насильственные преступления (N=15) и осужденных за агрессивно-насильственные преступления (N=15). Использовались опросники агрессии, ЭИ, макиавеллизма и опросник «Поведенческие особенности антисоциальной креативности». Были выдвинуты гипотезы о различии в выраженности компонентов ЭИ в двух группах осужденных; об опосредовании АК низкими значениями ЭИ и компонентами агрессии; об опосредовании АК у мошенников и корыстно-насильственных преступников взаимодействием ЭИ и враждебности. Согласно результатам, ЭИ оказывает неоднозначное влияние на криминальное поведение: низкое понимание чужих эмоций и низкий межличностный интеллект могут реализоваться в мошенничестве и корыстно-насильственных преступлениях, в то время как более высокий уровень межличностного интеллекта — в агрессивно-насильственном преступлении. В подгруппе с показателями АК выше среднего по обеим выборкам огромное значение в антисоциальной креативности имеет гнев и понимание собственных эмоций. У мошенников и осужденных за корыстно-насильственные преступления предикторами АК стали низкий уровень понимания собственных эмоций и враждебность. Все коэффициенты статистически значимы. Предлагаются направления дальнейшего исследования и практико-ориентированные рекомендации.

Ключевые слова: антисоциальная креативность, осужденные, мошенники, агрессивно-насильственные преступники, эмоциональный интеллект, враждебность

Благодарности: Автор выражает благодарность Н.В. Мешковой, М.Г. Дебольскому и А.А. Масленкову за консультирование и помощь в проведении исследования.

Для цитаты: Бочкова М.Н. Эмоциональный интеллект и креативность: связь и взаимодействие на примере разных категорий осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 92-102. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100108>

Emotional intelligence and creativity: relation and interaction on the example of different categories of convicts

Margarita N. Bochkova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1374-2498>, e-mail: bochkovam.84@gmail.com

The article is devoted to the study of the relationship between emotional intelligence (EI) and antisocial creativity (AC), manifested in deviant and criminal behaviour. The sample consisted of groups of convicted of fraud and mercenary-violent crimes (N = 15) and of convicted of aggressively violent crimes (N = 15). Methods used: the aggression questionnaire, EI, Machiavellianism and the questionnaire “Behavioural features of antisocial creativity”. The tested hypotheses were as follows: 1) the difference in the components manifestation of EI of two groups of convicts, 2) AC is mediated by low level of EI and the aggression components; 3) AC in fraudsters and mercenary-violent criminals is mediated by the interaction of EI and hostility. According to the results EI has an ambiguous effect on criminal behaviour: a low understanding of other people's emotions and low interpersonal intelligence can be realised in fraud and mercenary-violent crimes, while a higher level of interpersonal intelligence - in aggressive-violent crime. The anger and the understanding of one's own emotions are of great importance in antisocial creativity in the subgroup with AC indicators above the averages for both samples. A low level of understanding of their own emotions and hostility are the predictors for fraudsters and convicts for mercenary-violent crimes. All ratios are statistically significant. Further research directions and practice-oriented recommendations are provided.

Keywords: antisocial creativity, convicts, scammers, violent criminals, emotional intelligence, hostility.

Acknowledgements: The author expresses gratitude to N.V. Meshkova, M.G. Debolsky and A.A. Maslennkov for consultations and help in the study.

For citation: *Bochkova M.N.* Emotional intelligence and creativity: relation and interaction on the example of different categories of convicts. *Psikhologiya i pravo*, 2020. Vol. 10, no. 1. p. 92-102. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100108>

Введение

В последние годы психологи уделяют особое внимание тем видам креативности, которые проявляются в различных формах девиантного и криминального поведения. Исследователи выделяют негативный, асоциальный и антисоциальный виды креативности, вкладывая в основу классификации легитимность/нелегитимность цели креативного процесса, его результатов и способов достижения [8]. Особенность антисоциальной креативности состоит в том, что творческие способности могут использоваться для сознательного нанесения вреда другим людям в терроризме [13], мошенничестве, воровстве, вандализме, т. е. в таком поведении, когда имеет место нелегитимность, как целей, так и способов их достижения [8]. Зарубежные исследователи приходят к выводу о том, что для понимания особенностей антисоциальной креативности, причин и способов коррекции, а также для разработки превентивных мероприятий необходима интенсификация исследований [15; 19] и понимание того, какие факторы способствуют реализации креативного потенциала в девиантных формах поведения и преступлениях [6].

Результаты, полученные зарубежными авторами, приводят к мысли о том, что одним из медиаторов связи антисоциальной креативности и агрессии может быть эмоциональный

интеллект. Так, в исследовании Дж. Арчер и С. Койне (J. Archer и S. Coyne) было показано влияние уровня эмоционального интеллекта на социальную агрессию у подростков, проявляющуюся в причинении вреда социальному статусу жертвы агрессивного поведения [11]. Д. Харрис (D. Harris) с коллегами выявили отрицательную корреляцию количества продуцируемых идей, которые можно интерпретировать как наносящие вред другим людям и эмоционального интеллекта [16], а коллектив авторов во главе с Ю. Наглер (U. Nagler) обнаружили, что манипулятивное поведение, которое используют манипуляторы для достижения собственных целей, связано с низким уровнем эмпатии [18]. Если говорить о реальном поведении в жизни, то особенно перспективным представляется изучение влияния, которое оказывает эмоциональный интеллект на реализацию творческого мышления в поведении, наносящем вред, у преступников, совершивших мошенничество и агрессивно-насильственные преступления [7].

Программа исследования

Анализ зарубежной литературы показывает неоднозначность влияния уровня эмоционального интеллекта на социальное взаимодействие. С одной стороны, низкий уровень ЭИ связан с агрессией, в то время как его высокий уровень связан с просоциальным поведением. С другой стороны, если учитывать такие личностные характеристики, как враждебность, макиавеллизм, личностные черты Большой пятерки («NEO-5»), то именно высокий уровень ЭИ опосредует девиантное поведение [2]. Учитывая результаты российских исследователей, согласно которым для мошенников характерен высокий социальный интеллект [10], для корыстно-насильственных преступников — повышенная враждебность и стремление к непосредственному удовлетворению возникающих желаний и потребностей [1], антисоциальная креативность у мошенников и корыстно-насильственных преступников опосредуется враждебностью [7], мы предположили:

- 1) существуют различия в выраженности структурных составляющих эмоционального интеллекта у мошенников и агрессивно-насильственных преступников;
- 2) антисоциальная креативность у осужденных опосредуется низкой выраженностью составляющих эмоционального интеллекта в сочетании с компонентами агрессии;
- 3) антисоциальная креативность у осужденных за мошенничество и корыстно-насильственные преступления может опосредоваться взаимодействием эмоционального интеллекта и враждебности.

В качестве испытуемых в нашем исследовании выступили две группы осужденных: выборка 1 — осужденные за мошенничество и корыстно-насильственные преступления (N=15, мужчины, средний возраст 30 лет); выборка 2 — осужденные за агрессивно-насильственные преступления (N=15, мужчины, средний возраст 40 лет). У 98% обследуемых было среднее образование. Исследование проводилось в исправительной колонии ИК-5 города Владимира в 2017 г. Проводились межгрупповые непараметрические сравнения по выраженности психологических характеристик, корреляционный и регрессионный анализ с помощью SPSS 23.0. Для достижения цели изучения характера взаимосвязи креативности и эмоционального интеллекта у преступников, отбывающих срок за мошенничество и агрессивно-насильственные преступления, использовались следующие опросники: агрессии Басса-Перри, Мак-IV [4], эмоционального интеллекта ЭМИН [5] и «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» (ПОАК) [9].

Результаты исследования

Описательные статистики по выборкам представлены в таблице.

Таблица

Описательные статистики по выборкам мошенников/корыстно-насильственных преступников и осужденных за агрессивно-насильственные преступления

Параметры	Минимум		Максимум		Среднее		Среднеквадратическое отклонение	
	1	2	1	2	1	2	1	2
	Нанесение вреда	0	0	10	9	4,13	1,93	3,482
Ложь	0	0	8	6	2,93	2,27	2,890	1,944
Злые шутки	0	0	7	5	1,73	1,53	2,344	1,552
Антисоциальная креативность	0	0	21	14	8,47	5,53	6,802	4,207
Агрессия	9	12	32	27	19,93	19,67	7,372	3,885
Гнев	15	15	32	27	20,53	19,53	4,838	3,502
Враждебность	14	13	34	33	20,87	20,00	6,105	5,014
Понимание чужих эмоций	12	17	27	32	20,00	24,40	4,736	5,011
Управление чужими эмоциями	11	13	23	27	17,20	19,07	3,212	3,918
Понимание своих эмоций	14	11	28	29	20,40	18,33	4,778	4,237
Управление своими эмоциями	9	10	21	21	14,33	16,07	3,086	3,218
Контроль экспрессии	6	9	17	19	11,93	12,33	3,327	2,920
Межличностный ЭИ	1	1	7	8	3,40	5,20	1,993	2,210
Внутриличностный ЭИ	3	3	9	9	6,07	6,13	2,154	1,846
Понимание эмоций	1	2	8	8	4,33	5,00	1,952	1,964
Управление эмоциями	3	3	9	9	5,33	6,20	1,759	1,859
Макиавеллизм	35	45	89	88	61,20	66,53	17,143	12,403

Примечание: 1 — мошенники и корыстно-насильственные преступники (N=15), 2- осужденные за агрессивно-насильственные преступления (N=15); ЭИ — эмоциональный интеллект.

Для выявления предикторов антисоциальной креативности все испытуемые были разделены на две подгруппы по следующему принципу: в подгруппу 1 (N=18) вошли осужденные с показателем антисоциальной креативности больше среднего значения или равным ему по обеим выборкам, в подгруппу 2 (N=12) — с показателями антисоциальной креативности меньше среднего значения, равного 7.

Непараметрические сравнения показали выраженность в подгруппе 1 агрессии, гнева, враждебности, макиавеллизма, открытости опыту (уровень значимости по критерию Манна—Уитни составил: $p < 0,01$; $0,05$; $0,01$; $0,01$ соответственно) и меньшую выраженность, по сравнению с группой 2, понимания своих эмоций, внутриличностного ЭИ, понимания эмоций и открытости опыту (уровень значимости по критерию Манна—Уитни составил: $p < 0,01$; $0,05$; $0,05$; $0,01$ соответственно).

В подгруппе 1 антисоциальная креативность коррелирует положительно с гневом (коэффициент корреляции по Спирмену — $,609$; корреляция значима на уровне $p < 0,01$) и отрицательно — с контролем экспрессии, внутриличностным ЭИ, пониманием эмоций и управлением эмоциями (коэффициенты корреляции по Спирмену: $-,567$; $-,556$; $-,531$; $-,504$; корреляции значимы на уровне $p < 0,05$ соответственно).

В подгруппе 2 антисоциальная креативность коррелирует положительно с макиавеллизмом (коэффициент корреляции по Спирмену — $,794$; корреляция значима на уровне $p < 0,01$) и отрицательно — с внутриличностным ЭИ (коэффициент корреляции по Спирмену — $-,622$; корреляция значима на уровне $p < 0,05$).

Регрессионный анализ показал следующие результаты:

- 61% дисперсии антисоциальной креативности в подгруппе 1 обусловлены влиянием гнева и параметром «Понимание эмоций» (коэффициент Бета = $,582$ и $-,511$ соответственно). Стандартные коэффициенты регрессии статистически достоверны (значимость = $0,002$ и $0,006$ соответственно).

- 50% дисперсии антисоциальной креативности в подгруппе 2 обусловлены влиянием макиавеллизма (коэффициент Бета = $0,452$). Стандартный коэффициент регрессии статистически достоверен (значимость = $0,01$).

Далее анализ полученных результатов проводился по выборкам.

Согласно результатам сравнения среднего по Т-критерию, в выборке мошенников межличностный эмоциональный интеллект значимо ниже по сравнению с осужденными за агрессивно-насильственные преступления (уровень значимости: $p = 0,026$). Непараметрические сравнения показали выраженность показателя шкалы опросника ПОАК «Нанесение вреда» у мошенников и корыстно-насильственных преступников, а показателей «Межличностный эмоциональный интеллект» и «Понимание чужих эмоций» — у агрессивно-насильственных преступников (уровни значимости различий по критерию Манна—Уитни: $p < 0,05$).

В выборке осужденных за мошенничество/корыстно-насильственные преступления были выявлены следующие корреляции антисоциальной креативности (по Спирмену): 1) положительные — с агрессией, враждебностью, гневом и макиавеллизмом (все корреляции значимы на уровне $p < 0,01$, соответственно); 2) отрицательные — со шкалами «Внутриличностный ЭИ», «Понимание эмоций» и «Управление эмоциями» и субшкалами «Понимание своих эмоций» (все корреляции значимы на уровне $p < 0,01$, соответственно).

Регрессионный анализ результатов в выборке осужденных за мошенничество и корыстно-насильственные преступления показал, что 95% дисперсии значений антисоциальной креативности обусловлены влиянием параметра «Понимание своих эмоций» и враждебностью. Стандартные коэффициенты регрессии статистически достоверны (значимость — $,000$ соответственно) (Бета = $-,633$ и $,506$ соответственно).

Согласно регрессионному анализу, в выборке осужденных за агрессивно-насильственные преступления 35% дисперсии значений агрессии обусловлены влиянием параметра «Межличностный эмоциональный интеллект». Стандартные коэффициенты регрессии статистически достоверны (Бета = $,596$; значимость — $,019$). Таким образом, положительным предиктором агрессивного поведения в данной выборке является компонент ЭИ.

Обсуждение полученных результатов

Непараметрические сравнения показали значимые различия в выраженности составляющих эмоционального интеллекта в выборках осужденных: «Межличностный эмоциональный интеллект» и «Понимание чужих эмоций» в выборке агрессивно-насильственных преступников более выражены по сравнению с мошенниками и корыстно-насильственными преступниками. Полученные результаты подтвердили наше предположение о различиях в выраженности компонентов эмоционального интеллекта в выборках. Неожиданным оказался факт о более высоком значении межличностного интеллекта у агрессивно-насильственных преступников, что не сочетается с агрессивным поведением, за которое представители выборки были осуждены. Объяснение данному факту мы нашли у зарубежных авторов: К. Меллер и К. Квантес показали влияние составляющих эмоционального интеллекта на поведение в конфликтных ситуациях: люди с высокими способностями понимания и управления собственными эмоциями предпочитают унижать других в конфликтных ситуациях, однако только в том случае, если считают такие стратегии поведения в конфликте приемлемыми [17]. Положительным предиктором агрессии у осужденных за агрессивно-насильственные преступления в нашем исследовании стал межличностный интеллект, что свидетельствует о том, что связь эмоционального интеллекта с агрессией может быть значительно тоньше, чем это может показаться на первый взгляд. Разумеется, при этом важно учитывать методы диагностики эмоционального интеллекта. Мы диагностировали ЭИ с помощью субъективного самоотчета, а не объективным методом измерения способностей. Существует вероятность того, что осужденные преувеличивают или преуменьшают собственные способности по пониманию и управлению эмоциями как собственными, так и чужими. Однако мы согласны с Д.В. Люсиным в том, что самооценка способностей может влиять на эффективность их использования [5]. Результаты исследования показали, что разный уровень самооценки компонентов эмоционального интеллекта может сочетаться с разным типом криминального поведения: низкий межличностных интеллект нашел реализацию в мошенничестве и корыстно-насильственных преступлениях, в то время как более высокий уровень межличностного интеллекта — в агрессивно-насильственных преступлениях.

Разделение общей выборки респондентов по критерию среднего значения показателя антисоциальной креативности дало возможность выявить взаимодействие компонентов агрессии и составляющих эмоционального интеллекта и выяснить их роль в антисоциальной креативности. В подгруппе с высокими показателями антисоциальной креативности предикторами стали гнев и непонимание собственных эмоций. Это означает, что частое испытывание эмоции гнева и непонимание субъектом собственных эмоций могут провоцировать реализацию креативного потенциала в поведении, наносящем вред другим людям. Учитывая шкалы в опроснике ПОАК, в обыденной жизни это поведение может реализоваться в агрессии, лжи, злых шутках, дальнейшим направлением исследования может стать анализ и вклад данных компонентов в каждую из шкал [9]. Таким образом, полученные результаты подтверждают вторую гипотезу об опосредствовании антисоциальной креативности низким ЭИ и компонентами агрессии (в данном случае эмоциональным компонентом агрессии — гневом).

Иной механизм был выявлен у осужденных со значениями антисоциальной креативности ниже среднего. Здесь предиктором стал макиавеллизм. Иными словами, эмоциональное отчуждение и недоверие к окружающим, ориентация не на окружающих людей, а на решаемую проблему [4] могут способствовать антисоциальной креативности. Здесь также есть направления для дальнейшего изучения: а) в опроснике «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» выделяется два вида вопросов: первый касается мыслей о нанесении вреда, второй — реализации мыслей в поведении [9]; б) выяснение вклада макиавеллизма в каждую из шкал опросника, основанием для чего являются результаты исследования А. Бэкона и Л. Регана, показавших, что делинквентное поведение (прогулы, обман, ложь, сплетни, издевательства) у

юношей связаны с макиавеллизмом, причем без всякой ассоциации с эмоциональным интеллектом [12].

Согласно третьей выдвинутой гипотезе, антисоциальная креативность у осужденных за мошенничество и корыстно-насильственные преступления может опосредоваться низким эмоциональным интеллектом и враждебностью. Гипотеза подтвердилась относительно шкалы ПОАК «Нанесение вреда». В данном случае сочетание высоких показателей по шкале «Нанесение вреда» и низких значений межличностного эмоционального интеллекта и понимания собственных эмоций, выявленных у осужденных за мошенничество и корыстно-насильственные преступления, не противоречит результатам, полученным зарубежными авторами на взрослой выборке. Так, Е. Гарциа-Санчо (E.Garcia-Sancho) с коллегами показали, что эмоциональный интеллект отрицательно коррелирует с агрессией [14]. Согласно полученным нами результатам, антисоциальная креативность в рассматриваемой нами выборке коррелирует с агрессией положительно, а с компонентами эмоционального интеллекта — отрицательно. В то же время предикторами антисоциальной креативности являются низкое значение понимания респондентами собственных эмоций и высокая враждебность. Вклад, который вносит в антисоциальную креативность враждебность, согласуется с результатами, полученными российскими исследователями при адаптации опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» на российской выборке. Н.В. Мешкова и коллеги показали, что в антисоциальной креативности огромную роль играет враждебность субъекта [9]. Новым результатом является полученный нами факт о том, что предиктором антисоциальной креативности является комплекс характеристик: враждебность и непонимание субъектом собственных эмоций. Объясняет такое взаимодействие, во-первых, то, что высокая враждебность сочетается с инверсированной картиной мира, в рамках которой субъект воспринимает большое количество стимулов как угрожающие [3]; а, во-вторых, восприятие эмоций и управление эмоциями отрицательно коррелируют с агрессией [14], что, в свою очередь, означает, что субъект не понимающий, что он чувствует, будет агрессивно реагировать на стимулы, которые он воспринимает как враждебные. Можно предположить, что в этом случае в результате непонимания собственных эмоций нарушается контроль и регуляция поведения.

Выводы и заключение

Эмпирическое исследование связи эмоционального интеллекта и антисоциальной креативности позволило сделать следующие выводы.

1. Уровень развития эмоционального интеллекта оказывает неоднозначное влияние на криминальное поведение. Разный уровень самооценки компонентов эмоционального интеллекта может сочетаться с разным типом криминального поведения: низкое понимание чужих эмоций и низкий межличностный интеллект могут реализоваться в мошенничестве и корыстно-насильственных преступлениях, в то время как более высокий уровень межличностного интеллекта — в агрессивно-насильственном преступлении.

2. Антисоциальная креативность у осужденных опосредуется низкой выраженностью составляющих эмоционального интеллекта в сочетании с компонентами агрессии, причем решающее значение принадлежит гневу и низкому пониманию собственных эмоций.

3. У мошенников и корыстно-насильственных преступников предиктором антисоциальной креативности является комплекс характеристик: враждебность и непонимание субъектом собственных эмоций.

Цель нашего исследования состояла в изучении характера взаимосвязи антисоциальной креативности и эмоционального интеллекта у осужденных, отбывающих срок за мошенничество и агрессивно-насильственные преступления. Полученные результаты показали, что такая взаимосвязь неоднозначна. Особенность нашего исследования состояла в том, чтобы выявить закономерности и взаимосвязи антисоциальной креативности, реализующейся в том числе и в криминальном поведении.

Согласно результатам, осужденные за мошенничество/корыстно-насильственные и агрессивно-насильственные преступления имеют различия в выраженности компонентов эмоционального интеллекта. Огромное значение в антисоциальной креативности имеет гнев и понимание собственных эмоций. У мошенников и осужденных за корыстно-насильственные преступления эта связь опосредуется низким пониманием собственных эмоций и враждебностью. Предиктором агрессивного поведения у агрессивно-насильственных преступников является более высокий, по сравнению со второй выборкой, высокий межличностный интеллект. Согласно зарубежным исследованиям, данное обстоятельство возможно, если субъекты, обладающие высокой способностью понимания и управления эмоциями, считают такое поведение приемлемым.

В то же время наше исследование имеет некоторые ограничения, которые можно решить, введя в исследование контрольную группу сравнения из обывателей для прояснения ситуации с выраженностью эмоционального интеллекта и добавив объективные методы диагностики эмоционального интеллекта. В качестве направления для дальнейшего исследования может стать и выявление вклада составляющих эмоционального интеллекта в шкалы опросника антисоциальной креативности, а, следовательно, и в различные виды девиантного и делинквентного поведения.

На данном этапе мы показали, что важную роль в антисоциальной креативности играют самооценка способностей понимания собственных эмоций, а также враждебность, что дает возможность сформулировать практико-ориентированные рекомендации по профилактике девиантного поведения. На наш взгляд, в программах по развитию эмоционального интеллекта необходимо учитывать, что и высокий, и низкий эмоциональный интеллект могут реализовываться в поведении, наносящем вред другим людям. Что касается враждебности, то представляется, что она с трудом поддается коррекции, и здесь следует огромное внимание уделять формированию таких ценностей личности, которые способствовали бы соблюдению норм и правил и блокировали реализацию креативного потенциала в нанесении вреда другим людям.

Литература

1. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юрист, 1996. 172 с.
2. Бочкова М.Н., Мешкова Н.В. Эмоциональный интеллект и социальное взаимодействие: зарубежные исследования [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 2. С. 49—59. doi:10.17759/jmfp.2018070205
3. Ениколопов С.Н., Мешкова Н.В. Предубежденность в контексте свойств личности. Психологический журнал. 2010. № 31(4). С. 35—46.
4. Знаков В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 16—22
5. Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект. От процессов к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 187—200
6. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. О психологических исследованиях асоциальной креативности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 50. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.01.2017).
7. Мешкова Н.В., Дебольский М.Г., Ениколопов С.Н., Масленков А.А. Особенности креативности в социальном взаимодействии у осужденных, совершивших корыстные и агрессивно-насильственные преступления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Т. 8. № 1. С. 147—163. doi:10.17759/psylaw.2018080111
8. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Креативность и девиантность: связь и взаимодействие // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 2. С. 279—290. doi: 10.17323/1813-8918-2018-2-279-290
9. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Митина О.В., Мешков И.А. Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 6. С. 25—40. doi: 10.17759/pse.2018230603
10. Стрижов Е.Ю. Нравственно-психологические детерминанты мошенничества: автореф. дисс. ... д-ра. психол. наук. Тула, 2011. 48 с.
11. Archer J., Coyne S.M. An integrated review of indirect, relational, and social aggression // Personality and Social Psychology Review. 2005. № 9. P. 212—230.
12. Bacon A.M., Regan L. Manipulative relational behaviour and delinquency: sex differences and links with emotional intelligence // Journal of Forensic Psychiatry & Psychology. 2016. Vol. 27:3. P. 331—348. doi: 10.1080/14789949.2015.1134625
13. Croypley A. J., Croypley D. H. Creativity and Lawbreaking // Creativity research journal. 2011. Vol. 23(4). P. 313—320. doi: 10.1080/10400419.2011.621817
14. Garcia-Sancho E., Salguero J. M., Fernandez-Berrocal P. Ability emotional intelligence and its relation to aggression across time and age groups // Scandinavian Journal of Psychology. 2017. Vol. 58. № 1. P. 43—51. doi:10.1111/sjop.12331
15. Hao N., Tang M., Yang J., Wang Q., Runco M. A. A new tool to measure malevolent creativity: The malevolent creativity behavior scale // Frontiers in Psychology. 2016. № 7. P. 682.
16. Harris D.J., Reiter-Palmon R., Kaufman J.C. The effect of emotional intelligence and task type on malevolent creativity // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2013. Vol. 7. P. 237—244. doi: <http://dx.doi.org/10.1037/a0032139>
17. Moeller C., Kwantes C.T. Too Much of a Good Thing? Emotional Intelligence and Interpersonal Conflict Behaviors // Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155:4. P. 314—324. doi: 10.1080/00224545.2015.1007029

18. Nagler U.K.J., Reiter K.J., Furtner M.R., Rauthmann J.F. Is there a “dark intelligence”? Emotional intelligence is used by dark personalities to emotionally manipulate others // *Personality and Individual Differences*. 2014. Vol. 65. P. 47—52.
19. Reiter-Palmon R. Are the outcomes of creativity always positive? // *Creativity: Theories-Research-Applications*. 2018. № 5. P. 177—181.

References

1. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. *Psikhologiya prestupnika i rassledovaniya prestuplenii* [Psychology of the criminal and the investigation of crimes]. Moscow: Yurist, 1996.
2. Bochkova V.N., Meshkova N.V. Emotional intelligence and social interaction: foreign studies [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaiia zarubezhnaia psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology], 2018. Vol. 7, no. 2, pp. 49—59. doi:10.17759/jmfp.2018070205. (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Enikolopov S.N., Meshkova N.V. Prejudicialness in the context of personality characteristics. *Psikhol. Journ.*, 2010, 31(4), 35—46.
4. Znakov V. V. Machiavellianism: psychological property of the individual and the methodology of its study. *Psychological journal*, 2000. Vol. 21, no. 5, pp. 16—22
5. Lyusin D.V. Oprosnik na emotsional'nyi intellekt EmIn: novye psikhometricheskie dannye [Questionnaire on Emin's emotional intelligence: new psychometric data]. In Lyusin D.V. (eds.), *Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt. Ot protsessov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence. From processes to measurements]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2009, pp. 187—200.
6. Meshkova N.V. Interrelation of Malevolent Creativity and Values in Adolescents with Different Levels of Aggression [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological-Educational Studies], 2018. Vol. 10, no. 2, pp. 77—87doi: 10.17759/psyedu.2018100207. (In Russ., abstr. in Engl.)
7. Meshkova N.V., Debolskiy M.G., Enikolopov S. N., Maslenkov A.A. Features of creativity in social interaction among convicts who have committed self-serving and aggressively violent crimes [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018. Vol. 8, no. 1, pp. 147—163. doi:10.17759/psylaw.2018080111. (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Meshkova N.V., Enikolopov S.N. Creativity and Deviance: Communication and Interaction. *Psychology. Journal of High School of Economy*, 2018. Vol. 15, no. 2, pp. 279—290. doi: 10.17323/1813-8918-2018-2-279-290
9. Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Mitina O.V., Meshkov I.A. Adaptation of the Malevolent Creativity Behavior Scale. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2018. Vol. 23, no. 6, pp. 25—40. doi:10.17759/pse.2018230603. (In Russ., abstr. in Engl.)
10. Strizhov E.Yu. *Nravstvenno-psikhologicheskie determinanty moshennichestva*. Avtoref. diss. ... dokt. psikh. nauk. [Moral and psychological determinants of fraud. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Tula, 2011. 48 p.
11. Archer J., Coyne S.M. An integrated review of indirect, relational, and social aggression. *Personality and Social Psychology Review*, 2005, no. 9. P. 212—230.
12. Bacon A.M., Regan L. Manipulative relational behaviour and delinquency: sex differences and links with emotional intelligence. *The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*, 2016. Vol. 27:3, pp. 331-348, DOI: 10.1080/14789949.2015.1134625
13. Cropley A. J., Cropley D. H. Creativity and Lawbreaking. *Creativity research journal*, 2011. Vol. 23(4), pp. 313—320. doi: 10.1080/10400419.2011.621817

Бочкова М.Н. Эмоциональный интеллект и креативность: связь и взаимодействие на примере разных категорий осужденных. Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 92–102.

Bochkova M.N. Emotional intelligence and creativity: relation and interaction on the example of different categories of convicts. Psychology and Law 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 92–102.

14. Garcia-Sancho E., Salguero J. M. , Fernandez-Berrocal P. Ability emotional intelligence and its relation to aggression across time and age groups. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2017. Vol. 58, no. 1, pp. 43—51. doi:10.1111/sjop.12331
15. Hao N., Tang M., Yang J., Wang Q., Runco M. A. A new tool to measure malevolent creativity: The malevolent creativity behavior scale. *Frontiers in Psychology*, 2016, no. 7, pp. 682.
16. Harris D.J., Reiter-Palmon R., Kaufman J.C. The effect of emotional intelligence and task type on malevolent creativity. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2013. Vol. 7, pp. 237—244. doi: [http://dx.doi.org/ 10.1037/a0032139](http://dx.doi.org/10.1037/a0032139)
17. Moeller C., Kwantes C.T. Too Much of a Good Thing? Emotional Intelligence and Interpersonal Conflict Behaviors. *The Journal of Social Psychology*, 2015. Vol. 155:4, pp. 314—324. doi: 10.1080/00224545.2015.1007029
18. Nagler U.K.J., Reiter K.J., Furtner M.R., Rauthmann J.F. Is there a “dark intelligence”? Emotional intelligence is used by dark personalities to emotionally manipulate others. *Personality and Individual Differences*, 2014. Vol. 65, pp. 47—52.
19. Reiter-Palmon R. Are the outcomes of creativity always positive? *Creativity: Theories-Research-Applications*, 2018, no. 5, pp. 177—181.

Особенности копинг-стратегий старших подростков из неполных семей

Иванова О.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО «МГППУ»),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2960-716X>, e-mail: ivanovanrcki@gmail.com

Бусарова О.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО «МГППУ»),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1455-6280>, e-mail: olga-bus0@yandex.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования, целью которого являлось определение особенностей копинг-стратегий старших подростков из неполных семей. Выборку составили 98 учащихся московской общеобразовательной школы в возрасте 14—16 лет, из которых 60 человек — подростки из полных семей (30 мальчиков и 30 девочек) и 38 человек из неполных семей (15 мальчиков и 23 девочки). Исследование проведено с помощью опросников «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS)» (С. Хобфолл) и «Родителей оценивают дети» (РОД) — модификация методики «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса. В работе выявлены доминирующие копинг-стратегии старших подростков и оценена их конструктивность, установлены достоверные различия в копинг-стратегиях подростков из полных и неполных семей, определены стили семейного воспитания, являющиеся предикторами ряда копинг-стратегий старших подростков, в том числе специфических для мальчиков и девочек, воспитывающихся в полных и неполных семьях. Результаты исследования помогут определить направление работы по коррекции неконструктивных стратегий совладания у подростков из неполной семьи.

Ключевые слова: подросток, неполная семья, копинг-стратегии, стили семейного воспитания.

Для цитаты: Иванова О.И., Бусарова О.Р. Особенности копинг-стратегий старших подростков из неполных семей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 103-115. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100109>

Features of coping strategies of older adolescents from single-parent families

Olga I. Ivanova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2960-716X>, e-mail: ivanovanrcki@gmail.com

Olga R. Busarova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1455-6280>, e-mail: olga-bus0@yandex.ru

The article presents the results of an empirical study with the purpose to determine the characteristics of the coping strategies of older adolescents from single-parent families. The sample consisted of 98 students of a Moscow secondary school at age of 14-16, 60 of which were adolescents from full families (30 boys and 30 girls) and 38 - from single-parent families (15 boys and 23 girls). The study was conducted using the questionnaires “Strategic Approach to Coping Scale, SACS” (S. Hobfall) and “Parents are Assessed by Children” - a modification of the test “Analysis of Family Relationships” by E.G. Eidemiller and V.V. Yustitskis . The paper identifies the dominant coping strategies of older adolescents and assesses their constructiveness, establishes significant differences in the coping strategies of adolescents from full families and single-parent ones, identifies family education styles that are predictors of a number of coping strategies of older adolescents, including those specific to boys and girls brought up in both types of families. The results of the study will help determine the direction of work on the correction negative coping strategies in adolescents from a single-parent family.

Keywords: adolescent, single-parent family, coping strategies, family education styles.

For citation: *Ivanova O.I., Busarova O.R.* Features of coping strategies of older adolescents from single-parent families. *Psikhologiya i pravo*, 2020. Vol. 10, no. 1. p.103-115. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100109>

Подростковый возраст традиционно характеризуется родителями и учителями как «трудный», «тяжелый», «проблемный», «неудобный». Специалисты по возрастной психологии, признавая изменения статуса подростка в обществе в разные исторические периоды, подчеркивают многочисленные риски этого периода онтогенеза. К.Д. Хломов к социальным рискам современных российских подростков относит употребление психоактивных веществ, правонарушения и участие в экстремистских движениях, рискованное сексуальное и аутоагрессивное поведение, реакцию эскапизма и отказ от самостоятельности и взросления [12, с. 6]. Подростковый возраст труден не только для окружающих взрослых, но, прежде всего, для самих подростков. Не все дети этого возраста обладают достаточными ресурсами для благополучного движения от детства к взрослости. Так, К.В. Сыроковашина и Е.Г. Дозорцева ссылаются на данные, согласно которым среди подростков относительно широко распространены суицидальные мысли. Опыт их переживания имеет около трети подростков [9, с. 9].

Подростки при решении задач по преодолению стрессов использует не только свои личные способы совладания (копинг-стратегии), но и опыт своих родителей (или взрослых, замещающих их) для уменьшения тревоги, получения чувства безопасности и адаптации в обществе [1]. Совладание — «... индивидуальный способ взаимодействия с ситуацией в соответствии с ее

собственной логикой, значимостью в жизни человека и его психологическими возможностями» [2, с. 22]. Формирование копинг-стратегий и их активное развитие происходит в подростковом возрасте в условиях эмоционально значимых взаимоотношений со сверстниками и взаимодействия с родителями [11]. Особый драматизм становления стратегий совладающего поведения характерен для подростков, воспитывающихся в неполной семье. Неполная семья — это семья, состоящая из одного родителя с одним или несколькими несовершеннолетними детьми. Главной отличительной особенностью неполной семьи является наличие одного родителя и несовершеннолетнего ребенка (одного или несколько) [13, с. 98]. Развод родителей сам по себе переживается многими подростками как трагедия. По оценкам самих подростков, среди жизненных событий, вызывающих стресс, развод родителей стоит на четвертом месте после смерти родителей, братьев и сестер, близких друзей, — отмечает М.В. Сапоровская [8, с. 66]. Исследование специфики и особенностей совладания со стрессом в условиях неполной семьи может позволить выявить воспитательные ресурсы, которые впоследствии возможно использовать в целях профилактики девиантных проявлений подростничества.

Исследования показывают, что неполная семья создает условия, в целом менее благоприятные для развития личности ребенка, чем полная семья. В дошкольном возрасте вследствие недостатка воспитательных ресурсов, присущего большинству неполных семей, отмечаются прежде всего нарушения в эмоциональной сфере ребенка [7]. В дальнейшем у детей из неполной семьи констатируется более высокая вероятность делинквентного поведения. Например, анализ 230 личных дел несовершеннолетних преступников, обучающихся в специализированных учебно-воспитательных учреждениях в 17 субъектах Российской Федерации, датированных 2016—2017 гг., показал, что только 26% этих подростков и юношей воспитывались в полных семьях [15]. Ф. Райс в анализе североамериканских исследований по этой проблеме указывает, что подростки из неполных семей чаще нарушают закон, совершают поступки, приносящие вред их здоровью и в среднем получают более низкий уровень образования. В то же время есть данные о том, что юноши-студенты, чьи отцы ушли из семьи, менее конфликтны дома, принимают на себя ответственность за дом, их самооценка выше, чем у сверстников из полных семей. Студентки с аналогичной семейной историей более конфликтны, чаще ссорятся с матерями, и у них формируется заниженная самооценка [6].

За последнее десятилетие российскими психологами выполнен ряд исследований связи совладающего поведения подростков и семейных факторов. М.В. Сапоровская [8] изучала отсроченное влияние развода родителей (3—4 года назад) на выбор копинг-стратегий подростков из полных и неполных семей с высокой социально-психологической адаптивностью, высокими социальными достижениями и высокой успеваемостью. Было установлено, что для подростков из разведенных семей характерен такой неконструктивный копинг, как самообвинение, который, однако, не приводит к разрушающим последствиям, а служит основой для активных действий в области социальных достижений и способствует социальной адаптации. Автор отмечает, что данный копинг формируется под влиянием защитного механизма интеллектуализации, который формирует у подростка понимание ситуации, способствует сохранению и усилению субъективного контроля над ситуацией, что впоследствии указывает на отдаление ребенка от родителей.

В исследовании В.В. Онуфриевой и А.С. Константиновой [4] сравнивалась частота использования адаптивных, относительно адаптивных и неадаптивных копинг-стратегий благополучными подростками в возрасте 14—16 лет и их сверстниками, оказавшимися в трудной жизненной ситуации. Выяснилось, что первые в два раза чаще прибегают к конструктивным и в два раза реже — к неконструктивным стратегиям преодоления, чем вторые.

Е.А. Овсянникова и Н.С. Ткаченко [3] рассмотрели вопрос о влиянии детско-родительских отношений и стиля семейного воспитания на выбор подростками копинг-стратегий. Изучались 100 диад родитель—подросток. В результате применения регрессионного анализа установлено, в

частности, что к предикторам выбора подростками стратегии планирования решения проблемы относятся гиперпротекция, контроль, чрезмерность санкций, удовлетворенность подростками отношениями с родителями и низкая эмпатия родителей. На выбор подростками неконструктивного копинга «бегство-избегание» оказывает влияние отсутствие поощрений.

Целью нашего исследования стало выявление особенностей копинг-стратегий старших подростков из неполных семей и их связи со стилем семейного воспитания. Мы выдвинули следующие гипотезы:

1. Подростки, как мальчики, так и девочки, воспитывающиеся в неполных семьях, чаще используют неконструктивные копинг-стратегии, чем их сверстники, воспитывающиеся в полных семьях.

2. Стилль семейного воспитания влияет на копинг-стратегии старших подростков.

Исследование проводилось на базе общеобразовательной школы № 868 г. Москвы. Выборку составили 98 учащихся 8—10 классов в возрасте 14—16 лет, из которых 60 человек — дети из полных семей (30 мальчиков и 30 девочек) и 38 — из неполных семей (15 мальчиков и 23 девочки). В группу неполной семьи мы включили 11 учащихся, в состав семьи которых вошел отчим (смешанные семьи). Мы руководствовались утверждением Ф. Райса о том, что подростки, воспитанные в смешанных семьях, в большей мере похожи на подростков, воспитанных одним родителем [6].

Применялись следующие методики эмпирического исследования: «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS)» С. Хобфолла, в адаптации Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой [5]; Методика «Родителей оценивают дети» (РОД) — модификация И.А. Фурманова и А.А. Аладына опросника «Анализ семейного воспитания» (АСВ) [10]. Использовалась также авторская анкета, которая позволила определить возраст и состав семьи, в которой проживают подростки.

При статистической обработке данных использовался пакет статистических программ SPSS.24.

Сравнение копинг-стратегий и индекса их конструктивности в группах подростков из полных и неполных семей приведено в табл. 1. Индекс конструктивности (ИК) рассчитывался как отношение суммы активных и просоциальных стратегий к пассивной (избегание) и асоциальным стратегиям (асоциальные и агрессивные действия). Статистическая значимость различий определялась помощью критерия U Манна—Уитни.

Таблица 1

Степень выраженности копинг-стратегий и ИК у старших подростков из полных и неполных семей

Копинг-стратегии	Полные семьи N=60		Неполные семьи N=38		Критерий Манна — Уитни U
	Среднее значение стратегии	Стандартное отклонение	Среднее значение стратегии	Стандартное отклонение	
Ассертивные действия	20,05	3,33	20,03	3,78	1105
Вступление в социальный контакт	23,01	3,58	21,38	3,67	850,5*
Поиск социальной	23,88	3,69	21,38	4,45	729**

поддержки					
Осторожные действия	20,55	3,65	20,87	3,16	1097,5
Импульсивные действия	17,85	3,06	18,85	3,59	834*
Избегание	17,08	3,33	18,28	3,55	919
Манипулятивные действия	18,9	4,09	19,77	3,97	956
Асоциальные действия	17,6	4,78	19,33	3,87	871*
Агрессивные действия	19,1	5,75	21,26	4,21	874*
Среднее значение индекса ИК / (стандартное отклонение)	1,28 / (0,32)		1,08 / (0,18)		657,5**

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; $0,86 < \text{ИК} < 1,1$ — средняя конструктивность; $\text{ИК} > 1,1$ — высокая конструктивность.

Как следует из табл. 1, в стрессовых ситуациях дети из полных семей чаще выбирают копинг-стратегии вступления в социальный контакт ($p < 0,05$) и поиск социальной поддержки ($p < 0,01$). Выбор подростками этих активных и просоциальных действий определяет более высокий индекс конструктивности копинг-стратегий ($p < 0,01$) и способствует «здоровому» преодолению сложных ситуаций. Подростки из неполных семей чаще используют в стрессовых ситуациях импульсивные ($p < 0,05$), асоциальные ($p < 0,05$) и агрессивные действия ($p < 0,05$).

Далее группы подростков из полных и неполных семей были разделены по полу. Результаты сравнения копинг-стратегий мальчиков и девочек из полных и неполных семей представлены в табл. 2 и 3.

Таблица 2

Сравнение копинг-стратегий мальчиков из полных и неполных семей

Шкалы	Среднее значение стратегии		Критерий Манна—Уитни U
	Полные семьи (N=30)	Неполные (семьи N=15)	
Ассертивные действия	20,5	19,6	186
Вступление в социальный контакт	23	22,3	194
Поиск социальной поддержки	22,7	20,33	164
Осторожные действия	20,73	21,6	186
Импульсивные действия	17,4	17,4	200,5
Избегание	17,13	18,93	153,5*

Манипулятивные действия	19,8	19,86	214,5
Асоциальные действия	19,4	18,73	218
Агрессивные действия	17,9	20,8	141,5*
Среднее значение ИК	1,25	1,06	120,5**

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$.

Анализ копинг-стратегий мальчиков (табл. 2) показал, что подростки из неполных семей чаще используют избегание ($p < 0,05$) и агрессивные действия ($p < 0,05$). Показатели среднего значения ИК (1,25) мальчиков из полных семей статистически значимо ($p < 0,01$) превосходит соответствующий показатель мальчиков из неполных семей (1,06)

Таблица 3

Сравнение копинг-стратегий девочек из полных и неполных семей

Шкалы	Среднее значение стратегии		Критерий Манна—Уитни U
	Полные семьи (N=30)	Неполные семьи (N=23)	
Ассертивные действия	19,6	20,34	274,5
Вступление в социальный контакт	23,03	20,56	200,5**
Поиск социальной поддержки	25,06	21,78	165,0**
Осторожные действия	20,37	20,47	322,5
Импульсивные действия	18,3	19,73	214,5*
Избегание	17,03	17,61	304
Манипулятивные действия	18,13	19,74	255
Асоциальные действия	15,8	19,30	181,5**
Агрессивные действия	20,20	21,82	312
Среднее значение ИК	1,3	1,09	196**

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$.

Из табл. 3 следует, что статистически значимые различия в совладающем поведении девочек из семей разных типов обнаружены в отношении большего числа копинг-стратегий, чем при сравнении мальчиков. Девочки из полных семей достоверно чаще используют просоциальные стратегии вступления в социальный контакт ($p < 0,01$) и поиск социальной поддержки ($p < 0,01$) и достоверно реже прибегают к импульсивным ($p < 0,05$) и асоциальным ($p < 0,01$) действиям. Выбор девочками из полных семей просоциальных копингов объясняет значимые различия в ИК совладающего поведения по сравнению с девочками из неполных семей ($p < 0,01$). Такие стратегии

девочек из полных семей позволяют им активно использовать социальные ресурсы для преодоления трудных жизненных ситуаций и повышают шансы на конструктивное их разрешение в отличие девочек из неполных семей.

Обращает на себя внимание такая модель стресспреодолевающего поведения девочек из неполных семей, как импульсивные действия ($p < 0,05$). Такие действия регулируются неосознанными установками и подавляют рациональные механизмы стресспреодолевающего поведения. Импульсивное поведение девочек из неполных семей может быть связано с желанием самоутвердиться в обществе и дает «выход» накопившимся отрицательным эмоциям. Соответственно, такое поведение не может привести к высокой конструктивности копинг-стратегий.

Как в целом по выборке, так и в отношении мальчиков и девочек можно отметить, что подростки, воспитывающиеся в неполных семьях, чаще используют неконструктивные копинг-стратегии. Но снижение ИК мальчиков происходит за счет более интенсивного применения ими неконструктивных стратегий — избегания и агрессивных действий, а более низкий ИК девочек из неполных семей объясняется как более частым обращением к неконструктивному копингу «асоциальные действия», так и более редким использованием конструктивных просоциальных стратегий совладания — вступления в социальный контакт и поиска социальной поддержки.

Далее мы выявили параметры стиля семейного воспитания, влияющие на копинг-стратегии подростков. Проводился множественный регрессионный анализ (МРА). В качестве зависимой переменной были выбраны копинг-стратегии, а показатели стиля семейного воспитания стали независимой переменной. Данные по подгруппам мальчиков и девочек из полных и неполных семей приведены в табл. 4—7. Указываются только статистически значимые регрессионные β -коэффициенты.

Как следует из табл. 4, для девочек-подростков из полных семей МРА позволил построить модели только в отношении неконструктивных копинг-стратегий.

Анализ регрессионной модели по копингу «агрессивные действия» свидетельствует, что показатели «воспитательная неуверенность» ($p < 0,05$) и «проекция собственных нежелательных качеств» ($p < 0,01$) влияют на выбор девочками из полной семьи копинга «агрессивные действия». Воспитательная неуверенность оказывает обратное влияние, а проекция собственных нежелательных качеств — прямое. Воспитательная неуверенность интерпретируется как потворствующая гиперпротекция, при которой родители предъявляют своему ребенку пониженный уровень требований, в семье происходит перераспределение власти от родителя к ребенку. Такие родители чаще всего уступают своему ребенку даже в тех вопросах, в которых это делать нельзя. Можно предположить, что у девочек из полных семей при таком стиле семейного воспитания нет необходимости проявлять агрессию в случае затруднений, так как они полагают, что родители разрешат сложную ситуацию за них. Стиль воспитания «проекция собственных нежелательных качеств родителя» составляет основу эмоционального отвержения и жестокого обращения с ребенком. Вероятно, такой стиль создает условия для формирования у девочек из полной семьи асоциальной копинг-стратегии «агрессивные действия», предлагая поведенческую модель для подражания, применяемую, в том числе, и для преодоления трудных ситуаций.

Таблица 4

МРА показателей копинг-стратегий и стиля детско-родительских отношений девочек из полных семей

Модель	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты	t	Уровень значимости p
	β	Стандартная ошибка	β		
Зависимая переменная: агрессивные действия					
Воспитательная неуверенность	3,183	1,424	-0,402	-2,235	0,036
Проекция собственных нежелательных качеств	3,863	1,004	0,740	3,849	0,001
Зависимая переменная: избегание					
Проекция собственных нежелательных качеств	1,731	0,600	0,596	2,883	0,009

Анализируя регрессионную модель по копингу «избегание» у девочек из полной семьи, мы обнаружили, что его предиктором является стиль воспитания «проекция на ребенка собственных нежелательных качеств» ($p < 0,01$). Родитель проецирует отвергаемые в себе качества на ребенка и активно борется с ними, осуждая отрицательные черты и слабости ребенка, грозя наказаниями, которые он в связи с этим готов применить и нередко применяет. Ребенок в такой ситуации часто выбирает избегающую модель поведения.

Для девочек-подростков из неполных семей с помощью МРА удалось построить модели в отношении копинг-стратегии «импульсивные действия» и ИК (табл. 5).

Анализ регрессионной модели по копингу «импульсивные действия» у девочек из неполной семьи показывает, что в качестве предикторов он имеет целый ряд стилей семейного воспитания — прямое влияние оказывают гиперпротекция ($p < 0,01$) и предпочтение в подростке детских качеств ($p < 0,01$), обратное — минимальность санкций ($p < 0,01$), неустойчивость стиля воспитания ($p < 0,01$) и проекция на ребенка собственных нежелательных качеств ($p < 0,05$).

Таблица 5

МРА показателей копинг-стратегий и стиля детско-родительских отношений девочек из неполных семей

Модель	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты	t	Уровень значимости p
	β	Стандартная ошибка	β		
Зависимая переменная: импульсивные действия					
Гиперпротекция	1,538	0,334	0,947	4,603	0,002

Минимальность санкций	-1,939	0,410	-0,729	-4,727	0,002
Предпочтение в подростках детских качеств	1,205	0,443	0,519	2,718	0,003
Неустойчивость стиля воспитания	-1,300	0,350	-0,647	-3,714	0,008
Проекция собственных нежелательных качеств	-1,371	0,411	-0,706	-3,334	0,013
Зависимая переменная: индекс конструктивности					
Неразвитость родительских чувств	0,109	0,040	1,278	2,720	0,030
Гиперпротекция	-0,087	0,033	-0,864	-2,645	0,030

Игнорирование родителем, в данном случае матерью, в одиночку воспитывающей дочь, взросления своего ребенка и гиперпротекция, описываемая Э.Г. Эйдмиллером как стиль воспитания, при котором родители уделяют ребенку крайне много внимания и проявляют настойчивый интерес к делам подростка [14], могут оказывать инфантилизирующее влияние на девочку-подростка, что, в том числе, отрицательно отражается на развитии ее волевых качеств и рефлексии, провоцируя необдуманные, импульсивные действия при преодолении стрессовых ситуаций. Обратное влияние вошедших в модель стилей воспитания представляется более сложным для интерпретации. Возможно, такие условия материнского воспитания ставят девочек в неполной семье перед необходимостью объяснить себе позицию матери и прогнозировать ее реакцию на свои действия, что делает поведение девочки-подростка менее импульсивным, в том числе и в трудной ситуации.

С. Хобфолл считает, что импульсивные действия не влияют на общую конструктивность копинг-стратегий и являются нейтральными с точки зрения просоциальности/асоциальности [16]. Тем не менее, обнаруженные нами многочисленные связи этой стратегии совладающего поведения девочек-подростков из неполных семей со стилями семейного воспитания, на наш взгляд, представляют интерес с точки зрения профилактики социальной дезадаптации и девиантного поведения этой категории подростков. Оказывая матери, воспитывающей девочку в неполной семье, помощь по коррекции стиля детско-родительских отношений, психолог может способствовать тому, что импульсивные действия подростка в трудной ситуации со временем сменятся на более конструктивные.

Анализ регрессии по зависимой переменной «ИК» у девочек из неполной семьи по показателям неразвитость родительских чувств ($p < 0,05$) и «гиперпротекция» ($p < 0,05$) позволяет сделать вывод, что данные стили воспитания предсказывают конструктивность копинг-стратегий девочек из неполной семьи, первый из которых — с положительным знаком, второй — с отрицательным. Неожиданной выглядит прямая связь между ИК копинг-стратегий и таким неблагоприятным стилем семейного воспитания, как неразвитость родительских чувств. Можно предположить, что этот стиль семейного воспитания в условиях неполной семьи требует от ребенка большей самостоятельности и, если девочка включена в просоциальные группы, способствует усвоению конструктивных стилей совладающего поведения, практикуемых этими группами.

Для подгруппы мальчиков, как из полных, так и из неполных семей, МРА позволил обнаружить минимальное число стилей семейного воспитания, являющихся предикторами копинг-стратегий.

Таблица 6

МРА показателей копинг-стратегий и стиля детско-родительских отношений мальчиков из полных семей

Модель	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты	t	Уровень значимости p
	β	Стандартная ошибка	β		
Зависимая переменная: вступление в социальный контакт					
Гиперпротекция	1,438	0,366	0,669	3,929	0,001

Регрессионная модель по показателю копинга «вступление в социальный контакт» у мальчиков из полной семьи (табл. 6) показывает, что на его выбор оказывает прямое влияние стиль семейного воспитания «гиперпротекция» ($p < 0,01$). Такой стиль воспитания, согласно полученному результату, в стрессовых ситуациях ориентирует мальчиков из полных семей на решение проблемы совместно с другими людьми.

Таблица 7

МРА показателей копинг-стратегий и стиля детско-родительских отношений мальчиков из неполных семей

Модель	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты	t	Уровень значимости p
	β	Стандартная ошибка	β		
Зависимая переменная: манипулятивные действия					
Потворствование	-4,414	1,342	-1,797	-3294	0,046

Из табл. 7 следует, что у мальчиков из неполной семьи МРА выделил регрессионную модель единственной копинг-стратегии — «манипулятивные действия» по показателю «потворствование» ($p < 0,05$). Данный стиль семейного воспитания оказывает обратное влияние на выбор мальчиками из неполной семьи указанного копинга. «Потворствующие» родители, в данном случае мать, часто «балуют» своих детей и стремятся удовлетворять любые их капризы и потребности без критичности к своим действиям. Таким образом, у мальчиков в неполной семье, где мать применяет потворствующий стиль воспитания, нет необходимости для манипуляций по преодолению стрессовых ситуаций.

В результате проведенного эмпирического исследования можно сделать следующие выводы.

1. Подростки из полных семей чаще по сравнению с подростками из неполных используют просоциальные копинг-стратегии «вступление в социальный контакт» ($p < 0,05$) и «поиск социальной поддержки» ($p < 0,05$). Такое активное и просоциальное поведение помогает им достичь более высокой степени конструктивности (среднее значение = 1,28) по сравнению со сверстниками из неполной семьи (среднее значение = 1,08) при $p < 0,01$.

2. Подростки из неполных семей чаще используют в качестве копинг-стратегий импульсивные ($p < 0,05$), асоциальные ($p < 0,05$) и агрессивные действия ($p < 0,05$).

3. Девочки из полных семей чаще используют просоциальные модели совладающего поведения, а именно — вступление в социальный контакт ($p < 0,05$) и поиск социальной поддержки ($p < 0,01$).

4. Девочки-подростки из неполных семей в стрессовых ситуациях чаще своих сверстниц из полных семей используют импульсивные ($p < 0,05$) и асоциальные действия ($p < 0,05$).

5. Мальчики-подростки из неполных семей чаще, чем их сверстники из полных семей, в стрессовых ситуациях обращаются к избеганию ($p < 0,05$) и агрессивным действиям ($p < 0,05$).

6. Среднее значение ИК копинг-стратегий подростков из полных семей достоверно выше, как в группе мальчиков ($p < 0,01$), так и в группе девочек ($p < 0,01$).

7. Множественный регрессионный анализ, при котором зависимой переменной выступили копинг-стратегии подростков из полных и неполных семей, а независимыми переменными — стили семейного воспитания, позволил построить несколько моделей предсказания копинг-стратегий отдельно для мальчиков и девочек:

- в подгруппе «девочки из полной семьи» копинг-стратегия «агрессивные действия» связана со стилями воспитания «воспитательная неуверенность родителя» (обратная связь, $p < 0,05$) и «проекция собственных нежелательных качеств родителя» (прямая связь, $p = 0,001$); копинг-стратегия «избегание» прямо связана с «проекцией собственных нежелательных качеств родителя» (прямая связь, $p < 0,01$);

- в подгруппе «девочки из неполной семьи» копинг-стратегия «импульсивные действия» предсказывается показателями с положительными регрессионными коэффициентами таких стилей семейного воспитания, как «гиперпротекция» ($p < 0,01$), «предпочтение в подростке детских качеств» ($p < 0,01$), и с отрицательными коэффициентами стилей семейного воспитания «минимальность санкций» ($p < 0,01$), «неустойчивость стиля воспитания» ($p < 0,01$) и «проекция собственных нежелательных качеств» ($p < 0,05$). Показатель ИК копинг-стратегий предсказывается стилями семейного воспитания «гиперпротекция» (обратная связь, $p < 0,05$) и «неразвитость родительских чувств» (прямая связь, $p < 0,05$);

- в подгруппе «мальчики из полной семьи» копинг «вступление в социальный контакт» положительно связан со стилем воспитания «гиперпротекция» ($p = 0,001$);

- в подгруппе «мальчики из неполной семьи» копинг-стратегия «манипулятивные действия» оказалась отрицательно связана со стилем воспитания «потворствование» ($p < 0,05$).

Гипотезы нашего исследования о меньшей конструктивности копинг-стратегий подростков из неполных семей и о влиянии стиля семейного воспитания на выбор старшими подростками копинг-стратегий подтвердились.

Результаты исследования могут быть использованы в консультативной, коррекционной и просветительской работе для коррекции неконструктивных и асоциальных копингов старших подростков, в качестве профилактики противоправных форм поведения и формирования конструктивных стратегий преодоления стрессовых ситуаций, а так же для оказания помощи подросткам в преодолении стрессовых ситуаций. Результаты исследования показывают, что профилактическая и коррекционная работа может вестись как с самими подростками в форме обучения новым типам реагирования в сложных жизненных ситуациях, так и с их родителями, в частности, с помощью анализа стиля семейного воспитания и его коррекции.

Литература

1. Дружинина Ю.А. Особенности совладающего поведения в подростковом возрасте // Омский научный вестник. 2012. № 5(112). С. 172—176.
2. Нартова-Бочавер С.К. Coping behavior в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 21—30.
3. Овсянникова Е.А., Ткаченко Н.С. Влияние детско-родительских отношений на выбор подростками копинг-стратегий // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 26(197). С. 162—168.
4. Онуфриева В.В., Константинова А.С. Особенности копинг-поведения в подростковом возрасте // Молодой ученый. 2016. № 6. С. 701—703.
5. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности: учеб. пособие / Под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб.: Речь, 2003. 448 с.
6. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2002. 624 с.
7. Ремеева А.Ф., Колотова Ю.З. Специфика страхов детей из неблагополучных семей и их коррекция [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. Т. 2. № 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n1/50331.shtml> (дата обращения: 21.01.2020).
8. Сапоровская М.В. Стрессы межпоколенного взаимодействия: развод как предиктор защитного и совладающего поведения подростков // Психологическая наука и образование. 2013. № 1. С. 65—72.
9. Сыроквашина К.В., Дозорцева Е.Г. Психологические факторы риска суицидального поведения у подростков // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 3. С. 8—24. doi: 10.17759/cpp.20162403002
10. Фурманов И.А., Аладьин А.А., Фурманова Н.В. Психологическая работа с детьми, лишенными родительского попечительства. Минск: ГЕСЕЙ, 1999. 224 с.
11. Хазова С.А. Совладающее поведение одаренных старшеклассников: дисс. ... канд. психол. наук. Кострома, 2002. 246 с.
12. Хломов К.Д. Подросток на перекрестке жизненных дорог: социализация, анализ факторов изменения среды развития [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. № 1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Hlomov.phtml> (дата обращения: 26.06.2019).
13. Целуйко В.М. Психология неблагополучной семьи: Книга для педагогов и родителей. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004, 272 с.
14. Эйдемиллер Э.В., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2008. 672 с.
15. Delibalt Varvara V., Degtyaryov Artyom V., Dozortseva Elena G., Chirkina Rimma V., Dvoryanchikov Nikolay V., Pimonov Vladimir A., Debolsky Mikhail G., Malkin Dmitry A. Evaluation of cognitive functions, personality and regulatory sphere in minors with deviant and delinquent behavior within the authority of the psychological, medical and educational committee // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2017. Vol. 5. № 2. P. 107—118. doi: 10.5937/IJCRSEE1702107D.
16. Hobfoll S.H. The Ecology of Stress. New York: Hemisphere, 1988. 360 p.

References

1. Druzhinina Yu.A. Osobennosti sovladayushchego povedeniya v podrostkovom vozraste [Features of coping behavior in adolescence] // Omskii nauchnyi vestnik [Omsk scientific Bulletin]. 2012. no. 5 (112). pp. 172-176.
2. Nartova-Bochaver S.K. Coping behavior v sisteme poniatii psikhologii lichnosti [Coping behavior in the system of concepts of personality psychology]. Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal], 1997. Vol.18, no. 5, pp. 21-30.

3. Ovsyannikova E.A., Tkachenko N.S. Vliyanie detsko-roditel'skikh otnoshenii na vybor podrostkami koping-strategii [Influence of parent-child relationships on teenagers' choice of coping strategies] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Scientific statements of Belgorod state University. Series: Humanities], 2014. no. 26 (197). pp. 162 — 168.
4. Onufrieva V.V., Konstantinova A.S. Osobennosti koping-povedeniya v podrostkovom vozraste [Features of coping behavior in adolescence] // Molodoi uchenyi [Young scientist], 2016. no. 6. pp. 701-703.
5. Praktikum po psikhologii menedzhmenta i professional'noi deyatel'nosti: ucheb. posobie [Workshop on psychology of management and professional activity]/ Pod red. G.S. Nikiforova, M.A. Dmitrievoi, V.M. Snetkova. Saint-Petersburg.: Rech', 2003. 448 p.
6. Rais F. Psikhologiya podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta. [Psychology of adolescence] Saint-Petersburg: Piter, 2002. 624 p.
7. Remeeva A.F., Kolotova Y.Z. Specifics of fears of children from problem families and their correction [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2012. Vol. 2, no. 1 (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Saporovskaya M.V. Stressy mezhpokolennogo vzaimodeistviya: razvod kak prediktor zashchitnogo i sovladayushchego povedeniya podrostkov [Stresses of intergenerational interaction: divorce as a predictor of protective and coping behavior of adolescents] // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. [Psychological Science and Education], 2013. no. 1. pp. 65-72. (In Russ., Abstr. in Engl.)
9. Syrokvashina K.V., Dozortseva E.G. Psikhologicheskie faktory riska suitsidal'nogo povedeniya u podrostkov [Psychological risk factors for suicidal behavior in adolescents] // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling psychology and psychotherapy], 2016. Vol. 24, no. 3. pp. 8—24. doi: 10.17759/cpp.20162403002. (Accessed: 24.06.2019). (In Russ., Abstr. in Engl.)
10. Furmanov I.A., Alad'in A.A., Furmanova N.V. Psikhologicheskaya rabota s det'mi, lishennymi roditel'skogo popechitel'stva [Psychological work with children deprived of parental care]. Minsk: TESEI, 1999. 224 p.
11. Khazova S.A. Sovladayushchee povedenie odarennykh starsheklassnikov. Diss. ... kand. psikhol. nauk [Coping behavior of gifted high school students. Ph. D. (Psychology diss.)]. Kostroma, 2002. 246 p.
12. Khlomov K.D. Podrostok na perekrestke zhiznennykh dorog: sotsializatsiya, analiz faktorov izmeneniya sredy razvitiya [Teenager at the crossroads of life: socialization, analysis of factors of change in the environment of development] [Elektronnyi resurs] // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru. [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014. no. 1. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Hlomov.phtml> (Accessed: 26.06.2019). (In Russ., Abstr. in Engl.)
13. Tseluiko V.M. Psikhologiya neblagopoluchnoi sem'i: Kniga dlya pedagogov i roditel'ei [Psychology of a dysfunctional family: a Book for teachers and parents]. Moscow: VLADOS-PRESS, 2004, 272 p.
14. Eidemiller E.V., Yustitskis V.V. Psikhologiya i psikhoterapiya sem'I [Psychology and psychotherapy of the family] — Saint-Petersburg: Piter, 2008. 672 p.
15. Delibalt Varvara V., Degtyaryov Artyom V., Dozortseva Elena G., Chirkina Rimma V., Dvoryanchikov Nikolay V., Pimonov Vladimir A., Debolsky Mikhail G., Malkin Dmitry A. Evaluation of cognitive functions, personality and regulatory sphere in minors with deviant and delinquent behavior within the authority of the psychological, medical and educational committee // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2017. Vol. 5, no. 2. pp. 107-118. doi: 10.5937/IJCRSEE1702107D.
16. Hobfoll S.H. The Ecology of Stress. New York: Hemisphere, 1988. 360 p.

Употребление подростками психоактивных веществ при разных видах аутоагрессивного поведения

Григорьева А.А.

ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5204-4887>, e-mail: alexandrina_gr@mail.ru

Гавриченко А.А.

ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4828-479X>, e-mail: a.a.gavrichenkova@mail.ru

В статье приводятся данные исследования особенностей потребления психоактивных веществ при суицидальном, самоповреждающем и нормативном поведении среди подростков. Были обследованы 131 подросток с высоким риском суицидального поведения, 142 подростка — с высоким риском самоповреждающего поведения и 553 подростка — с нормативным поведением. Для выявления подростков с суицидальным риском использовался опросник СЛ-19 (Юнанцкевич П.И., 2009); с самоповреждающим поведением, включая употребление ПАВ (алкоголь, наркотики, табак), применялась «Методика модификации тела и самоповреждения» (Польская Н.А., 2017). На основании полученных данных делается вывод о том, что для половины подростков, склонных к аутоагрессивному поведению, характерно формирование полимодальных аутоагрессивных комплексов, включающих разные виды аутоагрессивного поведения. Как суицидальное, так и самоповреждающее поведение сопровождается употреблением разных видов психоактивных веществ (алкоголя, табака и наркотиков). Наиболее выражено употребление ПАВ в группе подростков с высоким риском суицидального поведения. Высказывается предположение о необходимости разработки комплексных программ профилактики, учитывающих разные виды аутоагрессии у подростков.

Ключевые слова: аутоагрессивное поведение, самоповреждающее поведение, суицидальное поведение, употребление психоактивных веществ, подростки.

Для цитаты: Григорьева А.А., Гавриченко А.А. Употребление подростками психоактивных веществ при разных видах аутоагрессивного поведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 116-122. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100110>

Use of psychoactive substances by adolescents in different types of auto-aggressive behaviour

Alexandrina A. Grigoryeva

V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1374-2498>, e-mail: alexandrina_gr@mail.ru

Anastasiya A. Gavrichenkova

V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4828-479X>, e-mail: alexandrina_gr@mail.ru

The article presents research data on the characteristics of the psychoactive substances use in suicidal, self-harming and normative behaviour among adolescents. 131 adolescents with a high risk of suicidal behaviour, 142 adolescents with a high risk of self-harming behaviour and 553 adolescents with normative behaviour were examined. Methods used: the SL-19 questionnaire (Yunantskevich P.I., 2009) was used to identify adolescents with suicidal risk; “method of body modification and self-harm” (Polskaya N.A., 2017) - for identification adolescents with self-damaging behaviour, including the substance use (alcohol, drugs, tobacco). Based on data, it is concluded that half of adolescents prone to auto-aggressive behaviour are characterized by the formation of polymodal auto-aggressive complexes, including different types of auto-aggressive behaviour. Both suicidal and self-harming behaviours are accompanied by the use of different types of psychoactive substances (alcohol, tobacco and drugs). The most discernible use of substance is noted in the group of adolescents with a high risk of suicidal behaviour. An assumption is made about the need to develop comprehensive preventive programs that take into account different types of adolescents’ auto-aggression.

Keywords: auto-aggressive behaviour, self-harming behaviour, suicidal behaviour, substance use, adolescents.

For citation: Grigoryeva A.A., Gavrichenkova A.A. Use of psychoactive substances by adolescents in different types of auto-aggressive behaviour. *Psikhologiya i pravo*, 2020. Vol. 10, no. 1. p.116-122. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100110>

Подростковый возраст наиболее сензитивен к формированию девиантного, в частности аутоагрессивного, поведения. Такая возрастная специфика связана с особенностями психоэндокринных процессов, высокой импульсивностью, психической ригидностью, готовностью к риску, проблемами самоидентификации и высокой ролью референтной группы в психическом и личностном развитии подростка [2; 3]. В исследованиях отмечается, что от 30 до 70% подростковой популяции подвержено астено-невротическим, депрессивным расстройствам, повышенной интеллектуальной и физической утомляемостью, пограничным личностным расстройствам [4]. Такая уязвимость подростков в сочетании с триггерной ролью стрессоров и предикторами суицидального поведения (генетическая предрасположенность, социально-неблагополучные семьи, употребление алкоголя и наркотиков, факты психотравматизации и насилия и др.) приводят к повышению риска разных видов аутоагрессивного поведения. Аутоагрессивное поведение рассматривается как физический и/или психический вред, наносимый человеком самому себе. Выделяют три основных вида аутоагрессивного поведения: суицидальное поведение, недифференцированные аутоагрессивные формы (например, «травматическая личность»), а также самоповреждающее поведение. Существуют прямые и косвенные виды

самоповреждающего поведения [20; 21]. К прямым видам относят такие, при которых мы можем наблюдать вред непосредственно в момент аутоагрессивного акта (например, рассечение тканей). К косвенным видам относят повреждения, ущерб от которых можно наблюдать спустя некоторое время, непосредственного повреждения тканей при этом не происходит [21]. Одним из распространенных примеров косвенного самоповреждения является употребление психоактивных веществ (ПАВ). Потенцирующая роль употребления психоактивных веществ при прямом самоповреждающем и суицидальном поведении подростков описывается рядом отечественных и зарубежных авторов [16; 11]. Отмечается, что риск суицидального и прямого самоповреждающего поведения в подростковом возрасте существенно повышается при употреблении психоактивных веществ. Таким образом, отмечается высокая предрасположенность подростков к возникновению комплексных аутоагрессивных проявлений, в которых наиболее распространено употребление психоактивных веществ в сочетании с суицидальными и несуйцидальными формами самоповреждающего поведения, что, в свою очередь, актуализирует вопрос изучения особенностей полимодальных аутоагрессивных комплексов у подростков.

Характер взаимосвязи между разными видами аутоагрессивного поведения можно разделить на две большие группы: 1) представляющие полимодальный комплекс (т. е. разные виды аутоагрессивного поведения возникают наряду друг с другом, сохраняясь в виде альтернативных поведенческих проявлений в текущий возрастной период); 2) характеризующиеся последовательной взаимосвязью (т. е. один доминирующий вид аутоагрессивного поведения сменяется другим на протяжении разных возрастных периодов).

При полимодальных аутоагрессивных комплексах разные виды аутоагрессивного поведения, такие как употребление ПАВ и самоповреждающее поведение, могут сопровождать друг друга коморбидно; так, например, выявлена коморбидность самоповреждающего поведения с употреблением марихуаны (12,6%) и алкоголя (29,5%) [21]. Выявлено, что 59,6% прибегающих к самоповреждениям, проявляют признаки наркологических расстройств [11]. Процент употребляющих ПАВ среди подростков с самоповреждающим поведением в четыре раза превышает популяционные показатели [19].

Употребление ПАВ в полимодальных комплексах может также становиться триггером или фактором для других видов аутоагрессии. Так, употребление психоактивных веществ подростками может усиливать суицидальные действия, такие как суицидальные идеи, попытки самоубийства, а также завершённые суициды. Триггерная роль алкоголя отражена в работах Хаффорда [15]. Влияние алкогольной интоксикации на возрастание суицидального риска рассматривается в контексте повышения уровня психологического дистресса, напрямую влияющего на проявление аутоагрессии [8; 10; 17; 6]. Частота и повторяемость суицидальных попыток коррелирует с регулярным употреблением психоактивных веществ [9]. Среди подростков, имеющих самоповреждающее поведение, доля употребляющих психоактивные вещества (сигареты, каннабис, алкоголь) значительно выше, чем у подростков с нормативным поведением [7]. Наиболее выражена связь между суицидальным и несуйцидальным самоповреждением и регулярным употреблением значительных доз алкоголя, среди подростков 13 лет и младше [7; 21]. Около 14% подростков, преимущественно мужского пола, госпитализированных после самоповреждений и суицидальных попыток, сообщали о регулярном употреблении наркотиков [13]. Последующее употребление наркотиков после совершённой попытки становится предиктором новых суицидальных действий. Курение также связано с увеличением риска суицидальных попыток: у курящих он оказывается в 4 раза выше, чем у некурящих [18]. Курящие подростки более подвержены самоповреждающему поведению. Среди курящих девочек отмечается в три раза больше проявлений самоповреждающего поведения. Среди мальчиков такой

тенденции не выявлено. Также в исследованиях показано, что мысли о самоповреждении сопровождаются мыслями об употреблении ПАВ [22].

Последовательная связь между самоповреждающим поведением и употреблением психоактивных веществ также отражена в исследованиях [25;12]. Подростки, имеющие опыт самоповреждающего поведения, подвергаются значительному риску употребления психоактивных веществ и возникновения синдрома зависимости в молодом возрасте (в промежутке между 20 и 30 годами). В нормативной выборке (20—30 лет) употребляли алкоголь свыше рекомендуемой недельной нормы 15—17% молодых людей. В то время как, в группе 20-ти-30-тилетних респондентов с опытом самоповреждающего поведения в подростковом возрасте употребление алкоголя, превышающее недельную норму, составило 23%, злоупотребление алкоголем — 28% [19]. Синдром множественной зависимости наблюдался у 4—5% обследуемых в возрасте 21—25 лет с нормативным поведением в подростковом возрасте и у 15—16% у обследуемых, имевших опыт самоповреждения.

Опираясь на имеющиеся эпидемиологические данные о значимой взаимосвязи употребления ПАВ и рисков развития суицидального и самоповреждающего поведения у подростков, нами было проведено исследование на подростковой популяции, цель которого — сравнить структуру потребления психоактивных веществ при суицидальном, самоповреждающем и нормативном поведении. В исследовании участвовало три группы подростков с выявленными на основе психодиагностического обследования рисками суицидального и самоповреждающего поведения, а также группа сравнения без признаков аутоагрессии: 1) с высоким риском суицидального поведения — $n=131$ (из них 37 мальчиков и 94 девочки); 2) с высоким риском самоповреждающего поведения — $n=142$ (52 мальчика и 90 девочек); 3) группа с нормативным поведением — $n=553$. Для выявления подростков с суицидальным риском использовался опросник СЛ-19 [5]; с самоповреждающим поведением, включая употребление ПАВ (алкоголь, наркотики, табак), применялась «Методика модификации тела и самоповреждения» [1]. Использовались методы статистической обработки данных: методы описательной статистики, статистическое сравнение групп с использованием критерия U Mann—Whitney для независимых выборок.

Результаты исследования. В ходе исследования выявлено, что наибольший процент употребления всех видов психоактивных веществ (алкоголь, табак и наркотики) представлен в группе подростков с высоким риском суицидального поведения: 56% отметили, что употребляют алкоголь, 20,7% — табак и 12,5% — пробовали наркотики. Подростки с рисками самоповреждающего поведения употребляют табак (24,6%), алкоголь (49%) и наркотики (9,9%). В группе подростков с самоповреждающим поведением 49% отметили, что употребляют алкоголь, 25% — табак и 10% — употребляют наркотики. В группе подростков с нормативным поведением получены следующие данные: всего 13% говорят об употреблении алкоголя, 3% — табака и 0,5% — наркотиков. Достоверность различий в группах подтверждена при помощи критерия U Манна—Уитни.

Качественный анализ сочетания разных видов аутоагрессивного поведения у подростков с суицидальным и самоповреждающим поведением позволил выявить следующие результаты: у 50% подростков выявлены мономодальные аутоагрессивные профили (64 человека с суицидальным риском и 70 человек с самоповреждающим поведением). У второй половины подростков выявлены полимодальные аутоагрессивные комплексы, включающие сочетание множественных видов аутоагрессии (самоповреждающее, суицидальное поведение, употребление психоактивных веществ). В ходе клинической беседы, включающей структурированное интервью, осуществлялась верификация полученных в ходе психодиагностического обследования данных. Были выявлены следующие сочетания видов аутоагрессии: 22% — подростки с суицидальным и самоповреждающим поведением, 15% — подростки с суицидальным поведением и употреблением

ПАВ, 13% — подростки с сочетанием самоповреждающего поведения и употребления психоактивных веществ.

Выводы: таким образом, на основе полученных данных выявлено, что для половины подростков, склонных к аутоагрессивному поведению, характерно формирование полимодальных аутоагрессивных комплексов, включающих разные виды аутоагрессивного поведения. Как суицидальное, так и самоповреждающее поведение сопровождается употреблением разных видов психоактивных веществ (алкоголя, табака и наркотиков). Наиболее выражено употребление ПАВ в группе подростков с высоким риском суицидального поведения. Такая специфика проявления подростковой аутоагрессии во многом определяет необходимость разработки комплексных программ профилактики, учитывающих разные виды аутоагрессии.

Литература

1. *Польская Н.А.* Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии: автореф. дисс. ... д-ра психол. наук: 19:00:04/ Польская Наталия Анатольевна; [Место защиты: С.-Петерб. гос ун-т]. Москва, 2017. 51 с.
2. *Ремеева А.Ф., Колотова Ю.З.* Специфика страхов детей из неблагополучных семей и их коррекция [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. Т. 2. № 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n1/50331.shtml> (дата обращения: 21.01.2020).
3. *Ремеева А.Ф., Пальчиков И.А.* Особенности иррациональных установок девиантных подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. Т. 3. № 2. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61028.shtml> (дата обращения: 21.01.2020).
4. *Розанов В.А.* Периферические биологические факторы и биомаркеры суицида // Суицидология. 2018. Т. 9. № 1. С. 3—22.
5. *Юнацкевич П.И., Гилинский Я.И.* Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии. СПб.: Сев.-зап. регион. мед. лечеб.-диагност. центр, 1999. 338с.
6. *Шустов Д.И.* и др. Аутоагрессивная алкогольная личность // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 3. С. 89—109.
7. *Aseltine Jr R.H.* et al. Age variability in the association between heavy episodic drinking and adolescent suicide attempts: findings from a large-scale, school-based screening program // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. 2009. Vol. 48. № 3. P. 262—270.
8. *Cloninger C.R., Sigvardsson S., Bohman M.* Childhood personality predicts alcohol abuse in young adults // Alcoholism: clinical and experimental research. 1988. Vol. 12. № 4. С. 494—505.
9. *Crumley F.E.* Substance abuse and adolescent suicidal behavior // JAMA. 1990. Vol. 263. № 22. P. 3051—3056.
10. *Goldston D.B.* Conceptual issues in understanding the relationship between suicidal behavior and substance use during adolescence // Drug and Alcohol Dependence. 2004. Vol. 76. P. S79—S91.
11. *Franklin J.C.* et al. Risk factors for suicidal thoughts and behaviors: a meta-analysis of 50 years of research // Psychological Bulletin. 2017. Vol. 143. № 2. P. 187.
12. *Hawton K., Rodham K., Evans E., Weatherall, R.* Deliberate self harm in adolescents: self report survey in schools in England // Bmj. 2002. Vol. 325. № 7374. P. 1207—1211.
13. *Hawton K., Harriss L., Hall S., Simkin S., Bale E., Bond, A.* Deliberate self-harm in Oxford, 1990—2000: a time of change in patient characteristics // Psychological medicine. 2003. Vol. 33. № 6. P. 987—995.
14. *Hilt L.M., Nock M.K., Lloyd-Richardson E.E., Prinstein M.J.* Longitudinal study of nonsuicidal self-injury among young adolescents: Rates, correlates, and preliminary test of an interpersonal model // The Journal of Early Adolescence. 2008. Vol. 28. № 3. P. 455—469.
15. *Hufford M.R.* Alcohol and suicidal behavior // Clinical psychology review. 2001. Vol. 21. № 5. P. 797—811.

16. *Kaminer Y.* et al. (ed.). Youth substance abuse and co-occurring disorders. American Psychiatric Pub, 2015.
17. *Khantzian E.J.* The self-medication hypothesis of substance use disorders: A reconsideration and recent applications // Harvard review of psychiatry. 1997. T. 4. № 5. P. 231—244.
18. *Mäkikyrö T.H.* et al. Smoking and suicidality among adolescent psychiatric patients // Journal of Adolescent Health. 2004. Vol. 34. № 3. P. 250—253.
19. *Moran P., Coffey C., Romaniuk H., Degenhardt L., Borschmann R., Patton, G.C.* Substance use in adulthood following adolescent self-harm: a population-based cohort study // Acta Psychiatrica Scandinavica. 2015. Vol. 131. № 1. P. 61—68.
20. *Müller A.* et al. Prevalence and correlates of self-harm in the German general population // PLoS One. 2016. Vol. 11. № 6. P. e0157928.
21. *Nock M.K., Joiner Jr T.E., Gordon K.H., Lloyd-Richardson E., Prinstein M.J.* Non-suicidal self-injury among adolescents: Diagnostic correlates and relation to suicide attempts // Psychiatry research. 2006. Vol. 144. № 1. P. 65—72.
22. *Nock M.K., Prinstein M.J., Sterba S.K.* Revealing the form and function of self-injurious thoughts and behaviors: A real-time ecological assessment study among adolescents and young adults // Journal of abnormal psychology. 2009. Vol. 118. № 4. P. 816.
23. *Nock M.K., Banaji M.R.* Assessment of self-injurious thoughts using a behavioral test // American Journal of Psychiatry. 2007. Vol. 164. № 5. P. 820—823.
24. *Ougrin D., Tranah T., Stahl D., Moran P., Asarnow J.R.* Therapeutic interventions for suicide attempts and self-harm in adolescents: systematic review and meta-analysis // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. 2015. Vol. 54. № 2. P. 97—107. e2.
25. *Patton G.C.* et al. Pubertal stage and deliberate self-harm in adolescents // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. 2007. Vol. 46. № 4. P. 508—514.

References

1. Pol'skaya N.A. Fenomenologiya i funkcii samopovrezhdayushchego povedeniya pri normativnom i narushennom psichicheskom razvitii. Avtopef. diss. doct. psikhol. nauk [Phenomenology and functions of self-harming behavior in normative and disturbed mental development. Dr. Sci. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2017. 51 p.
2. Remeeva A.F., Kolotova Y.Z. Specifics of fears of children from problem families and their correction (continued) [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2012. Vol. 2, no. 2 (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Remeeva A.F., Palchikov I.A. Features of irrational attitudes in deviant adolescents [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2013. Vol. 3, no. 2 (In Russ., abstr. in Engl.)
4. Rozanov V.A. Perifericheskie biologicheskie faktory i biomarkery suicida [Peripheral biological factors and biomarkers of suicide] // *Suicidologiya [Suicidology]*. 2018. Vol. 9. no.1. pp. 3-22.
5. Yunackevich P.I., Gilinskiy Ya. I. Sociologicheskie i psichologo-pedagogicheskie osnovy suicidologii. Sankt-Peterburg: SPb: Sev.-zap. region. med. lecheb.-diagnost. centr; 1999. 338 p.
6. Shustov D.I., Tuchina O.D., Fedotov I.A., Novikov S.A. Self-destructive alcoholic personality. Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2016. Vol. 24, no. 3, pp. 89–109. doi:10.17759/cpp.2016240306. (In Russ., abstr. in Engl.)
7. Aseltine Jr R.H. et al. Age variability in the association between heavy episodic drinking and adolescent suicide attempts: findings from a large-scale, school-based screening program // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. 2009. Vol. 48. № 3. P. 262-270.
8. Cloninger C.R., Sigvardsson S., Bohman M. Childhood personality predicts alcohol abuse in young adults // *Alcoholism: clinical and experimental research.* — 1988. Vol. 12. № 4. P. 494-505.

9. Crumley F.E. Substance abuse and adolescent suicidal behavior //JAMA. 1990. Vol. 263. №. 22. P. 3051-3056.
10. Goldston D.B. Conceptual issues in understanding the relationship between suicidal behavior and substance use during adolescence //Drug and Alcohol Dependence. 2004. Vol. 76. P. S79-S91.
11. Franklin J.C. et al. Risk factors for suicidal thoughts and behaviors: a meta-analysis of 50 years of research //Psychological Bulletin. 2017. Vol. 143. №. 2. P. 187.
12. Hawton K., Rodham K., Evans E., Weatherall, R. Deliberate self harm in adolescents: self report survey in schools in England //Bmj. 2002. Vol. 325. №. 7374. P. 1207-1211.
13. Hawton K., Harriss L., Hall S., Simkin S., Bale E., Bond, A. Deliberate self-harm in Oxford, 1990—2000: a time of change in patient characteristics //Psychological medicine. — 2003. T. 33. — Vol. 6. — P. 987-995.
14. Hilt L.M., Nock M.K., Lloyd-Richardson E.E., Prinstein M.J. Longitudinal study of nonsuicidal self-injury among young adolescents: Rates, correlates, and preliminary test of an interpersonal model //The Journal of Early Adolescence. 2008. Vol. 28. №. 3. P. 455-469.
15. Hufford M.R. Alcohol and suicidal behavior //Clinical psychology review. 2001. Vol. 21. №. 5. — S. 797-811.
16. Kaminer Y. et al. (ed.). Youth substance abuse and co-occurring disorders. American Psychiatric Pub, 2015.
17. Khantzian E.J. The self-medication hypothesis of substance use disorders: A reconsideration and recent applications //Harvard review of psychiatry. 1997. Vol. 4. №. 5. P. 231-244.
18. Mäkikyrö T.H. et al. Smoking and suicidality among adolescent psychiatric patients //Journal of Adolescent Health. 2004. Vol. 34. №. 3. P. 250-253.
19. Moran P., Coffey C., Romaniuk H., Degenhardt L., Borschmann R., Patton, G.C. Substance use in adulthood following adolescent self-harm: a population-based cohort study //Acta Psychiatrica Scandinavica. 2015. Vol. 131. №. 1. P. 61-68.
20. Müller A. et al. Prevalence and correlates of self-harm in the German general population //PLoS one. 2016. Vol. 11. №. 6. P. 0157928
21. Nock M.K. Joiner Jr T.E., Gordon K.H., Lloyd-Richardson E., Prinstein M.J. Non-suicidal self-injury among adolescents: Diagnostic correlates and relation to suicide attempts //Psychiatry research. 2006. Vol. 144. №. 1. P. 65-72.
22. Nock M.K., Prinstein M.J., Sterba S.K. Revealing the form and function of self-injurious thoughts and behaviors: A real-time ecological assessment study among adolescents and young adults //Journal of abnormal psychology. 2009. Vol. 118. №. 4. P. 816.
23. Nock M.K., Banaji M.R. Assessment of self-injurious thoughts using a behavioral test //American Journal of Psychiatry. 2007. Vol. 164. №. 5. P. 820-823.
24. Ougrin D., Tranah T., Stahl D., Moran P., Asarnow J.R. Therapeutic interventions for suicide attempts and self-harm in adolescents: systematic review and meta-analysis //Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. 2015. Vol. 54. №. 2. P. 97-107. e2.
25. Patton G.C. et al. Pubertal stage and deliberate self-harm in adolescents //Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. 2007. Vol. 46. №. 4. P. 508-514.

Реакции детей и подростков на сексуальный онлайн груминг

Медведева А.С.

ФБУ «Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы» Минюста России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0921-588X>, e-mail: 98765_89@mail.ru

Во всем мире дети и подростки активно используют сеть Интернет для знакомства и общения с другими людьми. Это привело к росту случаев сексуального домогательства несовершеннолетних со стороны взрослых людей в виртуальном пространстве (онлайн грумингу). В статье представлены результаты исследования 186 коммуникаций между взрослыми мужчинами и детьми, включающих в себя установление первичного контакта между ними и его дальнейшее развитие. С помощью качественного анализа и методов описательной статистики описаны различные реакции детей на новый контакт и психологическое воздействие взрослых людей, в том числе в зависимости от стадий груминга. Сделан вывод об общей устойчивости молодых людей к сексуальному домогательству. Указаны факторы, повышающие данную устойчивость, и применяемые молодыми людьми способы пресечения нежелательного общения. Также выделены факторы уязвимости для онлайн груминга. Предложены направления для дальнейших исследований проблематики.

Ключевые слова: онлайн груминг, дети, общение, Интернет, несовершеннолетние, реакции.

Для цитаты: Медведева А.С. Реакции детей и подростков на сексуальный онлайн груминг [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 44-54. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100111>

Reactions of children and adolescents to sexual online grooming

Anna S. Medvedeva

Federal State Institution North-West Regional Center for Forensic Expertise of the Ministry of Justice of Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0921-588X>, e-mail: 98765_89@mail.ru

All over the world, children and adolescents actively use the Internet to meet and communicate with others. This provoke an increase of cases of sexual harassment of minors by adults in the virtual reality (online grooming). The article presents the results of a study of 186 communications between male adult and children, including the establishment of a primary contact between them and its further development. Using qualitative analysis and descriptive statistics methods, various reactions of children to a new contact and the psychological impact of adults are described, including the dependance on the grooming stages. The conclusion is made about the general resistance of young people to sexual harassment. The factors that increase the stability and the methods used by young people to suppress unwanted communication are indicated. Vulnerabilities for online grooming are also highlighted. Directions for further research of the problem are proposed.

Keywords: online grooming, children, chatting, internet, minors, reactions.

For citation: Medvedeva A.S. Reactions of children and adolescents to sexual online grooming. *Psikhologiya i pravo*, 2020. Vol. 10, no. 1. p.123-132. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100111>

В связи с ростом значимости использования информационно-коммуникационных технологий социальная ситуация развития молодого поколения изменилась. Согласно исследованиям, каждый восьмой российский подросток 14—17 лет сообщает, что «живет в Интернете» [4]. Исследование С.Н. Вачковой [2] показало, что среди 5889 подростков 81,77% общаются в Сети. При этом многие считают виртуальное общение более комфортным, чем живое. Исследования А.Б. Холмогоровой и ее коллег [7] свидетельствуют о том, что подростки, отдающие предпочтение общению в социальных сетях, отличаются более выраженным страхом негативной оценки со стороны окружающих и имеют высокие показатели по параметрам социальной тревожности.

Интернет позволяет несовершеннолетним общаться с людьми разных возрастных групп на любом расстоянии, находить информацию практически по любым вопросам, в том числе сексуальным. Находясь дома у своего компьютера, имея возможность писать анонимно, дети могут чувствовать себя в безопасности, не зная об интернет-угрозах и не осознавая их риски [12; 15].

К таким угрозам относится сексуальное домогательство со стороны взрослых людей в Сети (сексуальный онлайн груминг), случаи которого во всем мире участились. Груминг реализуется в форме виртуального общения с ребенком, в течение которого взрослые люди стремятся получить интимные материалы детей, организовать с ними встречу в реальном мире и/или виртуальную сексуальную коммуникацию [6], используя разнообразные тактики [8; 10; 11].

Зарубежные исследования [14] выделяют в качестве факторов уязвимости подростковый возраст, неуверенность ребенка в себе и низкую самооценку, стремление проверить свою сексуальность, ограниченные возможности здоровья, социальную изоляцию, отсутствие родительского контроля за использованием ребенком сети Интернет. Другим фактором уязвимости несовершеннолетних для онлайн груминга может выступать их искаженное представление себя в Интернете, приводящее к новому расторможенному поведению [16].

При столкновении с онлайн грумингом молодые люди реагируют различным образом. S. Webster и его коллеги [13] предлагают следующую классификацию потерпевших: 1) устойчивые; 2) склонные к рискованному поведению; 3) уязвимые. Они отмечают, что большая часть молодых людей относится к устойчивому типу и пресекают попытки груминга. В то же время важно обратить внимание на последствия подобного столкновения. По результатам отечественных исследований [5], оно оказывается более психотравмирующим для младших подростков, которые чаще всего не предпринимают активных действий для его пресечения, в то время как старшие подростки в подобных ситуациях предпочитают активные стратегии совладания.

Сексуальный онлайн груминг как процесс взаимодействия двух человек зависит от особенностей реакции на него детей и подростков. Предполагается, что молодые люди могут эффективно пресекать попытки сексуального домогательства и нежелательное общение в целом, в связи с чем цель настоящего исследования — описать их реакции на онлайн груминг.

Материалы и методы исследования

Исследование проведено на материале, представляющем собой 186 транскриптов диалогов между взрослыми людьми и несовершеннолетними, преимущественно реализованных в социальной сети «ВКонтакте».

Участниками диалогов стали:

- 186 детей и подростков в возрасте от 8 до 17 лет (средний возраст 13,3 лет ± 1,95 года), среди которых 15 мальчиков и 171 девочка;

- 13 мужчин в возрасте от 22 до 46 лет (средний возраст 34,2 года \pm 8,09 лет). Каждый из них совершил разное количество коммуникаций.

Переписки осуществлялись с 2013 по 2017 год и имеют разные объемы (от 2 до свыше 1000 сообщений). Длительность диалогов варьирует от 1—2 дней до 3 месяцев, их средняя продолжительность составляет 4,0 дня \pm 13,0 дней.

Анализ коммуникаций осуществлялся при помощи разработанной статистической карты, в которой выделены 50 показателей, характеризующих особенности реагирования детей и подростков на сексуальный онлайн груминг. Обработка информации проводилась методами описательной статистики и качественного анализа.

Результаты и их интерпретация

Инициировав знакомство, взрослые грумеры, как правило, начинают общение нейтрально: приветствуют своих юных собеседников, интересуются, как у них дела, спрашивают об увлечениях, опираясь на информацию, публикуемую детьми на своих страницах социальной сети, и постепенно внедряя сексуальные темы. В случаях, если взрослые находят детей и подростков в группах знакомств или сексуально ориентированных сообществах социальной сети, это стимулирует их к более быстрому внедрению в беседу сексуальных тем. Е.А. Алиева [1] в качестве таких сообществ выделяет группы под названиями «яой», «юри», «сетакон», «лоликон».

Привлекшие внимание грумеров дети были разделены на 3 группы, исходя из особенностей их общей реакции на новый контакт (табл. 1).

Таблица 1

Общая реакция несовершеннолетних на контакт со взрослым грумером

Реакция	Количество несовершеннолетних (в % от 186 человек)	
Отказ от общения со взрослым как первичная реакция, не зависящая от предмета разговора	38,7%	
Готовность общаться со взрослым исключительно на нейтральные (не сексуальные) темы	26,3%	
Готовность общаться на сексуальные темы	4,9%	со взрослым — 30,6%
		с другим ребенком (в случаях, когда грумер выдавал себя за него) — 4,3%

В 38,7% случаев дети и подростки быстро проявляли отказ от общения, несмотря на то, что в попытке завоевать доверие грумеры начинали общение с нейтральных тем, делали комплименты или пытались их обмануть, выдавая себя за модельных агентов или режиссеров по кастингам, проявляли интерес к жизни, делам и увлечениям юных собеседников. Такие переписки, как правило, были краткосрочными (в среднем 10,5 \pm 6,5 сообщений). Особенности реакций детей данной группы на сообщения грумеров представлены в табл. 2.

Таблица 2

Особенности реагирования несовершеннолетних, быстро отказавшихся от общения с грумером

Реакции		Количество несовершеннолетних (в % от 186 человек)
Общие реакции на новый контакт	Стремление получить информацию: - о личности грумера и его коммуникативных целях; - о возрасте грумера	15,5% 6,4%
	Указание на отсутствие заинтересованности в общении	12,9%
	Отрицание наличия общих интересов с грумером	7,5%
	Указание на свой юный возраст, возрастное несоответствие с грумером	5,9%
Способы прекратить общение	Вербальные агрессивные реакции, негативная оценка личности и поведения грумера	18,2%
	Игнорирование сообщений грумера, повлекшее окончание переписки	7,5%
	Вежливый отказ грумеру в продолжении общения	3,7%
	Требования грумеру прекратить присылать сообщения	3,7%

Основными причинами отказа несовершеннолетних от общения со взрослыми являлись разница в возрасте между ними и отсутствие заинтересованности. Независимо от предмета разговора, содержания сообщений грумера молодые люди не испытывали потребности создать дружеские отношения со взрослым человеком, чаще всего они проявляли агрессию (иногда в первой же ответной реплике) или игнорировали сообщения взрослых, что способствовало прекращению общения с ними. Несовершеннолетние сравнивали себя и собеседника по возрасту, и полученная разница служила индикатором недозволённости общения. Кроме того, они стремились понять, по какой причине взрослый им пишет, выясняли информацию о нем и в дальнейшем, понимая, что объективных причин для общения нет, проявляли агрессию: критиковали и оскорбляли взрослых, использовали ненормативную лексику, в ряде случаев угрожали физической расправой или каким-либо наказанием «свыше», указывали на противоправность их действий. Дети и подростки этой группы демонстрировали уверенность в том, что общаться со взрослыми без объективных причин нельзя, у них не проявлялся сексуальный интерес и желание выяснить соответствующие вопросы, не обнаруживалось стремление установить новые дружеские взаимоотношения со взрослым человеком. Некоторые из них были осведомлены о киберугрозах, о заманивании несовершеннолетних посредством сети Интернет, знакомы с термином «педофилия».

В 26,3% случаев дети и подростки были готовы беседовать со взрослыми людьми на темы, не связанные с сексуальной жизнью, однако, как только они понимали, что общение будет носить

именно сексуальный характер, отказывались от него, также проявляя агрессию или игнорируя сообщения. Реакции несовершеннолетних данной категории указаны в табл. 3.

Таблица 3

Особенности реагирования несовершеннолетних, проявивших интерес к общению, но отказавшихся от контакта с грумером в связи с внедрением им сексуальных тем

Реакции		Количество несовершеннолетних (в % от 186 человек)
Стадия вступления в контакт	Стремление получить информацию: - о личности грумера и его коммуникативных целях; - о возрасте грумера	18,2% 8,6%
	Сообщение грумеру о своем возрасте	4,8%
	Благодарность грумеру за сделанный им комплимент	3,7%
Стадия подготовки несовершеннолетних к обсуждению сексуальных тем	Проявление подозрительности, сомнений в доброжелательности намерений грумера	1,6%
	Разоблачение грумера, понимание его мотивов и цели	1,6%
	Агрессивные реакции	11,2%
	Деструктивная критика грумера	6,9%
	Игнорирование сообщений грумера, повлекшее окончание переписки	12,9%
	Вежливый отказ грумеру в продолжении общения	4,3%

Для несовершеннолетних, готовых общаться только на нейтральные темы, возрастное несоответствие собеседнику не являлось препятствием, они проявляли дружелюбие и интерес. На первом этапе коммуникации взрослые так же, как и в предыдущей группе, использовали тактики онлайн груминга, направленные на установление контакта и завоевание их доверия (обман, комплименты, выяснение информации, демонстрация интереса к жизни собеседника). В связи с готовностью детей и подростков общаться и подружиться, их общение с грумерами переходило на стадию подготовки к обсуждению сексуальных тем, на которой взрослыми осуществлялись поиск информации о сексуальном опыте ребенка, провокативные высказывания с целью вызвать их опровержение и раскрепощение собеседника («Жаль, что ты еще маленькая»), убеждение в дозволенности и необходимости вступления в сексуальный контакт. После возникновения сексуальной направленности беседы несовершеннолетние игнорировали сообщения грумера, вежливо пресекали общение с ним, или, напротив, проявляли агрессию.

В оставшихся 34,9% случаев дети в беседе с грумерами достигли стадии сексуальной коммуникативной активности и проявили различные реакции, представленные в табл. 4.

Таблица 4

Особенности реагирования несовершеннолетних, согласившихся на общение с грумером

Стадии общения	Реакции	Количество несовершеннолетних (в % от 186 человек)	
Стадия вступления в контакт	Стремление получить информацию: - о личности грумера; - о возрасте грумера	13,9% 16,6%	
	Сообщение грумеру о своем возрасте	11,2%	
	Комплименты грумеру	5,3%	
	Выяснение мотивов грумера	4,8%	
	Стремление связаться по телефону или скайпу	1,6%	
	Предложение дружбы	1,0%	
Стадия подготовки несовершеннолетних к обсуждению сексуальных тем	Сообщение о неготовности вступать в сексуальные отношения	8,0%	
	Демонстрация неловкости, стеснения	3,7%	
	Стремление сменить тему разговора с сексуальной на нейтральную, рассказать о себе	2,1%	
Стадия сексуальной коммуникативной активности	Активное участие	Рассказ о своем сексуальном опыте	19,8%
		Предоставление грумеру личных интимных материалов	10,2%
		Демонстрация желания вступить в сексуальный контакт	9,6%
		Поиск информации о сексуальном опыте грумера	6,9%
		Выяснение у грумера различных сексуальных вопросов	5,9%
		Стремление получить интимные материалы грумера	5,9%
		Стремление получить от грумера подарок, награду	5,9%
		Предложение грумеру организовать личную встречу	5,3%
	Стремление прекратить общение	Демонстрация страха	4,8%
		Агрессивные реакции	4,3%

		Стремление защититься при помощи близких людей	3,7%
		Призыв грумера к морали и ответственности	3,7%
		Мольба и просьбы не осуществлять угрозы	2,6%

На первых двух стадиях общения грумеры использовали тактики, которые были описаны в предыдущих случаях. В дальнейшем наступала стадия сексуальной коммуникативной активности, на которой грумеры обучали собеседников сексуальным вопросам, рассказывали о своем сексуальном опыте, демонстрировали интимные материалы и свои положительные чувства к юным собеседникам, высказывали просьбы и требования, обещали награду, сравнивали детей и подростков с их сексуально раскрепощенными сверстниками с целью вызвать реакцию подражания. Дети указанной группы проявляли доверчивость к грумерам и любопытство, иногда у них формировалось чувство влюбленности, они испытывали потребность соответствовать новому другу, вести себя как взрослый человек, обсуждать «взрослые» темы, у них возникал страх того, что новый друг может в них разочароваться. Вместе с тем грумеры также давали понять детям, что если они не будут соответствовать их ожиданиям и интересам, то отношения прекратятся.

На стадии сексуальной коммуникативной активности 11,2% молодых людей стремились пресечь общение вследствие ряда причин: 1) нежелания предоставлять свои интимные материалы или предоставлять материалы, более сексуально откровенные, чем те, которые уже были посланы грумеру; 2) неготовности переносить виртуальное общение в реальный мир; 3) пресыщения общением, когда получали ответы на все интересующие вопросы. В случае прекращения подчинения несовершеннолетних грумеры угрожали распространить ранее полученные от них интимные материалы или переписку в Сети, шантажировали, деструктивно критиковали, указывали на безвыходность ситуации и на виновность самих детей в происходящем, призывали к мнимой ответственности за близких людей. В большей степени потерпевшие испытывали страх того, что их родные и близкие узнают о сексуальной переписке, получают их интимные материалы; они умоляли грумеров не предавать их коммуникацию огласке, звали к их морали и ответственности, в ряде случаев были вынуждены продолжать общение со взрослым до тех пор, пока грумер не позволял им его прекратить.

В результате сексуальной коммуникативной активности 10,2% несовершеннолетних предоставили грумерам свои личные материалы (фотографии и видеозаписи) интимного характера, в 11,8% случаев они осуществляли виртуальную сексуальную коммуникацию, а 0,5% всех детей и подростков встретились с грумером в реальной жизни.

Все согласившиеся на общение со взрослыми несовершеннолетние проявили доверчивость, раскованное поведение, оказались уязвимыми для тактик онлайн груминга. Это может свидетельствовать об их неспособности адекватно оценить опасности нового знакомства, а в ряде случаев — о повышенной сексуализированности. Обнаруживается также зависимость некоторых детей и подростков от обещаний грумерами вознаграждения за требуемые ими услуги (чаще всего — за предоставление интимных материалов).

В целом, полученные результаты указывают на устойчивость детей и подростков к онлайн грумингу в случае, если они не были обмануты и введены в заблуждение, поскольку в 65% случаев они вовсе отказались обсуждать с грумерами сексуальные темы, а те, кто проявили

любопытство к подобным разговорам, не во всех случаях способствовали реализации коммуникативной цели грумеров. Устойчивость к онлайн грумингу проявляют дети, осведомленные в вопросах интернет-угроз, выражающие недоверие к предложениям взрослых и понимающие, что общение с незнакомыми взрослыми людьми не является нормальным и дозволенным. Нередко несовершеннолетние сообщали грумерам о том, что расскажут о переписке своим родителям, что позволяет заключить о наличии у таких детей доверительных отношений с родными людьми, а также о способности использовать социальную поддержку.

Заключение

Сексуальный онлайн груминг представляет серьезную угрозу для современных детей и подростков, не менее опасную, чем столкновение с преступником в реальной жизни. Для повышения устойчивости молодых людей к онлайн грумингу представляется необходимым создать условия, при которых они будут осознавать существование проблемы сексуальной эксплуатации в сети Интернет, научатся пресекать нежелательное общение, не испытывать страха перед тем, чтобы рассказать другим людям о своем противоречивом или негативном опыте. Чрезвычайно важным является наличие позитивной поддержки ребенка со стороны его родителей, которые в то же время должны контролировать активность своих детей в сети Интернет. Не менее важным представляется психологическое исследование ребенка, пострадавшего от сексуального груминга, его позиции и восприятия происшедшего, уязвимости и способности к сопротивлению, последствий совершенного по отношению к нему преступления. Более полные сведения о перечисленных явлениях помогут выработать меры профилактики такого рода преступных действий по отношению к детям и подросткам.

Литература

1. Алиева Е.А. Сеть Интернет как средство совершения развратных действий // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 180—182.
2. Вачкова С.Н. Особенности сетевых форм коммуникации современных школьников // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 4. С. 135—144.
3. Дозорцева Е.Г., Медведева А.С. Сексуальный онлайн груминг как объект психологического исследования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Т. 9. № 2. С. 250—263. doi:10.17759/psylaw.2019090217 (дата обращения: 06.01.2020).
4. Солдатова Г., Кропалева Е. Территория свободы: особенности российских школьников как пользователей Интернета [Электронный ресурс] // Дети в информационном обществе. 2009. № 2. С. 36—43. URL: http://detionline.com/assets/files/journal/2/research1_2.pdf (дата обращения: 06.01.2020).
5. Солдатова Г., Рассказова Е., Зотова Е., Лебешева М., Роггендорф П. Дети России онлайн. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России [Электронный ресурс] // URL: <http://psypublic.com/assets/files/EU-Kids-Online-II-in-Russia.pdf> (дата обращения: 09.01.2020).
6. Медведева А.С., Дозорцева Е.Г. Характеристики онлайн груминга как вида сексуальной эксплуатации несовершеннолетних (по результатам анализа переписок взрослых и детей в сети Интернет) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 161—173. doi:10.17759/psylaw.2019090412
7. Холмогорова А.Б., Авакян Т.В., Клименкова Е.Н., Малюкова Д.А. Общение в Интернете и социальная тревожность у подростков из разных социальных групп // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 4. С. 102—129. doi:10.17759/cpp.2015230407
8. Berson I.R. Grooming cybervictims: The psychosocial effects of online exploitation for youth // Journal of School Violence. 2003. Т. 2. Р. 5—18. doi:10.1300/J202v02n01_02

9. *Campbell A.M.* False faces and broken lives: An exploratory study of the interaction behaviors used by male sex offenders in relating to victims // *Journal of Language and Social Psychology*. 2009. Т. 28. P. 428—440. doi:10.1177/0261927X09341948
10. *Grosskopf A.* Online interactions involving suspected paedophiles who engage in male children [Электронный ресурс] // *Trends & Issues in Crime and Criminal Justice*. 2010. Т. 403. P. 1—6. URL: <https://search.informit.com.au/documentSummary;dn=846280530344276;res=IELHSS> (дата обращения: 12.01.2020).
11. *O'Connell R.* A typology of child cybersexploitation and online grooming practices [Электронный ресурс] // *Cyberspace Research Unit, University of Central Lancashire*. 2003. URL: http://www.jisc.ac.uk/uploaded_documents/lis_PaperJPrice.pdf (дата обращения: 06.01.2020).
12. *Suler J.* The online disinhibition effect [Электронный ресурс] // *Cyberpsychology & Behavior*. 2004. Т. 7(3). P. 321—326. URL: <http://dx.doi.org/10.1089/1094931041291295> (дата обращения: 25.11.2019).
13. *Webster S., Davidson J., Bifulco A., Gottschalk P., Caretti V., Pham T., Grove-Hills J.* European Online Grooming: Project final report [Электронный ресурс] // www.academia.edu. 2012. С. 1—152. URL: https://www.academia.edu/23987615/European_Online_Grooming_Project_-_Final_Report (дата обращения: 12.01.2020).
14. *Whittle H., Hamilton-Giachritsis C., Beech A., Collings G.* A review of online grooming: Characteristics and concerns // *Aggression and Violent Behavior*. 2013. Т. 18(1). P. 62—70.
15. *Whittle H., Hamilton-Giachritsis C., Beech A., Collings G.* A review of young people's vulnerabilities to online grooming // *Aggression and Violent Behavior*. 2013. Т. 18. P. 135—146.
16. *Yee N., Bailenson J.* The proteus effect: The effect of transformed self representation on behaviour [Электронный ресурс] // *Human Communication Research*. 2007. Т. 33. P. 271—290. URL: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-2958.2007.00299> (дата обращения: 06.01.2020).

References

1. *Alieva E.A.* Set' internet kak sredstvo soversheniya razvratnykh dejstvij [Internet as a means of committing indecent acts]. Probely v rossijskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation]. 2017. No. 4. P. 180-182 (In Russ. abstr. in Engl.).
2. *Vachkova S.N.* Osobennosti setevykh form kommunikatsii sovremennykh shkol'nikov [Features of Internet Communication in Modern Schoolchildren]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. 2014. Vol. 5. No. 4. P. 135-144 (In Russ. abstr. in Engl.).
3. *Dozortseva E.G., Medvedeva A.S.* Sexual online grooming as an object of psychological research [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law]. 2019(9). No. 2. P. 250—263. doi: 10.17759/psylaw.2019090217 (Accessed: 06.01.2020) (In Russ. abstr. in Engl.).
4. *Soldatova G., Kropaleva E.* Territoria svobody. Osobennosti rossiiskikh shkol'nikov kak pol'zovatelei Interneta [Territory of freedom. Features of Russian school children as Internet users]. *Deti v informatsionnom obshchestve* [Children in the information society]. 2009. Vol. 2. P. 36-43. URL: http://detionline.com/assets/files/journal/2/research1_2.pdf (Accessed: 06.01.2020) (In Russ. abstr. in Engl.).
5. *Soldatova G. et. al.* Deti Rossii onlajn. Rezul'taty mezhdunarodnogo proekta EU Kids Online II v Rossii [Russian children online. The results of the international project EU Kids Online II in Russia] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://psypublic.com/assets/files/EU-Kids-Online-II-in-Russia.pdf> (Accessed: 09.01.2020). (In Russ. abstr. in Engl.).
6. *Medvedeva A.S., Dozortseva E.G.* Features of online grooming as a form of sexual exploitation of minors (based on the analysis of communication between adults and children in the Internet) [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law]. 2019(9). No. 4. P. 161-173. doi: 10.17759/psylaw.2019090412 (Accessed: 06.01.2020) (In Russ. abstr. in Engl.).

7. *Kholmogorova A.B., Avakyan T.V., Klimenkova E.N., Malyukova D.A.* Internet communication and social anxiety among different social groups of adolescents. *Counseling Psychology and Psychotheratia [Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoteratiya]*. 2015. Vol. 23. No. 4. P. 102-129 doi:10.17759/cpp.2015230407 (In Russ. abstr. in Engl.).
8. *Berson I.R.* Grooming cybervictims: The psychosocial effects of online exploitation for youth // *Journal of School Violence*. 2003. Vol. 2. P. 5-18. doi:10.1300/J202v02n01_02
9. *Campbell A.M.* False faces and broken lives: An exploratory study of the interaction behaviors used by male sex offenders in relating to victims // *Journal of Language and Social Psychology*. 2009. Vol. 28. P. 428-440. doi:10.1177/0261927X09341948
10. *Grosskopf A.* Online interactions involving suspected paedophiles who engage in male children [Электронный ресурс] // *Trends & Issues in Crime and Criminal Justice*. 2010. Vol. 403. P. 1-6. URL: <https://search.informit.com.au/documentSummary;dn=846280530344276;res=IELHSS> (Accessed: 12.01.2020).
11. *O'Connell R.* A typology of child cybersexploitation and online grooming practices [Электронный ресурс] // *Cyberspace Research Unit, University of Central Lancashire*. 2003. URL: http://www.jisc.ac.uk/uploaded_documents/lis_PaperJPrice.pdf (Accessed: 06.01.2020).
12. *Suler J.* The online disinhibition effect [Электронный ресурс] // *Cyberpsychology & Behavior*. 2004. Vol. 7 (3). P. 321—326. URL: <http://dx.doi.org/10.1089/1094931041291295> (Accessed: 25.11.2019).
13. *Webster S., Davidson J., Bifulco A., Gottschalk P., Caretti V., Pham T., Grove-Hills J.* European Online Grooming: Project final report [Электронный ресурс] // www.academia.edu. 2012. P. 1—152. URL: https://www.academia.edu/23987615/European_Online_Grooming_Project_-_Final_Report (Accessed: 12.01.2020).
14. *Whittle H., Hamilton-Giachritsis C., Beech A., Collings G.* A review of online grooming: Characteristics and concerns // *Aggression and Violent Behavior*. 2013. Vol. 18 (1). P. 62—70.
15. *Whittle H., Hamilton-Giachritsis C., Beech A., Collings G.* A review of young people's vulnerabilities to online grooming // *Aggression and Violent Behavior*. 2013. Vol. 18. P. 135—146.
16. *Yee N., Bailenson J.* The proteus effect: The effect of transformed self representation on behaviour // *Human Communication Research*. 2007. Vol. 33. P. 271—290. URL: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-2958.2007.00299> (Accessed: 06.01.2020).

The Image of Judges and Courts Perceived by Children

Ksenija Čunichina

Vilnius University, Vilnius, Lithuania

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4626-842X>, e-mail: ksenija.cunichina@fsf.vu.lt

Gintautas Valickas

Vilnius University, Vilnius, Lithuania

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9488-7172>, e-mail: gintautas.valickas@fsf.vu.lt

Vytautas Navickas

Vilnius University, Vilnius, Lithuania

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2399-6229>

Vilmantė Pakalniškienė

Vilnius University, Vilnius, Lithuania

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8042-2910>

A view on law, legislation, law-enforcement institutions and officers formed in childhood may affect personal views and behavior in adulthood. Development of such an image is important aspect of legal socialization process as it may be crucial for law compliance, interaction with law enforcement officers and trust in legal system, etc. The present study was focused at filling the gap in the studies revealing perceived image of judges and courts formed in childhood. 110 boys and 112 girls, aged 7 – 10, participated in the study. To evaluate the image of judges and courts Draw-A-Judge-Test followed by semi-structured interview was used. The results revealed that 7–10-year-olds have a more or less realistic mental picture of judges and their working place. No gender or age differences were revealed comparing both: realism and character of judge image in drawings. Realism of the drawings was related to the source of information about courts and judges. The analysis of verbal responses showed that younger children possess more positive environmental image of a court, while older children have less positive social image of a judge.

Keywords: judges, courts, image, child perceptions.

Funding: This work was supported by grant № MIP-015/2013.

The data presented in this paper was partially published in the book “Social perception of judges’ behavior and image” / Ed. by Valickas, G. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2018 (in Lithuanian).

For citation: Čunichina K., Valickas G., Navickas V., Pakalniškienė V. The image of judges and courts perceived by children. *Psichologija i pravo*, 2020. Vol. 10, no. 1. p.133-142. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100112>

A growing body of research [e.g. 7; 33; 39; 46] indicates that the image can be understood as a mental picture of officers, institution or organization. This mental picture reflects the features of an institution or organization (e.g. services provided, behavior with clients, institution achievements, etc.), covering also beliefs, knowledge, emotional experiences and values connected with it. Image may be CC BY-NC

created on the basis of both direct (e.g. interaction with the representatives of a institution or organization) and indirect experience (e.g. mass media materials, advertisements, popular culture products, other people's personal judgements, etc.) [1; 19; 32; 33].

Literature analysis [see 20; 33; 39] allows us to determine three major aspects of the image of judges / courts: a) image of the environment (e.g. condition of court buildings, outward appearance of judges, availability of information about courts); b) image of services (e.g. quality of services provided by courts, duration of litigation, the manner of interaction with the litigants); c) social image (e.g. prestige related to the profession of a judge, respect shown to judges by people, judges' reputation and competence).

Although inquiries into the image of law-enforcement officers and institutions are not too numerous, they have started in 1960s [e.g. 23; 34]. Some authors state that the image of courts, lawyers and police officers is positive within society [1; 14], other argue that this image is negative [15; 35]. However, in spite of such different image evaluations, it has been asserted that improvement of the image of law-enforcement officers and institutions is a vital priority task [9; 15; 18; 23].

Beyond any doubt, the formation of the image of law-enforcement officers and institutions starts in childhood, when legal socialization of the personality begins. The following two major factors may be singled out in this process [2; 11; 12; 17; 22; 29; 40; 41; 44]: a) personality's direct encounter with the law, legislation, law-enforcement institutions or their representatives (e.g. when a child is a victim or a witness); b) personality's indirect experience which is acquired through interaction with family members, friends, acquaintances, and mass media. Both factors are crucial for image formation and shaping during later stages of development.

Accumulated findings suggest that a view on law, legislation, law-enforcement institutions and officers formed in childhood and / or adolescence may affect personal views and behavior (e.g. law compliance, interaction with law-enforcement officers) in adulthood [4; 11; 16; 30; 40; 41; 42; 45]. In other words, each preceding stage of legal socialization affects subsequent stages of personality development. On the other hand, while legal socialization is an important aspect of personality development, determining the law compliance and support given to the representatives of legal authorities [11; 40; 41; 42], it has still missed due attention throughout the stages of development preceding adulthood. For example, we succeeded in finding only a few studies about image of law-enforcement officers developed by children [e.g. 4; 8]. However, we can see the growing interest in other images, possessed by children: image of a father, mother and God [3; 10; 36], image of a scientist [6; 26], image of the enemy [24; 25], image of an intelligent person [31], or a political leader [13].

Despite the salience of the image of law-enforcement officers and institutions, studies of it are still largely missing. The gap in the studies revealing the image of judges and courts, as well as unclear features of it perceived in childhood prompted us to carry out the present research. It is aimed at revealing the image of judges / courts perceived by 7-10-year-olds. The present study answers following questions: a) what is the character of the image (its separate aspects) of judges / courts perceived by 7-10-year-olds? and b) is the image of judges / courts perceived by 7-10-year-olds related to their experience and socio-demographic characteristics?

Methodology

Participants and evaluation methods

222 participants (110 boys and 112 girls) – 7-10-year old students took part in the study. Participants had to submit an informed consent signed by their parents. The informed consent involved the purpose of the study, test duration and information about parents' education and profession.

Draw – A – Judge – Test technique

The image of judges and courts perceived by 7-10-year-olds was evaluated using a modified version of DAST (Draw – A – Scientist – Test) [6] widely used to evaluate children's perception of various professions. Numerous authors have employed a combination of drawing and interviewing techniques for the research of the image of law-enforcement officers and other people perceived by children [4; 8; 38; 47]. To evaluate 7-10-year-old children's perception of the image of judges and courts a modified DAST was followed by a semi-structured interview. The participants were asked to draw a judge at his/her working place. After this task was completed, the children were asked several questions: a) socio-demographic (e.g. child's age, had a child or his/her parents participated in a trial); b) about the drawing (e.g. "What do we see in your drawing?", "Is the judge a man or a woman?"); c) about the image of surrounding (e.g. "How does the court building look?"); d) about services provided (e.g. "How do judges treat people during court hearings?"); e) about social image (e.g. "Would you like to be a judge when you grow up (why)?").

Research procedure

Each participant was invited to a room where he/she was offered six color pencils (red, yellow, blue, green, brown, black), a standard writing pencil, an eraser, a pencil sharpener, and an A4 sheet of paper. The instruction given to the participants was: "Could you please draw a judge at the court (in a courtroom), which is in the judge's working place". Time allotted for drawing was not limited. When the drawing was completed, the participant was interviewed using questions from a semi-structured questionnaire prepared in advance. The research was carried out individually; the duration of testing per child was 30-40 min.

Data analysis procedure

Prior to the data analysis, 40 drawings and verbal responses were rated by four independent raters. Intraclass correlation coefficients fluctuated from 0.84 to 0.94. Upon finding that the internal consistency among the raters was sufficiently high, each of them was provided with approximately 45 drawings and verbal responses for evaluation.

Analysis of drawings

Drawings were rated on the basis of two aspects – realism and character of the image of depicted judge. Realism of drawings was evaluated according five indicators: a) participants in the trial process; b) judge's gavel and other attributes; c) judge's rostrum; d) judge wearing special clothes; e) state symbols. Realism score was represented by the total number of indicators presented in the drawings (one or no realism indicators were categorized as non-true-to-life drawings, two to three realism indicators – as medium true-to-life ones, and drawings containing four to five realism indicators – as true-to-life ones).

Character of the image of depicted judge was rated on a 3-point scale (-1 – negative, 0 – neutral, +1 – positive). The following three aspects of the judge image were rated: a) facial expression (negative, neutral, positive); b) prevailing colors (dark, neutral, light); c) the character of environment (domestic, neutral, solemn). Mean of these ratings represented the depicted judge image character score. According to the scores, the character of the image was categorized as neutral, positive or negative.

Analysis of verbal responses

Verbal responses were rated on a 3-point scale (-1 – negative, 0 – neutral, and +1 – positive aspect of image). Different aspects of the image (environmental image, provided service image and the social image) scores were computed by extracting the means of verbal responses' ratings. Primary data analysis showed that data is not normally distributed, so non-parametric tests were applied for statistical analysis.

Findings

More than a two thirds of participants (70.7%, $n = 157$) produced a drawing of a male judge, while 29.3 % ($n = 65$) – of a female judge. Boys compared to girls drew a male judge statistically significantly more often ($\chi^2 = 23.8$, $p < 0,001$).

Realism of drawings

Analysis of the realism of drawings showed that 7–10-year-olds have formed a more or less true to life picture of courts and judges ($M = 2.48$, $SD = 1.35$). It was found that more than a half ($n = 118$; 53.2 %) of 7–10-year-olds have formed a more or less accurate picture of judges and courts. Almost one fourth of participants ($n = 51$; 22.9 %) produced non-true-to-life drawings; another one fourth ($n = 53$; 23.9%) – true-to-life ones.

The most frequently depicted indicators of realism included judge's rostrum, present in 159 (71.6%) drawings, and secondary attributes, such as gavel or judge's files, depicted in 139 drawings (62.6%), as well as trial participants, depicted in 108 cases (48.6%) and the judge dress, present in 101 drawings (45.5%). The least common indicators were the symbols of state and solemnity, depicted only in 44 drawings (19.8%).

Realism of drawings and gender / age

We tested whether girls and boys imagined judges and courts in a similar way. Statistical data analysis (Mann-Whitney test applied) showed that drawings made by girls and boys did not differ from the point of view of realism ($U = 5994.5$, $p = 0.72$). Thus, it is possible to argue that boys and girls imagine judges and courts realistically to an equal degree.

Analysis of the realism of drawings produced by children of different age shows that the quality of realism also does not differ ($\chi^2 = 6.39$, $p = 0.09$, Kruskal-Wallis test applied). However, the following tendency can be observed: the least true-to-life drawings were made by 7-year-olds; realism of drawings by 8 and 9-year-olds is a little higher; the most true-to-life drawings were produced by 10-year-olds.

Realism of drawings and different sources of information / family members' participation in courts

It was found that the basic source of participants' information about judges and courts was television (TV news, movies and animation films, e.g. The Simpsons): 60.8% ($n = 135$) of participants learned about judges and courts from this source of information. Other children learned about judges and courts from their relatives (usually parents) (16.7%, $n = 37$), and also from other sources (22.5%, $n = 50$). The children who learned about judges from their family members (compared to the children who learned about courts from television) produce less true-to-life drawings ($U = 1744$, $p = 0.01$, Mann-Whitney test applied).

The data revealed that 24.8% ($n = 55$) of children's relatives had participated in court sessions, 46.8% ($n = 104$) – had never participated, and 28.4% ($n = 63$) of children did not know whether their family members had ever participated in a court session. The realism of judge / court image did not differ between the groups of children whose relatives had or had not participated in a court session ($U = 2605.5$, $p = 0.64$, Mann-Whitney test applied).

Character of the judge image in drawings

Our findings show that almost two thirds ($n = 137$; 61.7%) of participants produced drawings in which the judge image was positive; a third ($n = 72$; 32.4%) – in which the judge image was neutral, and only several participants ($n = 13$; 5.9%) made drawings in which the judge image was negative.

Character of the image of judge and gender / age

Comparison of the character of the image of judge in drawings made by girls and boys did not reveal any statistically significant differences ($U = 5640$, $p = 0.25$, Mann-Whitney test applied). Thus, it is possible to argue that the character of the image of judge drawn by girls and boys is similar.

No statistically significant differences between character of the image of judge produced by different age groups were found ($\chi^2 = 4.29$, $p = 0.23$). However, the following tendency can be observed: 7-year-olds produced more drawings containing a negative image of judges (in comparison with 8, 9 and 10-year-olds). Presumably, this tendency accounts for insufficiently-developed drawing skills which are common among the children of this age (compared to older children).

Character of the image of judge and different sources of information / family members' participation in courts

No statistically significant differences were found comparing the character of the image of the judge produced by children who learned about judges from different sources of information ($U = 2329$, $p = 0.51$, Mann-Whitney test applied). However, the following tendency is evident: children who learned about courts from their relatives depicted in their drawings a judge with a positive image more often.

Comparison of the character of the image of judge in the drawings of children whose parents participated in court hearings with the drawings produced by children whose relatives did not have such experience did not reveal any statistically significant differences ($U = 2631$, $p = 0.71$, Mann-Whitney test applied).

Analysis of verbal responses of participants

Verbal responses enabled us to evaluate three different aspects of the image: environmental image ($M = 0.52$, $SD = 0.44$), image of services provided by courts ($M = 0.01$; $SD = 0.64$) and social image of the judge ($M = 0.25$, $SD = 0.47$). To find out the distribution of frequency of the responses, the ratings of different aspects of image were categorized as negative, neutral or positive ones.

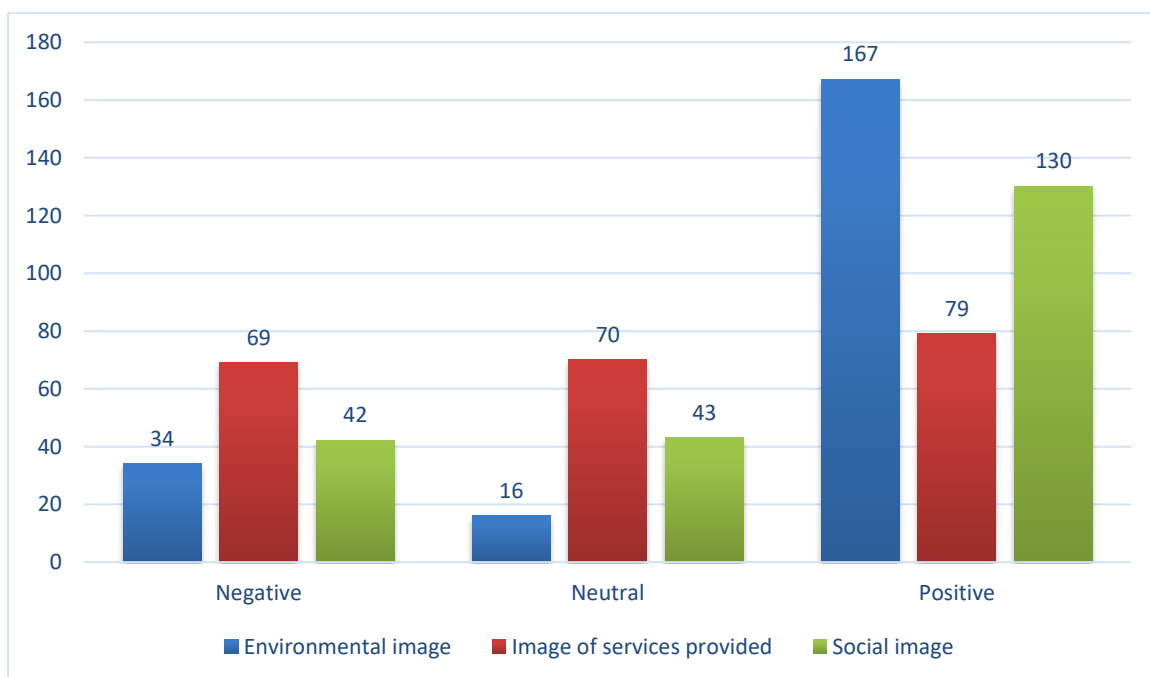

Fig. 1. Character of the verbal image of judges and courts

Children were asked whether they would like to become judges in future. Three quarters ($n = 167$ (75.2%)) of children would not wish to be judges, however the idea of becoming a judge was appealing to one fifth ($n = 47$ (21.2%)) of participants (8 participants could not answer this question). The attractiveness of this profession reflects such responses: *“Judges earn a lot of money, that is a good job“*; *“I’d work honestly in order to eliminate offence in this country“*, *“I’d help people find justice“*.

Asked why they would not like to become judges, participants provided various reasons. For example, a high rate (60%) of children explained that in future they’d prefer some other profession (e.g. *“I want to be a singer“*). However 40% of children gave reasons connected with some negative characteristics of work performed by judges (e.g. *“A very hard work, one must study a lot“*, *“Though I like to sort out difficulties and problems encountered by other people, I do not want to have anything in common with the police“*). Moreover, some children see the profession of a judge as especially dangerous (e.g. *“To tell the truth, judges are threatened by danger even more than any person who has got into the hands of a murderer“*).

Image of the judge / court and gender / age

The results show that 7–10-year-old boys and girls have similar perceptions of environmental, social and image of provided services (accordingly $U = 5571$, $p = 0.484$; $U = 5619.5$, $p = 0.725$; $U = 5188.5$, $p = 0.097$; in all cases Mann-Whitney test applied).

No statistically significant difference of the environmental image perceived by children differing in terms of age were found ($\chi^2 = 4.54$, $p = 0.21$). However, the most favorable evaluations of the environmental image were produced by 10-year-olds (e.g. *“the court building is high, big and beautiful“*, *“the court building looks like a church“*, *“the court room is full of light, it is spacious“*).

No statistically significant difference of the image of services provided perceived by children differing in terms of age was found ($\chi^2 = 5.45$, $p = 0.14$). However, we can notice, that 7-year-olds have formed the most positive image of services provided by judges and courts (this image becomes less positive with the age).

The data analysis revealed statistically significant differences of the social image between different age children ($\chi^2 = 21.52$, $p < 0.01$). The youngest children (7-year-olds) gave the most favorable evaluations to the social image of judges, but 10-year-olds – the relatively least favorable ones. So, we can conclude that the social image becomes less favorable with the children’s age.

Image of the judge / court and different sources of information / family members’ participation in courts

We did not find the differences of the environmental or the service image evaluations between children who learned about judges and courts from different sources of information (accordingly $U = 2185.5$, $p = 0.525$; $U = 2289$, $p = 0.823$; in both cases Mann-Whitney test applied). However, children who obtained information about judges and courts from their relatives (compared to the children who used television as the source of information) rated social image more favorably ($U = 1363.5$, $p < 0.01$; Mann-Whitney test applied).

Children, whose relatives had participated in a court hearing and the children whose relatives lacked such experience evaluated different aspects of the judge / court image in a similar way: environmental image ($U = 2490.5$, $p = 0.415$), image of services provided ($U = 2589.5$, $p = 0.594$), social image ($U = 2595.5$, $p = 0.765$; in all cases Mann-Whitney test applied).

Discussion

The present research showed that 7–10-year-olds have a more or less realistic mental picture of judges and their working place – hardly one fourth of participants produced drawings in which the identification of a judge posed a complicated task, whereas three fourths of children made drawings depicting the judge in his / her working place more or less accurately. These findings indicate that 7–10-year-olds are sufficiently aware of what the judge and his/her working place looks like (e.g. that the judge wears special clothes, or uses a gavel during court hearings, or that trial participants are present in the court room).

7–10-year-olds more often depicted judges having a positive or a neutral image. Huge rate of drawings reflecting a positive image of judge gives a reason to believe that 7–10-year-olds have formed a positive opinion of judges. These findings also may be related to the overall proneness to positive emotions and stories of young children [5].

Verbal responses showed a similar tendency for children to evaluate the image of judges / courts in the above way. It was found that 7–10-year-olds had quite often formed a positive environmental and social image of judges' / courts' (more than a half of participants asked to describe these aspects of the image gave positive responses). However, the character of the image of services provided was different – the rate of appraising it by children as negative, neutral or positive was almost equal. These results are partially consistent with Caldeira [4] findings that children mostly have neutral image of the Supreme Court. Positive perceptions of judges and courts may also be related with the growing body of TV series and animation, portraying a judge who makes fair decisions and represents positive “face of justice”.

Gender is found to be important variable determining differences of juveniles' attitudes toward law-enforcement officers (police) [37]. Some findings show, that adult women, in comparison with men, have developed more negative views about law-enforcement officers [43]. However, the findings of present study indicate that the character of the image of judge drawn by girls and boys does not differ – 7–10-year-old girls and boys depict and evaluate all aspects of the image in a similar way. These results may suggest that acquired experience increasing with the years may be important for gender differences (indeed, 7–10-year-olds still lack experience of encounter with law-enforcement officers). On the other hand, it would be worthwhile to find out when and why women's views about law-enforcement officers (judges) start to diverge from the men's views.

Children of different age imagine judges at their working places in a rather similar way (the realism of drawings did not differ among the groups of children differing in terms of age and gender). However, obtained data show the following tendency: the realism of drawings increases with the drawers' age. This tendency is in line with Piaget's [27] view: the older the children, the more detailed, proportional and realistic are their drawings.

Children belonging to different age groups appraise the environmental and the service image of judges' / courts' in a rather similar way. However, evaluation of the findings points to the following two opposing tendencies – the highest ratings of the environmental image are given by 10-year-olds (their responses are dominated by positive descriptions of the court building, and their drawings contain various indicators of solemnity). In contrast, the highest ratings of the image of services provided are offered by 7-year-olds (they told more often that people were satisfied with the decisions issued by judges, and that judges treated people fairly). These findings may be interpreted in a light of Piaget's theory of moral development [28]: 10-year-olds begin to understand that different people may have different opinions about judges (this is characteristic of the autonomous morality stage). Comparing the features of the judge image perceived by groups of children representing a wider age gap between them would be worthwhile in future researches.

In addition, we have found that the social image of judges perceived by children becomes less positive with the age. This difference is especially visible when responses given by 7-year-olds and 10-year-olds are compared (e.g. 10-year-olds, compared to 7-year-olds, indicated more often that people had negative opinions about judges). A possible explanation for this finding could be that older children, possessing richer social experience, are able to appraise other people's behavior and consider other people's intentions in greater detail.

Earlier researches show that television is the main source of information about crimes and law-enforcement system [21; 22]. This finding is supported by the results of our research: a large number (60.8%) of participants has learned about courts from television. It is important to note that the children who learned about courts from television produce more realistic drawings (in comparison with the children who learned about courts from their family members). On the other hand, television offers visual material, so its reproduction in drawings may be a simpler task compared to the reproduction of oral accounts supplied by family members.

We also found that different information sources are not related to the evaluations of the image of environment and services supplied. However, the children who learned about judges and courts from their parents (compared to the children who used the television as their source of information), appraised the social image more favorably. This may be related to the circumstance that parents telling their children about courts and judges share with them not only their negative experiences (on which media is more often focused). The present research did not allow us to determine the particular character of judge-and-court-related information encountered by TV watching children (however, this may be an important issue for further researches to illuminate).

References

1. Asimow, M., Greenfield, S., Jorge, G., Machura, S., Osborn, G., Robson, P., Sharp, C. and Sockloskie, R. Perceptions of lawyers: A transnational study of student views on the image of law and lawyers. *International Journal of the Legal Profession*. 2005, vol. 12, no. 3, pp. 407–436.
2. Aytas, M., Can, A. and Gul, R. Looking at Medusa: Television as a modern era's visual power tool and its role on the children's socialization. *Journal of Research in Gender Studies*. 2014, vol. 4, no. 1, pp. 1122–1131.
3. Baring, R. Children's image of God and their parents: Explorations in children's spirituality. *International Journal of Children's Spirituality*. 2012, vol. 17, no.4, pp. 277–289.
4. Caldeira, G.A. Children's images of the Supreme Court: A preliminary mapping. *Law & Society Review*. 1977, vol. 11, no.5, pp. 851–871.
5. Carlo, G., Knight, G., Eisenberg, N. and Rotenberg, K.J. Cognitive processes and prosocial behaviors among children: The role of affective attributions and reconciliations. *Developmental Psychology*. 1991, vol., 27, no. 3, pp. 456–461.
6. Chambers, D.W. Stereotypic images of the scientist: The draw-a-scientist test. *Science Education*. 1983, vol. 67, no. 2, pp. 255–265.
7. Cornelissen, J. Corporate image: An audience centered model. *Corporate Communications: An International Journal*. 2000, vol. 5, no.2, pp. 119–125.
8. Derbyshire, R.L. Children's perceptions of the police: A comparative study of attitudes and attitude change. *Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. 1968, vol. 59, no. 2, pp. 183–190.
9. Derocher, R.J. The court of public opinion: Bars launch efforts to improve image of lawyers. *Bar Leader*. 2003, vol. 27, no. 3, pp. 10–13.
10. Dickie, J.R., Eshleman, A.K., Merasco, D.M., Shepard, A., Wilt, M.V. and Johnson, M. Parent-child relationships and children's images of God. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1997, vol. 36, no.1, pp. 25–43.

11. Fagan, J., Tyler, T.R. Legal socialization of children and adolescents. *Social Justice Research*. 2005, vol. 18, pp. 217–242.
12. Fine, A., Cavanagh, C., Donley, S., Frick, P.J., Steinberg L. and Cauffman E. The role of peer arrests on the development of youths' attitudes towards the justice system. *Law and Human Behavior*. 2016, vol. 40, no. 2, pp. 211–218.
13. Greenstein, F.I. The benevolent leader revisited: Children's images of political leaders in three democracies. *The American Political Science Review*. 1975, vol. 69, no. 4, pp. 1371–1398.
14. Gurevitch, M., Danet, B. and Schwartz, G. The image of the police in Israel. *Law & Society Review*. 1971, vol. 5, no. 3, pp. 367–388.
15. Hastie, W.H. Judicial role and judicial image. *University of Pennsylvania Law Review*. 1973, vol. 121, no. 5, pp. 947–961.
16. Hinds, L. Building police–youth relationships: The importance of procedural justice. *Youth Justice*. 2007, vol. 7, pp. 195–209.
17. Karst, K.L. Law, cultural conflict, and the socialization of children. *California Law Review*. 2003, vol. 91, pp. 967–1028.
18. Lee, M. and McGovern, A. Force to sell: Policing the image and manufacturing public confidence. *Policing and Society: An International Journal of Research and Policy*. 2013, vol. 23, no. 2, pp. 103–124.
19. Lemmink, J., Schuijf, A. and Streukens, S. The role of corporate image and company employment image in explaining application intentions. *Journal of Economic Psychology*. 2003, vol. 24, no. 1, pp. 1–15.
20. Lim, V.K.G., Teo, T.S.H. and See, S.K.B. Perceived job image among police officers in Singapore: Factorial dimensions and differential effects. *The Journal of Social Psychology*. 2000, vol. 140, no. 6, pp. 740–750.
21. Low, J. and Durkin, K. Children's understanding of events and criminal justice processes in police programs. *Journal of Applied Developmental Psychology*. 1997, vol. 18, no. 2, pp. 179–205.
22. Low, J. and Durkin, K. Children's conceptualization of law enforcement on television and in real life. *Legal and Criminological Psychology*. 2001, vol., 6, pp. 197–214.
23. Murphy, M.J. Improving the law enforcement image. *The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science*. 1965, vol. 56, no. 1, pp. 105–108.
24. Oppenheimer, L. The development of enemy images in Dutch children: Measurement and initial findings. *British Journal of Developmental Psychology*. 2005, vol. 23, pp. 645–660.
25. Oppenheimer, L. The development of enemy images: A theoretical contribution. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2006, vol. 12, no. 3, pp. 269–292.
26. Özel, M. Children's images of scientists: Does grade level make a difference? *Educational Sciences: Theory and Practice*. 2012, vol. 12, pp. 3187–3198.
27. Piaget, J. *The child's conception of the world*. London: Routledge and Kegan Paul, 1969.
28. Piaget, J. *Vaiko kalba ir mąstymas: vaiko logikos tyrinėjimai*. Vilnius: Aidai, 2002.
29. Piquero, A.R., Fagan, J., Mulvey, E.P., Steinberg, L. and Odgers, C. Developmental trajectories of legal socialization among serious adolescent offenders. *The Journal of Criminal Law and Criminology*. 2005, vol. 96, no.1, pp. 267–298.
30. Piquero, A.R., Bersani, B.E., Loughran, T.A. and Fagan, J. Longitudinal patterns of legal socialization in first-generation immigrants, second-generation immigrants and native-born serious youthful offenders. *Crime and Delinquency*. 2016, vol. 62, no. 11, pp. 1403–1425.
31. Raty, H., Snellman, L. Children's images of an intelligent person. *Journal of Social Behavior and Personality*. 1997, vol. 12, no. 3, pp. 773–784.
32. Salzman, V.S. and Dunwoody, P.T. Prime-time lies: Do portrayals of lawyers influence how people think about the legal profession? *SMU Law Review*. 2005, vol. 58, pp. 411–462.

33. Si, S.X. and Hitt, M.A. A study of organizational image resulting from international joint ventures in transitional economies. *Journal of Business Research*. 2004, vol. 57, pp. 1370–1377.
34. Siegel, G.W. The public's image of the juvenile court. *Juvenile Court Judges Journal* . 1964, vol. 15, no. 4, pp. 7–12.
35. Smolla, R.A. The poor image of the profession and the ethical pressures on the modern lawyer. *Social Responsibility: Business, Journalism, Law, Medicine*. 1997, vol. 23, pp. 42–52.
36. Stoleriu, A. The image of Divinity in children's perception. Social, cultural and artistic influences. *Revista Romaneasca pentru Educatie Multidimensionala*. 2015, vol. 7, no. 2, pp. 119–131.
37. Taylor, T.R., Turner, K.B., Esbensen, F.-A. and Winfree, L.T. Coppin' attitude: Attitudinal differences among juveniles toward police. *Journal of Criminal Justice*. 2001, vol. 29, no. 4, pp. 295–305.
38. Teichman, Y. and Zafrir, H. Images held by Jewish and Arab children in Israel of people representing their own and the other group. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2003, vol. 34, pp. 658–676.
39. Tran, M.A., Nguyen, B., Melewar, T.C. and Bodoh, J. Exploring the corporate image formation process. *Qualitative Market Research: An International Journal*. 2015, vol.18, no. 1, pp. 86–114.
40. Trinkner, R. and Cohn, E.S. Putting the “social” back in legal socialization: Procedural justice, legitimacy and cynicism in legal and nonlegal authorities. *Law and Human Behavior*. 2014, vol. 38, no. 6, pp. 602–617.
41. Trinkner, R. and Tyler, T.R. Legal socialization: Coercion versus consent in an era of mistrust. *Annual Review of Law and Social Science*. 2016, vol. 12, pp. 417–439.
42. Tyler, T.R. and Trinkner, R. *Why children follow rules: Legal socialization and the development of legitimacy*. New York: Oxford University Press, 2017.
43. Valickas, G., Justickis, V., Vanagaitė, K. and Voropaj, K. *Procedūrinis teisingumas ir žmonių pasitikėjimas teisėsaugos pareigūnais bei institucijomis*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2013.
44. Vidal, S., Cleary, H., Woolard, J. and Michel, J. Adolescents' legal socialization: Effects of interrogation and Miranda knowledge on legitimacy, cynicism and procedural justice. *Youth Violence and Juvenile Justice*. 2017, vol. 15, no. 4, pp. 419–440.
45. Woolard, J.L., Harvell, S. and Graham, S. Anticipatory injustice among adolescents: Age and racial / ethnic differences in perceived unfairness of the justice system. *Behavioral Sciences and the Law*. 2008, vol. 26, pp. 207–226.
46. Worcester, R. Reflections on corporate reputations. *Management Decision*. 2009, vol. 47, no. 4, pp. 573–589.
47. Zhai, J., Jocz, J. A. and Tan, A.-L. ‘Am I like a scientist?’: Primary children's images of doing science in school. *International Journal of Science Education*. 2014, vol. 36, no. 4, pp. 553–576.

Онтологический подход к познанию системы ценностей юридической психологии

Ильина В.А.

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации,
Иркутск, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6492-3678>, e-mail: avapeter@mail.ru

В статье отражены отдельные результаты процесса познания системы ценностей юридической психологии. Система ценностей юридической психологии рассматривается как совокупность взаимосвязанных между собой идеалов и смыслов, выработанных на основе интеграции правовых и психологических знаний, представляющая собой единое целое образование и детерминирующее цель и задачи юридической психологии. Признается актуальным вопрос о поисках подходов и методов систематизации ценностей юридической психологии. Автор придерживается мнения о том, что с данной задачей способна справиться онтология (наука о сущем), в связи с чем предпринимается попытка реализовать онтологический подход к систематизации ценностей юридической психологии посредством метода диалектики и принципа определенности. Онтологический подход к познанию системы ценностей юридической психологии позволяет не только собрать их в единое целое, но и конкретизировать задачи и цель юридической психологии как научной отрасли.

Ключевые слова: юридическая психология; психология и право, система ценностей, онтология, диалектика, принцип определенности.

Для цитаты: Ильина В.А. Онтологический подход к познанию системы ценностей юридической психологии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 143-151. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100113>

Ontological approach to knowledge of the legal psychology value system

Valentina A. Ilyina

Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Irkutsk

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6492-3678>, e-mail: avapeter@mail.ru

The article reflects the individual results of the process of knowledge of the value system of legal psychology. The value system of legal psychology is considered as a set of interconnected ideals and meanings developed on the basis of the integration of legal and psychological knowledge, which is a singular formation and setting the goal and objectives of legal psychology. The question of the search for approaches and methods of systematizing the values of legal psychology is recognized as relevant. The author's opinion is that the ontology (the philosophical study of being) and the ontological approach is the key to the systematization of the values of legal psychology through the method of dialectics and the principle of determinism. The ontological approach to the knowledge of the value system of legal

psychology allows not only to assemble them into a single piece, but also to specify the tasks and purpose of legal psychology as a scientific branch.

Keywords: legal psychology, psychology and law, system of values, ontology, dialectics, principle of determinism.

For citation: Ilyina V.A. Ontological approach to knowledge of the legal psychology value system. *Psikhologiya i pravo*, 2020. Vol. 10, no. 1. p. 143-151. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100113>

Система ценностей юридической психологии — это совокупность взаимосвязанных между собой идеалов и смыслов, выработанных на основе интеграции правовых и психологических знаний, представляющая собой единое целое образование и детерминирующее ее цели.

Актуальность ценностной (аксиологической) проблематики науки и научной деятельности обусловлена рядом обстоятельств: выбором приоритетных областей научного познания; прогнозированием социальных последствий научных открытий; применением гуманистического критерия для оценки характера и содержания научной деятельности и др. [11, с. 160].

Без ценностного определения сущности той или иной науки сама она не может быть обеспечена социальными условиями. Наука, переставая быть как социальный институт социальной ценностью для человечества в целом и государства, лишается финансовой и социальной поддержки.

Между тем, собрать воедино и увидеть в системе совокупность ценностей той или иной науки задача не простая, и юридическая психология не является в этом смысле исключением. Поиск подходов и методов систематизации ценностей юридической психологии остается актуальным. Считается, что с данной задачей способна справиться онтология — наука о сущем (*с греч.* — сущее). В этой связи в настоящем исследовании предпринимается попытка реализации идеи применения онтологического подхода к систематизации ценностей юридической психологии посредством метода диалектики и принципа определенности.

Исходным посылом в онтологии является суждение о том, что всякая наука — это, прежде всего, созидательная деятельность человека. Каждая же созидательная деятельность имеет свой продукт, называемый «творением». Творение — есть антропогенный род сущего. Наука ценна уже потому, что она есть творение человека.

В соответствии с диалектическим законом двойного раздвоения [23, с. 27] творение, как любое сущее, может быть рассмотрено в двух своих определенностях [4, с. 7]): конкретном и абстрактном.

В конкретной определенности всякое творение есть нечто материальное и рациональное, преобразованное в соответствии с идеальными (в смысле наилучшими) представлениями человека.

Категория «творение» имеет в себе такие определенности, как гармонию и порядок. Любое творение (наука в том числе) в диалектическом смысле едино в своей гармонии и многообразно в своем порядке. Таким образом, гармония и порядок — первые определенности творения.

В свою очередь, категория «гармония» отражает и выражает внутреннюю и внешнюю, качественную и количественную гармонию составных частей и форм творения как предмета в его целостности. Категория «порядок» отражает и выражает гармонию отношений между творениями, в том числе между людьми как личностями (членами общества).

Оценивая состояние современной юридической психологии как науки и области психопрактики, В.М. Поздняков отмечает, что «... до сих пор нет должной взаимосопряженности в развитии ее основных структурных составляющих — теории, метода и психопрактики. Для обеспечения их гармоничного развития представляется важным начать междисциплинарную

дискуссию, с вовлечением в нее представителей академической психологии и смежных наук» [14, с. 37].

Отсутствие гармоничных связей теории и психологической практики обнаруживает себя в многочисленных ситуациях правоприменения. Ярким примером этому может послужить критическая оценка, данная в юридической психологии практике допущения неадаптированных в науке психологии методов исследования в сферу судебно-психологической экспертизы. Известно, что, начиная примерно с 80 гг., XX столетия в российской судебной практике популярными стали судебно-психологические экспертизы так называемой «психологической достоверности» показаний [9, с. 47—56], и лишь в 2016 г. последовали первые реакции экспертных организаций на явные выходы за пределы своей компетенции экспертов-психологов.

Очевидно, что наука всегда развивалась в спорах и дискуссиях, в этом заключается диалектический смысл саморазвития любой системы. Однако ситуация с обсуждаемой судебно-психологической экспертизой показаний участников уголовного судопроизводства в методологическом смысле с места не сдвинулась, научная дискуссия не состоялась, а судебная практика продолжает принимать экспертные заключения по показаниям допрашиваемых (хотя и с некоторыми ограничениями). Ряд из подобных заключений экспертов-психологов выполнены с грубыми нарушениями всех возможных принципов психологического исследования и судебно-экспертной практики, с нарушениями «норм этики в сфере применения специальных знаний» [16, с. 79—87]. Это свидетельствует о том, что правоприменительная практика и теория юридической психологии до сих пор существуют изолированно друг от друга. Так называемый «схизис» между исследовательской (академической) и практической психологией [6, с. 25—40], продолжает существовать как методологическая проблема в юридической психологии. Немногочисленные статьи (Е.Г. Дозорцевой [9, с. 47—56], Т.Н. Секараж [17, с. 93—104] и др.) по проблеме выхода психологов за рамки своей научной компетенции и другим нарушениям остаются, к сожалению, лишь на страницах журналов.

Нарушение гармонии (и соответственно порядка) может выражаться в крайнем плюрализме мнений, ведущем к полной утрате веры в поиск научной истины, снижению мотивации в части глобальных исследований в области юридической психологии. К примеру, разделы, посвященные методологическим вопросам юридической психологии, по-прежнему остаются не наполненными статьями в ведущих журналах и сборниках конференций.

В целом, оценивая гармонию как онтологическую составляющую ценностей юридической психологии, важно отметить, что ее нарушение связано также с существенным накоплением эмпирического материала, за которым не поспевает процесс обобщения и анализа. Возможны и иные причины сложившейся дисгармонии в развитии юридической психологии — отсутствие методов и инструментов обобщения ее опыта. По мнению В.Д. Балина данная проблема может быть связана также с аналитическим способом мышления современных психологов. Психологи «... нацелены на эксперимент, на “расщепление” предмета исследования, и считают свою задачу выполненной, описав его результаты и сформировав выводы. Но исследование на этом не заканчивается» [2, с. 113]. Как известно, анализ без диалектической связи с синтезом не позволит в полной мере увидеть результаты накопленного опыта в системе общенаучных знаний.

Категория «гармония» как соразмерность форм материи — естественных предметов и искусственных творений — имеет такие определенности в себе, как *творчество* и *искусство*. При этом категория «творчество» отражает и выражает созидательную деятельность человека, направленно и рационально воспроизводящую и преобразующую природный и социальный мир в соответствии с интересами, целями и потребностями человека и человечества по законам логики вещей — объективным законам действительности [12, с. 290].

Творческий процесс в области юридической психологии, можно сказать, не снижает обороты. Только за последнее десятилетие были переизданы учебники известных авторов по юридической психологии (И.И. Аминов [1], В.Л. Васильев [5], М.И. Еникеев [10], В.В. Романов

[15], И.Н. Сорокотягин [18], Ю.В. Чуфаровский [21] и др.), написано немало новых учебных пособий по проблематике юридической психологии.

Появились учебники по юридической психологии, предназначенные для конкретных ведомств правоохранительной системы (учебник по юридической психологии с направленностью для следователей, судей и прокуроров под редакцией О.Д. Ситковской [25]; учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России под редакцией В.Я. Кикотя, В.Ю. Рыбникова [24]).

Разнообразны в настоящее время и жанры печатных изданий по проблемам юридической психологии: хрестоматии, справочные пособия, курсы лекций по юридической психологии, практикумы-тренинги по юридической психологии с основами общей и социальной психологии, практические пособия и др.

Активно работают такие печатные издания, как журналы, специализирующиеся на теории и практике юридической психологии («Психология и право», «Прикладная юридическая психология», «Юридическая психология» и др.). Наполняемость тех или иных рубрик связана, прежде всего, с актуальными проблемами юридической психологии и некоторыми другими задачами. Так, ряд редакторов активно поддерживают и развивают научную деятельность возглавляемых ими журналов по юридической психологии. Например, рубрика «проблемы полиграфологии» в журнале «Юридическая психология», традиционно наполняемая, развивается благодаря, в том числе, научным разработкам (полиграфология, профайлинг) главного редактора [3, с. 37–40].

В настоящее время чаще стали выходить в свет многочисленные сборники конференций по проблемам юридической психологии, ряд из них изданы по результатам работы конференций, посвященных известным теоретикам юридической психологии и ставших уже традиционными («Коченовские чтения» (Москва), «Васильевские чтения» (Санкт-Петербург)).

Проблемы юридической психологии активно обсуждаются на страницах не только психологических, но и специализированных юридических и иных журналов и сборников («Законность», «Российский следователь», «Эксперт-Криминалист» и др.).

Между тем, накопленному юридической психологией опыту в настоящее время дается неоднозначная оценка. Так, известный ученый правовед Б.А. Спасенников в 2003 г. написал: «В течение последних десятилетий в нашей стране издано несколько учебников по юридической (судебной) психологии. Они отражают не только воззрения авторов, но и достигнутый уровень развития отечественной науки. Вместе с тем они во многом не отвечают насущным потребностям судебно-следственной практики. Материал по судебной психологии излагается в учебниках по юридической психологии, которые, на наш взгляд, представляют собой «причудливую смесь» отрывочных материалов по общей психологии, патопсихологии, неврологии, криминологии, уголовному праву, криминалистике, уголовному процессу и др.» [19, с. 90–92]. Таким образом, качество творческой деятельности юридических психологов, соответствие результатов их научного труда интересам, целям и потребностям юридической практики стоит переоценить дополнительно, поскольку вышеприведенная критика является не единственной.

Связанное диалектически с категорией «творчество» категория «искусство» отражает и выражает уровень развития и степень совершенства воспроизводящей, преобразующей и созидательной деятельности человека. Исходное значение термина «искусство» означало испытывать, искушать, проводить опыт. Художество или музыка являются не единственными синонимами искусству.

Юридическая психология — преимущественно эмпирическая наука. Эксперимент (опыт) является для нее одним из основных методов познания. Между тем, эксперимент в юридической психологии имеет свою специфику в отличие от общей и экспериментальной психологии. Важно учитывать, что эксперимент в юридической психологии тесным образом связан с проблемами юридической практики и, в некоторой степени, его можно назвать правовым или психолого-

правовым экспериментом. В данном психолого-правовом эксперименте задействуются переменные не только психологические, но и правовые. В противном случае данный эксперимент, как мы привыкли его понимать по канонам экспериментальной психологии, никак не будет связан с правовыми явлениями, либо эта связь окажется ложной (как, например, причинно-следственная связь так называемого «клипового мышления» современного поколения студентов и их безграмотность). Объяснять слабость педагогического процесса неким клиповым мышлением молодого поколения по меньшей мере не педагогично, да и ненаучно.

Следует также констатировать, что в юридической психологии вопрос о разработке рекомендаций по проведению психолого-правового эксперимента остается нерешенным. Кроме того, всякий правовой эксперимент (в том числе с участием психологов) имеет ряд объективных сложностей. Стоит лишь вспомнить известный Стэнфордский тюремный эксперимент, проведенный в 1971 г. Ф. Зимбардо, и его печальные последствия. Хотя результаты эксперимента оказались как нельзя полезными для их теоретической проработки в области пенитенциарной психологии.

Эксперименты с моделированием правовой ситуации отчасти восполняют теоретический пробел. Например, это эксперименты с моделированием судебного процесса с участием игровой коллегии присяжных заседателей [8, с. 2—4]. Между тем, известно, что никакое моделирование в юридической практике, за исключением воссоздания объективных факторов (например, расстояния или угла восприятия) не воссоздаст максимально приближенной к реальности ситуации. Как известно, субъективные факторы моделировать фактически невозможно. Те эмоции, которые переживает реальный допрашиваемый и тот, кто только играет роль, сравнивать нельзя.

На эффективность проведения правовых экспериментов, по мнению Б. Г. Бернацкого, влияют следующие факторы: 1) отсутствие четких критериев оценки их эффективности; 2) сложности в вычленении действия собственно экспериментального фактора; 3) уникальность и нестандартность каждого эксперимента; 4) влияние политических факторов на принятие решения и др. [4, с. 83]. В постсоветский период проводились, к примеру, эксперименты по следующим направлениям: применение новых форм исправления и адаптации осужденных, совершенствование управления исправительно-трудовых учреждениями. В этих экспериментах психологи принимали активное участие.

Между тем, в условиях, когда законодатель перешел к реальному обновлению общественных отношений, — отмечает В.В. Лапаева, — правовое экспериментирование должно стать важным средством прогнозирования эффективности принимаемых правовых решений и отладки механизма правового регулирования [13, с. 303]. В связи с этим задача по разработке психолого-правового эксперимента может стать одной из актуальных.

Следуя далее онтологической матрице, диалектически делится и категория «порядок», а также ее составляющие категории («справедливость» и «существование»), которые имеют такие определенности в себе, как «гражданин», «цивилизация», «управление» и т. д. Данные онтологические категории имеют первый и второй уровни определенностей, подробно раскрытые и собранные в единую систему в работе Е. С. Кузьмина [12, с. 294—311].

Познать онтологические категории «творения» — значит познать истинные ценности науки, в том числе ценности юридической психологии. На это указывает не только логический метод познания, но и исторический анализ взаимодействия права и психологии.

Исторические предпосылки ценностей юридической психологии уходят глубоко корнями в античную культуру, в которой человеку «отвоевывалось» приоритетное положение в системе права. Именно тогда зарождались основы гуманизации правотворчества и правоприменения, которые, в свою очередь, побуждали деятелей права познавать и учитывать природу человека, его сущность, интересы и способности. Претерпев период Средневековья и возродившись в эпоху Возрождения и Просвещения, они вновь подняли науку психологию на новую ступень развития в

ее связях с правом. Дальнейший постепенный уход от цели или «отклонение от курса» происходил постепенно и незаметно. Юридическая психология сместила свой статус на «обслуживающий» и прикладной в прямом смысле этого слова. Техническая сторона (разработка приемов и методов получения нужной информации, воздействия и управления) заменила гуманитарную сторону юридической психологии. Так была фактически смещена ее цель, и с нею же были утрачены ориентиры развития (прогресса). Новый этап осмысления проблем юридической психологии (возможно с позиции онтологии) вновь неизбежно должен ознаменоваться возвратом к истинно правовым, гуманистическим ценностям, в системе которых человек будет выступать не объектом управления и воздействия, а активным субъектом правоотношений.

Познание системы ценностей юридической психологии как научной отрасли в историческом аспекте и как акта творения в контексте онтологии показывает на глубинные (сущие) связи права и психологии. Очевидно, что через эти связи важно выйти на собственную систему ценностей. При этом ценности, возникшие в результате взаимодействия права и психологии в своей системе должны составлять не хаотическое скопление разрозненных элементов, а составлять логически стройную систему «взаимосвязанных единиц» [7, с. 11–16].

Выстраивая собственную систему ценностей юридической психологии и опираясь при этом на онтологическую систему творения, выделяют, таким образом, ценностные категории третьего и иного порядка, но уже с позиции конкретных задач юридической психологии.

Например, онтологическая категория «гармония» в определенностях юридической психологии — это *гармония личности как гражданина своего государства*. Юридическая психология вскрывает закономерности и механизмы формирования гармоничного развития личности как гражданина; решает проблемы дисгармоничного формирования черт характера личности (акцентуации) в цепочке с правовыми явлениями (например, отбывания наказания в местах лишения свободы), стилей воспитания подрастающего поколения и общения с окружающими, дисгармоничных личностных установок и образа жизни, неразвитость общей и психологической культуры человека, вредные психологические условия среды и уклада жизни и др. То есть выносит на первый план факторы психолого-правового характера, препятствующие гармоничному развитию личности человека и отношений личности и общества. Решение этих проблем требует вскрытия причинно-следственных связей между двумя противоположными процессами: гармонии и дисгармонии личности как гражданина своего государства.

Другая связанная с гармоничным развитием личности как гражданина своего государства ценность заключается в разработке психологических основ законности и правопорядка, эффективного государственного управления общественными отношениями, в создании условий для труда и развития своих граждан, воспитании уважения и терпения, обеспечении справедливости и др.

Вышеприведенный анализ онтологической сущности системы ценностей юридической психологии позволяет сделать выводы о существовании множества актуальных задач, стоящих перед юридической психологией и вытекающих из онтологической сущности науки как творения. Онтологический подход к познанию системы ценностей юридической психологии позволяет конкретизировать не только задачи, но и определиться с целью научной отрасли, поскольку цель и есть ценность [22, с. 320]. Одно же из наиболее удачных определений цели юридической психологии, приближенной к онтологической сущности юридической психологии, по нашему мнению, дает В.И. Чернилов: «Предназначение юридической психологии есть определенный способ понимания, изучения и служения человеческому бытию, мера благополучия которого должна стать единственным критерием эффективности системы права и его применения. Человечество упаковано в праве, вопрос заключается только в мере гармонии. Именно в поиске ее видится нам великая экзистенциальная миссия юридической психологии» [20, с. 19–26].

Литература

1. *Аминов И.И.* Юридическая психология: учебник для студ. вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / И.И. Аминов, Н.А. Давыдов, К.Г. Дедюхин, А.В. Кокурин, В.Л. Кубышко, Н.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 415 с.
2. *Балин В.Д.* Теоретическая психология: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. 247 с.
3. *Белых-Силаев Д.В.* Психофизиологические методы детекции лжи // Юридическая психология, 2017. № 2. С. 37—40.
4. *Бернацкий Г.Г.* Введение в методологию юридической науки: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. 113 с.
5. *Васильев В.Л.* Юридическая психология: учебник для вузов. 6-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2009. 608 с.
6. *Василюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25—40.
7. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. 504 с.
8. *Гулевич О.А.* Психология в суде присяжных. Аналитический обзор: учеб. пособие. М.: Международное общество имени Л.С. Выготского, 2003. 259 с.
9. *Дозорцева Е.Г., Афанасьева А.Г.* Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 3. С. 47—56.
10. *Еникеев М.И.* Основы юридической психологии. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 448 с.
11. *Кузьменко Г.Н., Отюцкий Г.П.* Философия и методология науки: учебник для магистратуры. М.: Юрайт, 2014. 450 с.
12. *Кузьмин Е.С.* Система «Человек и мир»: моногр.: в 2 т. / [Науч. ред. В. И. Березовский]. Иркутск: Изд-во Иркут. гос.ун-та, 2010. Т. 1, 2. 314 с.
13. *Лапаева В.В.* Социологическое обеспечение законотворчества: дисс... д-ра юрид. наук. М., 1993. 303 с.
14. *Поздняков В.М.* Юридическая психология: генезис и перспективы // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 15—37.
15. *Романов В.В.* Юридическая психология: учебник для академического бакалавриата 7-е изд., перераб. и доп. / В.В. Романов, Л.Н. Котлярова. М.: Юрайт; 2018. 478 с.
16. *Сафуанов Ф.С.* Этические проблемы использования психологических знаний в судопроизводстве в непроцессуальных формах // Психология и право. 2014. № 4. С. 79—87.
17. *Секераж Т.Н.* Психолого-лингвистическое исследование видеозаписи допроса: проблемы и возможные пути их решения // Психология и право. 2015. Т. 5. № 2. С. 93—104.
18. *Сорокотягин И.Н.* Юридическая психология: учебник и практикум для академического бакалавриата 4-е изд., перераб. и доп. / И.Н. Сорокотягин, Д.А. Сорокотягина. М.: Юрайт, 2017. 360 с.
19. *Спасенников Б.А.* «Психология» и «Психиатрия» в юридическом вузе // Высшее образование в России, 2003. № 4. С. 90—92.
20. *Черненилов В.И.* Цивилизационная миссия юридической психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 19—26.
21. *Чуфаровский Ю.В.* Юридическая психология в вопросах и ответах: учеб. пособие. М.: Проспект, 2010. 255 с.
22. *Шохин В.К.* Новая философская энциклопедия: в 4 т / Науч. ред. совет: В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. М.: Мысль, 2010. Т. 1—4. 2816 с.
23. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. М.: Политиздат, 1982. XVI. 359 с.

24. Юридическая психология с основами общей и социальной психологии: учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля / [И.Б. Лебедев и др.]; под ред. В.Я. Кикотя, В.Ю. Рыбникова. М.: ЮНИТИ; Закон и право, 2012. 463 с.
25. Юридическая психология: учебник / [О.Д. Ситковская и др.]; под науч. ред. О.Д. Ситковской. М.: Юрлитинформ, 2011. 469 с.

References

1. Aminov I.I. [i dr.] Yuridicheskaya psikhologiya: Uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Yurisprudentsiya» [Legal psychology: a textbook for university students enrolled in the specialty «Jurisprudence»]. Moscow: YuNITI-DANA Publ., 2012. 415 p.
2. Balin V.D. Teoreticheskaya psikhologiya: uchebnoe posobie dlya bakalavriata i magistratury [Theoretical psychology: studies. manual for bachelor's and master's degrees. 2nd ed.]. Moscow: Publ. Yurait, 2017. 247 p.
3. Belykh-Silaev D.V. Psikhofiziologicheskie metody detektsii lzhi. [Yuridicheskaya psikhologiya]. 2017. no. 2. pp. 37—40.
4. Bernatskii G.G. Vvedenie v metodologiyu yuridicheskoi nauki: uchebnoe posobie. Sankt-Peterburg: Publ. SPbGEU, 2016. 113 p.
5. Vasil'ev V.L. Yuridicheskaya psikhologiya: uchebnik dlya vuzov [Legal psychology: the textbook for high schools]. Sankt-Peterburg: Publ. Piter, 2009. 608 p.
6. Vasilyuk F.E. Metodologicheskii smysl psikhologicheskogo skhizisa. [Voprosy psikhologii]. 1996. no. 6. pp. 25—40.
7. Vygotskii L.S. Sbranie sochinenii: v 6 t. T. 2. [Problemy obshchei psikhologii: in 6 Vol. 6]. Davydov V. V. Moscow: Publ. Pedagogika, 1982. 504 p.
8. Gulevich O.A. Psikhologiya v sude prisyazhnykh. Analiticheskii obzor: uchebnoe posobie [Psychology in jury trial. Analytical review: studies. benefit.]. Moskva: Mezhdunarodnoe obshchestvo im L.S. Vygotskogo, 2003. 259 p.
9. Dozortseva E.G., Afanas'eva A.G. Otsenka dostovernosti svidetel'skikh pokazanii nesovershennoletnikh. Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Modern foreign psychology], 2015. Vol. 4, no. 3, pp. 47—56.
10. Enikeev M.I. Osnovy yuridicheskoi psikhologii [Legal psychology]. Moscow: Publ. Norma: INFRA-M, 2018. 448 p.
11. Kuz'menko G.N., Otyutskii G.P. Filosofiya i metodologiya nauki : uchebnik dlya magistratury. [Philosophy and methodology of science: a textbook for graduate studies]. Moscow: Publ. Yurait, 2014. 450 p.
12. Kuz'min E.S. Sistema «Chelovek i mir» : monografiya. v 2 t. [System «Man and the World». in 2 vol.]. Berezovskii V.I. Irkutsk: Pudl. Irkut. gos.un-ta, 2010. Vol. 1, 2. 314 p.
13. Lapaeva V.V. Sotsiologicheskoe obespechenie zakonotvorchestva [Sociological support of lawmaking. Doctor (legal) Thesis]. Moscow, 1993. 303 p.
14. Pozdnyakov V.M. Yuridicheskaya psikhologiya: genesis i perspektivy [Legal Psychology: Genesis and Prospects]. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied Legal Psychology], 2010, no. 2, pp. 15—37.
15. Romanov V.V., Kotlyarova L.N. Yuridicheskaya psikhologiya [Legal psychology: textbook for academic bachelor degree]. Moscow: Publ. Yurait, 2018. 478 p.
16. Safuanov F.S. Eticheskie problemy ispol'zovaniya psikhologicheskikh znaniy v sudoproizvodstve v neprotsessual'nykh formakh [Ethical problems of using psychological knowledge in legal

- proceedings in non-procedural forms]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law]. 2014, no. 4, pp. 79–87.
17. Sekerazh T.N. Psikhologo-lingvisticheskoe issledovanie videozapisi doprosa: problemy i vozmozhnye puti ikh resheniya [Psychological and linguistic study of interrogation video: problems and possible solutions]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2015. Vol. 5, no. 2, pp. 93–104.
 18. Sorokotyagin I.N., Sorokotyagina D.A. *Yuridicheskaya psikhologiya : uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata* [Legal Psychology: textbook and workshop for academic baccalaureate. 4th ed]. Moscow : Publ. Yurait, 2017. 360 p.
 19. Spasennikov B.A. «Psikhologiya» i «psikhiatriya» v yuridicheskom vuze [«Psychology» and «psychiatry» in a law school]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2003, no. 4, pp. 90–92.
 20. Chernenilov V.I. Tsivilizatsionnaya missiya yuridicheskoi psikhologii [Civilization mission of legal psychology]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology]. 2011, no. 1, pp. 19–26.
 21. Chufarovskii Yu.V. *Yuridicheskaya psikhologiya v voprosakh i otvetakh : uchebnoe posobie* [Legal psychology in questions and answers: a training manual]. Moscow : Publ. Prospekt, 2010. 255 p.
 22. Shokhin V.K. [i dr.] *Novaya filosofskaya entsiklopediya : v 4 t.* [New philosophical encyclopedia: in 4 vol]. Moscow: Publ. Mysl', 2010. Vol. 1–4. 2816 p.
 23. Engel's F. *Dialektika prirody* [Dialectic of nature]. Moscow : Publ. Politizdat, 1982. 359 p.
 24. Lebedev I.B. [i dr.] *Yuridicheskaya psikhologiya s osnova obshchei i sotsial'noi psikhologii : uchebnik dlya kursantov i slushatelei obrazovatel'nykh uchrezhdenii MVD Rossii yuridicheskogo profilya* [Legal psychology with the basis of general and social psychology: a textbook for cadets and students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia of a legal profile]. Moscow: Publ. YuNITI; Zakon i pravo, 2012. 463 p.
 25. *Yuridicheskaya psikhologiya: uchebnik* [Legal psychology: textbook] Sitkovskaya O.D. (eds.). Moscow: Publ. Yurlitinform, 2011. 469 p.

Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования

Бойкина Е.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВПО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: katarinatapfer@gmail.com

Чиркина Р.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВПО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Проблема преодоления рисков и факторов, порождающих деструктивное поведение несовершеннолетних и молодежи, является актуальной для ювенальной юридической психологии и требует построения эффективных моделей исследования. В качестве одного из значимых предикторов деструктивного поведения в статье рассматривается феномен остракизма. Согласно модели остракизма К.Д. Вильямса, в ситуации остракизма у индивида нарушаются одна или несколько базовых потребностей: в контроле, самоуважении (снижается уровень самооценки), принадлежности и осмысленном существовании, что, в конечном итоге, может детерминировать у остракируемого радикальные реакции: аутоагрессию, замещённую агрессию, решение вступить в экстремистские организации или культы и другие акты антисоциального поведения. В статье предпринята попытка систематизировать методологию исследования феномена социального остракизма: рассматриваются методы исследования с позиции объекта (цели), субъекта (источника) и наблюдателя остракизма, приводятся описания схем экспериментов.

Ключевые слова: социальный остракизм, исключение, игнорирование, отвержение, деструктивное поведение, методология, Cyberball, O`Cam, O`Train, Ostracism Online, Atimia

Для цитаты: Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 152-170. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100114>

Social ostracism: current state of the problem, methodology and research methods

Ekaterina E. Boykina

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: katarinatapfer@gmail.com

Rimma V. Chirkina

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

The problem of overcoming the risks and factors that generate destructive (anti-social, delinquent, auto-destructive, etc.) behavior of minors and youth is relevant for juvenile legal psychology and requires the construction of effective research models. The article considers the phenomenon of ostracism as one of the significant predictors of destructive behavior. According to K. D. Williams` ostracism model in a situation of ostracism, one or more basic needs of an individual are threatened: control, self-esteem (the level of self-esteem decreases), belonging and meaningful existence. That, in the end, can determine radical reactions in the ostracized: autoaggression, displaced aggression, the decision to join extremist organizations or cults, and other acts of anti-social behavior. This fact served as an impetus for a large number of studies in this area and mediated the creation of its own methodological base, applicable exclusively to the study of the phenomenon of social ostracism (ignoring, exclusion, rejection). The article attempts to systematize the methodology of studying the phenomenon of social ostracism: research methods are considered not only from the position of the object (target) of ostracism, but also the subject (source) and observer (vicar ostracism); descriptions of experimental schemes are carried out. The article is of interest to researchers who study the psychological aspects of ignoring, rejecting, and / or excluding, as well as to methodologists.

Keywords: social ostracism, exclusion, ignoring, rejection, destructive behavior, methodology, Cyberball, O`Cam, O`Train, Ostracism Online, Atimia.

For citation: Boykina E.E., Chirkina R.V. Social ostracism: current state of the problem, methodology and research methods. *Psikhologiya i pravo*, 2020. Vol. 10, no. 1. p. 152-170. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100114>

Введение

В центре внимания юридической психологии как прикладной науки всегда стоит спектр проблем, связанных с деструктивным девиантным поведением несовершеннолетних и молодежи. Рассматривая различные стороны проблемы через призму практико-ориентированных целей, ученые разных стран ставят перед собой более фундаментальные задачи поиска объяснительных теорий и определения методологических оснований для исследования связей и закономерностей, выявления факторов и детерминант деструктивного поведения, которые позволят практикам разрабатывать эффективные модели и технологии профилактики, коррекции и реабилитации.

Проявления антисоциального, (ауто)агрессивного, делинквентного поведения, склонность вступать в деструктивные (радикальные, экстремистские сообщества, секты, криминальные группировки) ряд исследователей считают реакцией на неопределенность окружающей ситуации и способом ее преодоления, рассматривая особенности идентификационных искажений радикализирующихся индивидов [5]. Деструктивное девиантное поведение рассматривается в контексте клинико-психологических и социально-психологических диагностических признаков,

дифференцирующих различные категории отклоняющегося поведения детей и подростков [6]; в рамках задач разработки инструментов анализа и оценки риска противоправного поведения несовершеннолетних [2, 3] и многих других аспектов. Анализ этих и других исследований показывает, что нарушения поведения часто связаны с фактами переживания ситуаций исключения, игнорирования, отвержения, к которым дети, подростки и молодежь наиболее чувствительны. Именно эту триаду факторов, объединяемых понятием остракизм, на наш взгляд, можно рассматривать в качестве объяснительного конструкта в исследовании проблематики радикализации и других деструктивных поведенческих паттернов.

Остракизм (игнорирование, исключение, отвержение кого-то кем-то) – признанный значимым и актуальным психологический феномен, встречающийся повсеместно как среди людей, так и у социальных видов животных [1,31,32]. Люди могут подвергаться остракизму как в длительном периоде, так и мимолётно, – некоторые исследования приводят данные о ежедневной статистике игнорирования и/или исключения [14]; остракизм может нарушить физическое и психологическое благополучие индивида, вызывая болезненные негативные эмоции, озлобленность, фрустрацию, агрессию, печаль, чувство одиночества [12,21] и в то же время этот феномен имеет адаптивный эффект, помогая человеку приспособиться к условиям среды и выжить [31,32].

На сегодняшний день исследователи используют понятия «остракизм», «социальный остракизм», «социальное исключение», «отвержение», «игнорирование» по большей части попеременно, несмотря на то, что дебаты о разграничении этих понятий ведутся постоянно [13,22,24,37]. В своей работе, описывающей модель остракизма, К.Д. Вильямс говорит не только об остракизме, как акте игнорирования и исключения, но и об отвержении [31,32]. Отдавая должное научной дискуссии, мы в данной статье будем использовать термин «социальный остракизм», исходя из того, что все обсуждаемые эффекты, реакции, как признают учёные, присущи данному феномену в целом [28].

Из истории исследования социального остракизма

Согласно обзору эмпирических исследований остракизма К. Д. Вильямса и С.А. Ниды [33], ещё в 60-70-х годах прошлого столетия в литературе по социальной психологии можно было найти описание лишь нескольких экспериментов в данной области. Без сомнения, мощный импульс к началу многочисленных экспериментов по изучению остракизма дала работа 1995 года Р.Ф. Баумайстера и М.Р. Лири [8]. Именно в этот период несколько лабораторий независимо друг от друга начинают проявлять интерес к изучению остракизма (К.Д. Вильямс), исключения (Р.Ф. Баумайстер) и отвержения (М.Р. Лири). Учёные приходят к заключению, что «люди зачастую испытывают психологическую и/или физическую боль, когда у них вследствие остракизма нарушается одна из четырёх фундаментальных потребностей: в принадлежности (Baumeister, Leary, 1995), в самоуважении (Steele, 1988), в чувстве контроля (Seligman, 1975) и чувстве осознанного существования (Solomon, Greenberg, 1975)» [33, с. 72]. Здесь необходимо пояснить, что, говоря о потребности в самоуважении, учёные имеют в виду «потребность в сохранении достаточно высокой самооценки», под потребностью в контроле понимается «потребность в восприятии контроля над своим социальным окружением», потребность в осмысленном существовании – это «потребность чувствовать, что другие признают, что ты существуешь и стоишь их внимания» [32, с. 288].

Опираясь на вышеуказанные исследования, в 1997 году К. Д. Вильямс представил научному сообществу свою теоретическую модель остракизма: «The temporal need-threat model of ostracism» – «модель остракизма на основе нарушенных потребностей и с учётом времени его воздействия на индивида», на которую в основном и стали опираться впоследствии исследователи игнорирования, отвержения и исключения в своих работах [13, 22, 26].

Модель остракизма на основе нарушенных потребностей и с учётом времени его воздействия на индивида (К.Д. Вильямс)

В структуре данной модели Вильямс постулирует три стадии ответной реакции на ситуацию остракизма: рефлекторную (немедленную), рефлексивную (копинговую) и резигнации (долгосрочную). Согласно этой модели остракизма, на первой, рефлекторной стадии, как только индивид обнаруживает признаки остракизма, он может ощутить боль, почувствовать печаль, злость, у него снижается уровень удовлетворённости одной или нескольких фундаментальных психологических потребностей (в принадлежности, самоуважении, контроле, осмысленном существовании). При этом степень воздействия остракизма на индивида обнаруживается не только на уровне самоотчета, но и физически осязаема. После первого «укола» остракизма индивид переходит на вторую, рефлексивную стадию, где сосредотачивает усилия на восстановлении своих нарушенных потребностей. Именно на этой стадии происходит принятие решения о стратегии реагирования: антисоциально, просоциально или самоисключиться из причиняющего боль социального взаимодействия. Заключительная стадия – стадия принятия (или резигнации) – наступает в том случае, если процесс остракизма принимает длительный/хронический характер. В этом случае индивид может страдать от чувства отчуждения, впасть в депрессию, испытывать беспомощность и никчемность [1, 4, 19, 21, 31, 32].

О методах исследования социального остракизма

Как показывает анализ схем исследований остракизма [7,11.16, 18, 23], существует ряд методов и даже специальных компьютерных программ, используемых для исследования именно этого феномена. И связано это, прежде всего, с неизменными эксклюзивными задачами их исследовательской схемы: искусственное создание ситуации игнорирования, исключения или отвержения или изучения этих факторов в приложении к объект/субъекту/наблюдателю остракизма. Как показывает практика исследований остракизма, использование стандартизированных опросников, шкал, проективных методик и других методов исследования хоть и не является исключением, но, как правило, занимает незначительную часть батареи методик, применяемых в экспериментах по изучению тех или иных параметров социального остракизма. Таким образом, мы понимаем, что для решения определённой задачи (например, симулирование ситуации остракизма) необходимо наличие определённых «орудий труда» – методик. И в таком случае мы с уверенностью можем утверждать, что для изучения социального остракизма должен существовать специфический набор методик, применяемых для изучения исключительно этого феномена.

В своей работе по разработке и апробации нового метода исследования остракизма, основанного на мотивировании одного индивида к исключению/игнорированию/отвержению другого, С.Л. Гули с коллегами уже предприняли попытку классифицировать методологический аппарат изучения феномена социального остракизма с позиции субъекта [16]. Учёные указали на традиционность в схемах исследования остракизма, когда изучается, главным образом объект (цель), то есть остракируемый индивид (группа), и предложили сменить угол зрения, включив в эту схему, собственно, сам источник – субъект остракизма: «... важно признать тот факт, что остракизм по своей сути является межличностными отношениями, требующими наличия не только цели, но и источника» [там же, с. 411].

Мы возьмём на себя смелость добавить к этой схеме ещё и «третьего» участника взаимодействия в рамках ситуации социального остракизма, а именно: наблюдателя. На сегодняшний день это наименее изученный аспект данного феномена: так называемый викарный остракизм [29] или «третья сторона» в остракизме [17]. В связи с этим, представляется целесообразным рассмотреть методологию изучения остракизма именно по объектно-субъектному признаку.

Учитывая тот факт, что в психологии на данный момент широко используется междисциплинарный подход к построению схем исследований, мы дополнили описанную С.Л. Гули и коллегами схему ещё одним направлением: исследованием с использованием методов функциональной диагностики индивида [10].

Объект (цель) остракизма

«Перекидывание мяча» (Ball tossing)

Одна из первых процедур по симулированию ситуации остракизма (1997 год), в специализированной литературе её чаще называют «минимальной парадигмой исследования», представляла из себя следующее. Три человека ожидали в комнате начала некоего эксперимента, из которых только один – наивный участник, а два других – конфедераты, помощники экспериментатора. Пока все ожидали начала эксперимента, один из конфедератов «неожиданно» замечал находящийся в помещении мяч, брал его и вовлекал остальных участников в игру по перекидыванию друг другу мяча. По ходу этой спонтанной игры конфедераты, согласно плану эксперимента, либо продолжали играть с третьим участником (условия включения), либо постепенно переставали давать тому подачи и играли только вдвоём (условия исключения) [31, 32].

«Кибербол» (Cyberball)

В 2000 году К.Д. Вильямс с коллегами разработали виртуальный аналог «Ball tossing»: программу «Кибербол» (Cyberball), имеющую ряд преимуществ перед своим прототипом. «Кибербол» оказался более эффективным, поскольку не требует участия конфедератов. По данным на 2009 год «в экспериментах с использованием «Кибербола» уже приняли участие более 5000 человек» [33, стр. 72]. Данная программа предоставлена разработчиками для свободного скачивания по ссылке: <http://www.empirisoft.com/cyberball.aspx>.

Если говорить о схеме симуляции ситуации остракизма, то в «Киберболе» вместо стихийно возникающей игры в мяч легенда такова: исследователи информируют участников о том, что их эксперимент с использованием игры «Кибербол», инсталлированной на компьютер, ставит своей целью тренировку навыков ментальной визуализации других участников этой игры. Участникам сообщают, что они играют по сети с двумя, иногда тремя другими участниками, и неважно, кто ловит, кто подаёт виртуальный мяч в этой игре, главное, что эта анимированная игра помогает им визуализировать других участников. Как и в «Ball tossing», участники в ситуации исключения получают лишь 2-3 подачи мяча в начале игры. Обычно игра состоит из 30-50 подач.

«Остракизм в поезде» (O`Train) - ещё один метод симуляции ситуации социального остракизма, который может быть использован исследователями для изучения реакций не только объекта, но субъекта и наблюдателя остракизма. По сценарию в помещении имитируются условия вагона поезда: в несколько рядов ставятся по три стула. Участник, который садится в середину – объект остракизма (или объект включения), участники на 1 и 3 стуле – субъекты, которым экспериментатор накануне даёт определённые инструкции. По легенде все участники изображают обычное общение попутчиков в поезде в течение 5-7 минут, но, начиная со второй минуты, участники на 1 и 3 стульях либо исключают из своей беседы участника №2 (симулирование ситуации остракизма), либо активно вовлекают в беседу (инклюзия). По окончании игры все участники отвечают на вопросы о своих чувствах и нарушенных потребностях. После чего обязательно проводится дебрифинг, в ходе которого экспериментатор раскрывает схему эксперимента [38].

«O`Sam»

Упоминание о другом виде симуляции ситуации исключения и игнорирования, получившей название «O`sam» [11], мы находим в работах немецкого исследователя М. Пфундмайер, которая в ходе серии экспериментов изучала пусковые механизмы антисоциального реагирования на остракизм, а именно проявление индивидом радикальных реакций [18]. Статус остракизма и статус включения во второй части эксперимента конструировались по сценарию: сначала участников просили коротко рассказать о себе перед веб-камерой в присутствии двух других «участников проекта» (конфедератов). Последние создавали ситуации остракизма или включения: в течение 15 секунд внимательно слушали самопрезентацию участника на веб-камеру, затем в течение 75 секунд либо начинали игнорировать его и беседовать между собой, либо продолжали заинтересованно слушать.

«Ostracism Online»

Данный вид симуляции условий остракизма основывается на использовании платформ социальных сетей по принципу Facebook, Twitter и др. В 2014 году группа учёных [15] разработала парадигму «Ostracism Online» для выполнения ряда задач: иметь возможность строго контролировать запрограммированное поведение компьютерных игроков; предложить учёным возможность манипулировать характеристиками социальных групп с учётом задач исследований; иметь возможность накопления данных в режиме он-лайн; быть экологически валидным методом в условиях современного общества.

При использовании «Ostracism Online» участникам сообщают, что они примут участие в решении некой задачи с он-лайн участием группы других участников. На самом деле в данной игре принимает участие только один реальный участник, остальные – это программный код, который отвечает за «поведение» виртуальных участников. Реальный участник заполняет свой профиль: создает аватар и пишет резюме о себе. Затем он имеет возможность ознакомиться с профилями других. В процессе данного виртуального знакомства его просят представить, каковы другие участники в реальной жизни, и поставить «лайк» понравившимся. Количество «лайков», получаемых всеми участниками взаимодействия, визуализируется на экране, и реальный участник видит, кто, включая его самого, сколько оценок получил. Уровень остракизма манипулируется количеством «лайков», которые может получить профиль реального участника.

Исследование остракизма в условиях виртуальной реальности

По мнению современных исследователей [25], разработанные в предыдущие годы минимальные парадигмы изучения остракизма имеют ряд недостатков. Например, создание ситуации остракизма «вживую», «лицом к лицу» всегда требует наличия как минимум ещё двух хорошо подготовленных конфедератов и не позволяет привлечь более одного участника эксперимента за раз. «Киберболу» же не достаёт реалистичности. С учётом этих недостатков в 2012 году исследователи разработали программное обеспечение парадигмы кибер-остракизма с использованием шлема виртуальной реальности, которое предполагает такой же принцип манипулирования ситуацией исключения/включения как и в «Киберболе», но делает это в условиях наиболее приближенных к реальности: сам игрок может двигаться, визуально находиться на игровом поле, двигать рукой для подачи паса, видеть движения фигур других игроков [25].

Исследование остракизма с использованием функциональной диагностики индивида

В ряде исследований учёными были изучены физиологические реакции в актуальной ситуации игнорирования или отвержения или сразу по её завершении. Так ещё в 2004 году Л. Задро провела эксперимент, в ходе которого остракируемые участники во время игры в «Кибербол» были подключены к импедансному кардиографу, аппарату, чувствительному к изменению гемодинамики и позволяющему проводить длительные неинвазивные наблюдения [см. обзор: 31]. В ходе исследования Л. Задро сравнивала уровень показаний на первичной стадии включения, далее на стадии игнорирования и на заключительной стадии повторного включения. Исследование не выявило систематической реакции страха, но обнаружило признаки повышения артериального давления в ситуации остракизма.

Помимо нейроэндокринных реакций [39] исследователями изучались также реакции головного мозга на ситуацию остракизма. В 2003 году Н. Айзенбергер с коллегами провели лабораторные исследования остракизма с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии в процессе игры участников эксперимента в «Кибербол» [10]. Результаты исследования показали, что «вне зависимости от того, был ли остракизм намеренным или ненамеренным, он во всех случаях вызывал активацию участка дорсальной передней поясной коры, который является в головном мозге индикатором физической боли» [31, с. 433]. Правый префронтальный корковый слой показал рост активации, но лишь в случае намеренного остракизма. Данный участок головного мозга отвечает за передачу болевой реакции.

Для исследования остракизма учёные используют также ряд самоотчётных методик: шкалы, опросники, дневники и другие.

Шкала субъективного остракизма (подростки) (OES-A)

Шкала «Ostracism Experience Scale for Adolescents» (OES-A), была разработана коллективом авторов [24] в качестве самоотчётного метода о восприятии подростком остракизма. Шкала включает в себя два фактора: «исключён из» и «игнорирован» социумом. Разные версии шкалы состоят из 19 или 11 утверждений и активно используются в современных исследованиях на подростковых выборках в разных странах.

Для определения уровня нарушенных потребностей индивида в ситуации остракизма (или сразу после неё) с 2001 года учёные активно используют Опросник «Базовые потребности» Primary needs questionnaire, 12 вопросов (по 3 на каждую из 4-х потребностей) [26], «Шкалу нарушенных потребностей» Needs-Threat Scale, 20 утверждений (по 5 на каждую из 4-х потребностей) [9]. В РФ данные шкалы не адаптированы и не валидизированы.

Субъект остракизма

На сегодняшний день субъект (источник) остракизма, то есть тот, кто, собственно, игнорирует, отвергает и/или исключает, изучается в психологии не столь активно, как сам объект. Однако и этот взгляд на социальный остракизм предлагает исследователю ряд интересных методологических решений. Так, ещё в 2000 году К.Д. Вильямс, Ф. Бернири, С. Фолкнер, Н. Джада-Джейн и Дж. Граэ использовали метод дневника для исследования ощущений субъекта остракизма. В течение пяти дней учёные по очереди подвергались остракизму со стороны других участников этой научной группы. Результаты данного эксперимента показали, что быть субъектом остракизма – это неприятно и истощает субъект остракизма когнитивно. Для исследования субъекта остракизма применяется и описанная ранее парадигма «В поезде». Л. Задро, К.Д. Вильямс и Р. Ричардсон в 2000 году провели эксперимент, сценарий которого предполагал две роли для субъектов: они либо игнорировали третьего участника, который сидел между ними, либо спорили с ним или оскорбляли его [см. обзор: 35, с. 499].

Приведённые выше методологические приёмы исследования социального остракизма с позиции его субъекта наглядно демонстрируют, что создание ситуации, когда один индивид будет игнорировать, отвергать и/или исключать другого, вполне реально. И всё же все они имеют один главный недостаток: во всех описанных выше схемах субъекту давались прямые инструкции по остракизму некоего объекта, то есть субъект не поступал так по собственному желанию. Этот факт побудил ряд учёных к разработке новых методов исследования, обеспечивающих мотивацию индивида к остракированию другого индивида.

Одним из таких методов, отвечающих критериям «был мотивирован остракировать» и «не получал инструкций», является метод «направленных воспоминаний», когда участники пишут историю о том, как они игнорировали кого-то своим молчанием [30], или вспоминают случаи отвержения ими кого-либо [20]. Метод направленных воспоминаний безусловно соответствует описанным выше критериям, но также имеет свои ограничения. Н. Шварц, Р.М. Грувс и Х. Шуман ещё в 1998 году обнаружили, что «индивиды в подавляющем большинстве случаев вспоминают высоко эмоциональные события, и опыт остракизма или отвержения, о котором вспоминают участники, может не соответствовать типичному опыту, когда индивид выступает в роли источника остракизма или отвержения» [35, стр. 500].

«Атимия» (Atimia)

В 2015 году Дж. Х. Вирт, М. Дж. Бернштейн и А.С. Лерой разработали компьютерную игру, которую назвали «Atimia», по названию одного из видов наказания граждан античной Греции, у которых имелся долг перед городом Афины. Учёные позиционируют «Атимию» в качестве аналога «Киберболу», но изучающего не объект, а субъект остракизма. «Атимия» позволяет моделировать ситуацию мотивированного остракирования в режиме он-лайн, задействуя несколько участников параллельно. Данная игра адаптивна для программирования контролируемых условий.

По условиям «Атимии» 3 участника группы в он-лайн взаимодействии по очереди (на самом деле реальный участник в группе один, остальные – программные коды) выполняют общую задачу по решению теста отдалённых ассоциаций Медника. В тесте испытуемым предлагаются словесные триады, которые принадлежат к отдалённым ассоциативным областям. Задача участника – найти четвёртое слово, которое объединяло бы его с каждым из этих трёх слов и с каждым из них образовало бы новое словосочетание. Цель игры: как можно быстрее набрать 20 правильных ответов.

Результаты исследования подтвердили гипотезу: реальный участник без предварительных инструкций экспериментатора чаще исключал (не давал право следующего хода) игроку, отвечающему в большинстве случаев неправильно.

Наблюдатель остракизма

Изучение остракизма с точки зрения третьего участника данного взаимодействия, наблюдателя, является на сегодняшний день самым редким. В своей работе о викарном остракизме, так в научной литературе называют остракизм с точки зрения наблюдателя, Э.Д. Вессельманн, К.Д. Вильямс и Э.Х. Хейлс пишут, что им «известно лишь о девяти экспериментальных исследованиях, демонстрирующих викарный остракизм» [24, стр. 19].

С точки зрения методологии викарный остракизм пока не обладает неким эксклюзивным набором методик, разработанных специально для его исследования. Как правило, для изучения викарного остракизма учёные адаптируют уже имеющиеся методы исследования. Так в семи из девяти упомянутых выше исследований использовалась модифицированная версия «Кибербола»: все игроки были запрограммированными, а наблюдателю сообщалось, что он следит за онлайн-игрой реальных игроков [23]. Викарный остракизм также активно изучается с применением МРТ [31]. Немногочисленные исследования викарного остракизма свидетельствуют о том, что при наблюдении остракизма у наблюдателя активируются те же области головного мозга, что и у объекта [30], и зачастую наблюдатель реагирует на наблюдаемый остракизм в просоциальном ключе [28].

Заключение

В последнее десятилетие наметилась стойкая тенденция к разработке специфической методологии исследования субъекта или объекта остракизма. Ряд авторов, однако, указывают на то, что учёные при разработке схемы исследования должны проявлять осторожность и учитывать тот факт, что использование различных парадигм может привести к разным результатам исследований [7]. Сравнительный анализ нарушения базовых потребностей в ситуации остракизма с использованием трёх самых популярных парадигм: «направленных воспоминаний», «Кибербола» и «O`Sam» выявил следующее: «O`Sam» вызывает более сильное нарушение потребностей в принадлежности, контроле и самоуважении, чем направленные воспоминания, и значительно сильнее нарушает потребности в контроле и самоуважении, чем «Кибербол». Таким образом учёные предостерегают от необдуманного выбора методологии исследования остракизма, поскольку, по их мнению, многие исследователи уверены, что «все парадигмы исследования остракизма «одинаковы» и потому применяют их попеременно» [7, стр. 8].

Если говорить о перспективах развития методологии исследования остракизма, то, несмотря на уже накопленный опыт, сами исследователи говорят о необходимости разработки иных валидных методов исследования остракизма, таких как, например, создание парадигм мотивированного остракизма субъектом [16, 35], создания парадигм исследования малоизученного викарного остракизма [29], развития методологической базы на основе дополненной реальности [25]. Полагаем, что самые широкие перспективы в этом отношении открываются перед российскими исследователями феноменов остракизма, поскольку на данный момент с уверенностью можно констатировать наличие сформированной методологической базы исследования и диагностики лишь в области буллинга, который лишь отчасти пересекается с феноменом социального остракизма [1].

Все это делает крайне важным фундаментальное и прикладное изучение феномена остракизма, который, как показывает уже накопленный зарубежными коллегами теоретико-эмпирический массив научного знания в данной области, несёт в себе мощный потенциал для разработки методов профилактики антисоциального, преступного, самоповреждающего поведения.

Литература

1. Бойкина Е.Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 127–140. doi:10.17759/psylaw.2019090310
2. Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Ошевский Д.С., Александрова Н.А. Оценка риска противоправных действий у детей и подростков: метод. рекомендации. М.: ФГБУ «ГНЦССП имени В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России, 2011. 25 с.
3. Мартынова И.Р. Современные зарубежные направления исследований факторов риска противоправного поведения у несовершеннолетних. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 2. С. 41–56. doi: 10.17759/psylaw.2016060204
4. Сыроквашина К.В. Нападения в школах: агрессивные и аутоагрессивные действия несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 3. С. 37–44. doi:10.17759/jmfp.2019080304
5. Тихонова А.Д., Дворянчиков Н.В., Эрнст-Винтила А., Бовина И.Б. Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 3. С. 32–40. doi:10.17759/chp.2017130305
6. Чиркина Р.В., Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г., Дегтярев А.В., Дебольский М.Г., Воронина А.В. К вопросу обоснования диагностических признаков различных категорий несовершеннолетних с противоправным поведением в контексте деятельности ПМПК [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 1. С. 77–94. doi:10.17759/psylaw.2018080106
7. Are all ostracism experiences equal? A comparison of the autobiographical recall, Cyberball, and O-Cam paradigms Adolescents [Электронный ресурс] Godwin A., [et al.] // Behavior Research Methods. 2013. Vol. 46. Iss. 3. P. 1–8. doi: 10.3758/s13428-013-0408-0
8. Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation [Электронный ресурс] // Psychological Bulletin. 1995. Vol. 117. Iss. 3. P. 497–529. doi:10.1037/0033-2909.117.3.497
9. Beest Van I., Williams K. D. When Inclusion Costs and Ostracism Pays, Ostracism Still Hurts [Электронный ресурс] // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 91. Iss.5. P. 918–928. doi:10.1037/0022-3514.91.5.918
10. Eisenberger N.I., Lieberman M.D., Williams K.D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion [Электронный ресурс] // Science. 2003. Vol. 302. P. 290–292. doi: 10.1126/science.1089134
11. Goodacre R., Zadro L. O'Cam: A new paradigm for investigating the effects of ostracism [Электронный ресурс] // Behavior Research Methods. 2010. Vol. 42. Iss. 3. P. 768–774. doi: 10.375/BMR.42.3.768
12. Hawkey L.C., Williams K.D., Cacioppo J.T. Responses to ostracism across adulthood [Электронный ресурс] // SCAN. 2010. Vol. 6. P. 234–243. doi: 10.1093/scan/nsq045
13. If you can't join them, beat them: effects of social exclusion on aggressive behavior [Электронный ресурс] Twenge J.M., [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. Vol. 81. Iss. 6. P. 1058–1069. doi: 10.1037//0022-3514.81.6.1058
14. Ostracism in Everyday Life: The Effects of Ostracism on Those Who Ostracize [Электронный ресурс] Nezlek J. B., [et al.] // The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155. P. 432–451. doi:10.1080/00224545.2015.1062351

15. Ostracism Online: A social media ostracism paradigm [Электронный ресурс] Wolf W., [et al.] // Behavior Research Methods. 2014. doi: 10.3758/s13428-014-0475-x
16. Ostracizing for a Reason: A Novel Source Paradigm for Examining the Nature and Consequences of Motivated Ostracism [Электронный ресурс] Gooly S.L., [et al.] // The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155. P. 410–431. doi:10.1080/00224545.2015.1060933
17. Over H., Carpenter M. Priming third-party ostracism increases affiliative imitation in children [Электронный ресурс] // Developmental Science. 2009. Vol. 12. Iss. 3. P. 1–8. doi: 10.1111/j.1467-7687.2008.00820.x
18. Pfundmair M. Ostracism promotes a terroristic mindset [Электронный ресурс] // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. 2018. P. 1–15. doi: 10.1080/19434472.2018.1443965
19. Psychological flexibility and ostracism: Experiential avoidance rather than cognitive fusion moderates distress from perceived ostracism over time [Электронный ресурс] Tindall I., [et al.] // Journal of Contextual Behavioral Science. 2018. doi: 10.1016/j.jcbs/2018/02/001
20. Rejecting another pains the self: The impact of perceived future rejection [Электронный ресурс] Chen Z., [et al.] // Journal of Experimental Social Psychology. 2014. Vol. 50. P. 225–233. doi: 10.1016/j.jesp.2013.10.007
21. Ren D., Wesselmann E.D., Williams K.D. Hurt people hurt people: ostracism and aggression [Электронный ресурс] // Current Opinion in Psychology. 2018. Vol. 19. P. 34–38. doi: 10.1016/j.copsy.2017.03.026
22. Schaafsma J., Williams K. D. Exclusion, intergroup hostility, and religious fundamentalism [Электронный ресурс] // Journal of Experimental Social Psychology. 2012. Vol. 48. P. 829–837. doi: 10.1016/j.jesp.2012.02.015
23. Social media ostracism: The effects of being excluded online [Электронный ресурс] Schneider F.M., [et al.] // Computers in Human Behavior. 2017. Vol. 73. P. 385–393. doi: 10.1016/j.chb.2017.03.052
24. Validation of the Ostracism Experience Scale for Adolescents [Электронный ресурс] Gilman R., [et al.] // Psychological Assessment. 2012. Vol. 25. Iss. 2. P. 319–330. doi: 10.1037/a0030913
25. Virtually Ostracized: Studying Ostracism in Immersive Virtual Environments [Электронный ресурс] Kassner M.P., [et al.] // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2012. Vol. 12. Iss. 8. P. 399–403. doi: 10.1089/cyber.2012.0113
26. Waldeck D. Qualitative Research with Participants Suffering From Ostracism: A Practical Guide For the Novice Researcher [Электронный ресурс] // The Qualitative Report. 2017. Vol. 22. Iss. 7. P. 1744–1758. URL:<http://nsuworks.nova.edu/tqr/vol.22/iss7/1> (дата обращения: 22.01.2018)
27. Wesselmann E.D., Bagg D., Williams K.D. «I feel your pain»: the effects of observing ostracism on the ostracism detection system [Электронный ресурс] // Journal of Experimental Social Psychology. 2009. Vol. 45. Iss. 6. P. 1308–1311. doi: 10.1016/j.jesp.2009.08.003
28. Wesselmann E.D., Ren D., Williams K.D. Motivations for responses to ostracism [Электронный ресурс] // Frontiers in Psychology. Cognitive Science. 2015. Vol. 6. P. 1–5. doi: 10.3389/fpsyg.2015.00040
29. Wesselmann E.D., Williams K.D., Hales A.H. Vicarious ostracism [Электронный ресурс] // Frontiers in human neuroscience. 2013. Vol. 7. Iss. 153. P. 1–2. doi: 10.3389/fnhum.2013.00153
30. When silence speaks louder than words: Explorations into the intrapsychic and interpersonal consequences of social ostracism [Электронный ресурс] Sommer K. L., [et al.] // Basic and Applied Social Psychology. 2001. Vol. 23. P. 225–243. doi: 10.1207/S15324834BASP2304_1
31. Williams K. D. Ostracism [Электронный ресурс] // The Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. P. 425–452. doi: 10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
32. Williams K. D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model [Электронный ресурс] // Advances in Experimental Social Psychology. 2009. Vol. 41. P. 275–314. doi: 10.1016/S0065-2601(08)00406-1

33. Williams K. D., Nida S.A. Ostracism: Consequences and Coping [Электронный ресурс] // Current Direction in Psychological Science. 2011. Vol. 20. Iss. 2. P. 71–75. doi: 10.1177/0963721411402480
34. Williams K. D., Zadro L. Ostracism: On being ignored, excluded, and rejected [Электронный ресурс] // In M. R. Leary (Ed.), Interpersonal rejection. New York, NY: Oxford University Press. 2001. P. 21–53. doi: 10.1093/acprof:oso/9780195130157.003.0002
35. Wirth J.H., Bernstein M.J., Leroy A.S. Atimia: A New Paradigm for Investigating How Individuals Feel When Ostracizing Others [Электронный ресурс] // The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155. P. 497–514. doi: 10.1080/00224545.2015.1060934
36. Witnessing peer rejection during early adolescence: neural correlates of empathy for experiences of social exclusion [Электронный ресурс] Masten C.L., [et al.] Social Neuroscience. 2010. Vol. 5. Iss. 5–6. P. 496–507. doi: 10.1080/17470919.2010.490673
37. Wölfer R., Scheithauer H. Ostracism in Childhood and Adolescence: Emotional, Cognitive, and Behavioral Effects of Social exclusion [Электронный ресурс] // Journal Social Influence. 2013. Vol. 8. Iss. 4. P. 217–236. doi: 10.1080/15534510.2012.706233
38. Zadro L., Williams K.D., Richardson R. Riding the `O` Train: Comparing the Effects of Ostracism and Verbal Dispute on Targets and Sources [Электронный ресурс] // Group Processes and Intergroup Relations. 2005. Vol. 8. Iss. 2. P. 125–143. doi: 10/1177/1368430205051062
39. Zwolinski J. Psychological and neuroendocrine reactivity to ostracism [Электронный ресурс] // Aggressive behavior. 2012. Vol. 38. P. 108–125. doi: 10.1002/ab.21411

References

1. Boykina E.E. Ostrakizm i rodstvennye fenomeny: obzor zarubezhnyh issledovanij [Elektronnyj resurs] [Ostracism and related phenomena: review of foreign studies]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019, Vol. 9, no. 3. pp.127-140. doi: 10.17759/psylaw.2019090310 (In Russ.; Abstr. in Engl.)
2. Dozorčeva E.G., Badmaeva V.D., Oshevskij D.S., Aleksandrova N.A. Ocenka riska protivopravnih dejstvij u detej i podroستkov: metod. rekomendacii. M.: FGBU «GNCSSP imeni V.P. Serbskogo» Minzdravsocrazvitiya Rossii, 2011. p. 25
3. Martynova I.R. Sovremennye zarubezhnye napravleniya issledovanij faktorov riska protivopravnogo povedeniya u nesovershennoletnih [Elektronnyj resurs] [Present-day foreign directions of researches of risk factors of unlawful behavior among minors] Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016, Vol. 6, no.2 pp.41-56. doi: 10.17759/psylaw.2016060104 (In Russ.; Abstr. in Engl.)
4. Syrokvashina K.V. Napadeniya v shkolah: agressivnye i autoagressivnye dejstviya nesovershennoletnih [Elektronnyj resurs] [School attacks: aggressive and auto-aggressive actions of juveniles] Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya [Journal of Modern Foreign Psychology], 2019. Vol.8, no. 3, pp.. 37–44. doi:10.17759/jmfp.2019080304 (In Russ.; Abstr. in Engl.)
5. Tihonova A.D., Dvoryanchikov N.V., Ernst-Vintila A., Bovina I.B. Radikalizaciya v podroستkovomolodezhnoj srede: v poiskah ob"yasnitel'noj skhemy [Elektronnyj resurs] [Radicalisation of Adolescents and Youth: In Search of Explanations] Kul'turno-istoricheskaya psihologiya [Cultural-Historical Psychology], 2017. Vol. 13, no. 3, pp. 32–40. doi:10.17759/chp.2017130305. (In Russ., abstr. in Engl.)
6. Chirkina R.V., Delibalt V.V., Dozorčeva E.G., Degtyarev A.V., Debol'skij M.G., Voronina A.V. K voprosu obosnovaniya diagnosticheskikh priznakov razlichnyh kategorij nesovershennoletnih s protivopravnym povedeniem v kontekste deyatel'nosti PMPK [Elektronnyj resurs] [About the substantiation of diagnostic indices in different categories of juveniles with delinquent behavior within the authority of the psychological, medical and educational committee]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018, Vol. 8, no. 1. pp.77-94. doi: 10.17759/psylaw.2018080106 (In Russ., abstr. in Engl.)

7. Godwin A. et al. Are all ostracism experiences equal? A comparison of the autobiographical recall, Cyberball, and O-Cam paradigms Adolescents. *Behavior Research Method*, 2013, vol. 46, no. 3, pp. 1–8. doi: 10.3758/s13428-013-0408-0
8. Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychological Bulletin*, 1995, vol. 117, no. 3, pp. 497–529. doi:10.1037/0033-2909.117.3.497
9. Beest Van I., Williams K. D. When Inclusion Costs and Ostracism Pays, Ostracism Still Hurts. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006, vol. 91, no. 5, pp. 918–928. doi:10.1037/0022-3514.91.5.918
10. Eisenberger N.I., Lieberman M.D., Williams K.D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion. *Science*, 2003, vol. 302, pp. 290–292. doi: 10.1126/science.1089134
11. Goodacre R., Zadro L. O`Cam: A new paradigm for investigating the effects of ostracism. *Behavior Research Methods*, 2010, vol. 42, no. 3, pp. 768–774. doi: 10.375/BMR.42.3.768
12. Hawkey L.C., Williams K.D., Cacioppo J.T. Responses to ostracism across adulthood. *SCAN*, 2010, vol. 6, pp. 234–243. doi: 10.1093/scan/nsq045
13. Twenge J.M. et al. If you can't join them, beat them: effects of social exclusion on aggressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2001, vol. 81, no. 6, pp. 1058–1069. doi: 10.1037//0022-3514.81.6.1058
14. Nezlek J. B. et al. Ostracism in Everyday Life: The Effects of Ostracism on Those Who Ostracize. *The Journal of Social Psychology*, 2015, vol. 155, pp. 432-451. doi:10.1080/00224545.2015.1062351
15. Wolf W. et al. Ostracism Online: A social media ostracism paradigm. *Behavior Research Methods*, 2014. doi: 10.3758/s13428-014-0475-x
16. Gooley S.L. et al. Ostracizing for a Reason: A Novel Source Paradigm for Examining the Nature and Consequences of Motivated Ostracism. *The Journal of Social Psychology*, 2015, vol. 155, pp. 410–431. doi:10.1080/00224545.2015.1060933
17. Over H., Carpenter M. Priming third-party ostracism increases affiliative imitation in children. *Developmental Science*, 2009, vol. 12., no. 3, pp. 1–8. doi: 10.1111/j.1467-7687.2008.00820.x
18. Pfundmair M. Ostracism promotes a terroristic mindset. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2018, pp. 1–15. doi: 10.1080/19434472.2018.1443965
19. Tindall I. et al. Psychological flexibility and ostracism: Experiential avoidance rather than cognitive fusion moderates distress from perceived ostracism over time. *Journal of Contextual Behavioral Science*, 2018. doi: 10.1016/j.jcbs/2018/02/001
20. Chen Z. et al. Rejecting another pains the self: The impact of perceived future rejection. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2014, vol. 50, pp. 225–233. doi: 10.1016/j.jesp.2013.10.007
21. Ren D., Wesselmann E.D., Williams K.D. Hurt people hurt people: ostracism and aggression. *Current Opinion in Psychology*, 2018, vol. 19, pp. 34–38. doi: 10.1016/j.copsy.2017.03.026
22. Schaafsma J., Williams K. D. Exclusion, intergroup hostility, and religious fundamentalism. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2012, vol. 48, pp. 829–837. doi: 10.1016/j.jesp.2012.02.015
23. Schneider F.M. et al. Social media ostracism: The effects of being excluded online. *Computers in Human Behavior*, 2017, vol. 73, pp. 385–393. doi: 10.1016/j.chb.2017.03.052
24. Gilman R. et al. Validation of the Ostracism Experience Scale for Adolescents. *Psychological Assessment*, 2012, vol. 25, no. 2, pp. 319–330. doi: 10.1037/a0030913
25. Kassner M.P. et al. Virtually Ostracized: Studying Ostracism in Immersive Virtual Environments. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2012, vol. 12, no. 8, pp. 399–403. doi: 10.1089/cyber.2012.0113
26. Waldeck D. Qualitative Research with Participants Suffering From Ostracism: A Practical Guide For the Novice Researcher. *The Qualitative Report*, 2017, vol. 22, no. 7, pp. 1744–1758. URL:<http://nsuworks.nova.edu/tqr/vol.22/iss7/1> (accessed 22.01.2018)

27. Wesselmann E.D., Bagg D., Williams K.D. «I feel your pain»: the effects of observing ostracism on the ostracism detection system. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2009, vol. 45, no. 6, pp. 1308–1311. doi: 10.1016/j.jesp.2009.08.003
28. Wesselmann E.D., Ren D., Williams K.D. Motivations for responses to ostracism. *Frontiers in Psychology. Cognitive Science*, 2015, vol. 6, pp. 1–5. doi: 10.3389/fpsyg.2015.00040
29. Wesselmann E.D., Williams K.D., Hales A.H. Vicarious ostracism. *Frontiers in human neuroscience*, 2013, vol. 7, no. 153, pp. 1–2. doi: 10.3389/fnhum.2013.00153
30. Sommer K. L. et al. When silence speaks louder than words: Explorations into the intrapsychic and interpersonal consequences of social ostracism. *Basic and Applied Social Psychology*, 2001, vol. 23, pp. 225–243. doi: 10.1207/S15324834BASP2304_1
31. Williams K. D. Ostracism. *The Annual Review of Psychology*, 2007, vol. 58, pp. 425–452. doi: 10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
32. Williams K. D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. *Advances in Experimental Social Psychology*, 2009, vol. 41, pp. 275–314. doi: 10.1016/S0065-2601(08)00406-1
33. Williams K. D., Nida S.A. Ostracism: Consequences and Coping. *Current Direction in Psychological Science*, 2011, vol. 20, no. 2, pp. 71–75. doi: 10.1177/0963721411402480
34. Williams K. D., Zadro L. Ostracism: On being ignored, excluded, and rejected. In M. R. Leary (Ed.), *Interpersonal rejection*. New York, NY: Oxford University Press, 2001, pp. 21–53. doi: 10.1093/acprof:oso/9780195130157.003.0002
35. Wirth J.H., Bernstein M.J., Leroy A.S. Atimia: A New Paradigm for Investigating How Individuals Feel When Ostracizing Others. *The Journal of Social Psychology*, 2015, vol. 155, pp. 497–514. doi: 10.1080/00224545.2015.1060934
36. Masten C.L. et al. Witnessing peer rejection during early adolescence: neural correlates of empathy for experiences of social exclusion. *Social Neuroscience*, 2010, vol. 5, no. 5–6, pp. 496–507. doi: 10.1080/17470919.2010.490673
37. Wölfer R., Scheithauer H. Ostracism in Childhood and Adolescence: Emotional, Cognitive, and Behavioral Effects of Social exclusion. *Journal Social Influence*, 2013, vol. 8, no. 4, pp. 217–236. doi: 10.1080/15534510.2012.706233
38. Zadro L., Williams K.D., Richardson R. Riding the `O` Train: Comparing the Effects of Ostracism and Verbal Dispute on Targets and Sources. *Group Processes and Intergroup Relations*, 2005, vol. 8, no. 2, pp. 125–143. doi: 10.1177/1368430205051062
39. Zwolinski J. Psychological and neuroendocrine reactivity to ostracism. *Aggressive behavior*, 2012, vol. 38, pp. 108–125. doi: 10.1002/ab.21411

О формах нефизического (психологического) насилия в уголовном законодательстве России

Круковский В.Е.

ФГБОУ ВО Вятский государственный университет, Киров, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2410-8601>, e-mail: Krukovsky@vyatsu.ru

Мосечкин И.Н.

ФГБОУ ВО Вятский государственный университет, Киров, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9724-9552>, e-mail: Weretowelie@gmail.com

Статья посвящена исследованию форм нефизического насилия, закрепленных в статьях Особенной части УК РФ. Основной целью настоящей работы выступало исследование проблем отражения в уголовном законодательстве форм нефизического насилия, ориентированное на разработку рекомендаций по совершенствованию уголовно-правовых норм в сторону повышения их эффективности. Авторами проанализированы положения уголовного законодательства России и материалы судебно-следственной практики, что позволило выявить ряд недостатков. Полученные результаты позволили сделать выводы о том, что наиболее распространенными в законодательстве формами нефизического насилия являются: угроза, принуждение, шантаж, издевательство и оскорбление. По мнению авторов, обман нельзя отнести к разновидностям насилия, поскольку данное явление само по себе моральные страдания потерпевшему не причиняет, а преступления с данным признаком не относятся к насильственным. Кроме того, авторы пришли к выводу о том, что все формы нефизического насилия в уголовном законодательстве не отражены. Авторами предлагается закрепить использование гипноза в качестве квалифицирующего признака в некоторых составах преступления, поскольку это позволит разрешить ряд квалификационных проблем, а также поспособствует правильной индивидуализации и дифференциации наказаний.

Ключевые слова: нефизическое насилие, психологическое насилие, угроза, обман, гипноз, клевета, издевательство, шантаж.

Для цитаты: Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. О формах нефизического (психологического) насилия в уголовном законодательстве России [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 171-182. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100115>

On forms of non-physical (psychological) violence in the criminal legislation of Russia

Vladimir E. Krukovsky

Law Institute, Vyatka State University, Kirov, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2410-8601>, e-mail: Krukovsky@vyatsu.ru

Iliya N. Mosechkin

Law Institute, Vyatka State University, Kirov, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9724-9552>, e-mail: Weretowelie@gmail.com

The article is devoted to the study of forms of non-physical violence stated in the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The main objective is to study the issues of representing the forms of non-physical violence in criminal law, aimed at developing recommendations for improving criminal law to increase its effectiveness. The authors analyzed the provisions of the criminal legislation of Russia and the materials of judicial investigative practice, which made it possible to identify a number of shortcomings. The results led to the conclusion that the most common forms of non-physical violence are: threat, coercion, blackmail, bullying and insult. According to the authors, cheating cannot be related to the variety of violence since the phenomenon itself does not cause moral suffering to the victim, hence, a crime with this attribute is not violent. In addition, the authors conclude that not all forms of non-physical violence are reflected in the criminal law. The authors propose to consolidate the use of hypnosis as a qualifying attribute in some elements of the crime, as this will allow to resolve a number of qualification problems, and will also contribute to the correct particularisation and differentiation of punishments.

Keywords: non-physical violence, psychological violence, threat, cheating, hypnosis, slander, mockery, blackmail

For citation: *Krukovsky V.E., Mosechkin I.N. On forms of non-physical (psychological) violence in the criminal legislation of Russia. Psikhologiya i pravo, 2020. Vol. 10, no. 1. p.171-182. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100115>*

Насильственные преступления являются одними из наиболее опасных среди прочих форм противоправной деятельности, прежде всего, вследствие посягательства на такие важные и зачастую невосполнимые объекты, как жизнь или здоровье. И хотя число таких преступлений не находится на первых местах в структуре преступности, последствия от их совершения весьма существенны.

Проблемы предупреждения насильственной преступности все также остаются актуальными, несмотря на множество принимаемых мер, как в России, так и зарубежных странах. Согласно официальным статистическим сведениям, в 2017 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 2 058 476 преступлений. Категории «насилие» или «насильственная преступность», разумеется, в структуру преступности не включаются, однако информация, имеющая значение для настоящего исследования, может быть подчерпнута из данных по иным преступлениям. Доля преступлений против личности составила около 14%, из них за январь—декабрь 2017 г. было совершено 9738 убийств и покушений на убийства, а также 24 552 эпизода умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. В качестве положительного момента следует отметить тот факт, что по сравнению с предыдущим годом, имеется тенденция к сокращению

количества насильственных преступлений [10]. В то же время отметим, что это не всегда указывает на сокращение реального числа насилия в обществе. Достаточно указать на частичную декриминализацию побоев, статистическим последствием которой следует считать увеличение количества административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.1.1. КоАП РФ. При отсутствии проведенной частичной декриминализации это количество фигурировало бы в данных уголовной статистики.

Довольно острой является проблема противодействия насилию в зарубежных странах. В США, например, согласно исследованиям отдельных авторов, нападения с применением огнестрельного оружия, повлекшие причинение вреда жизни или здоровью нескольким потерпевшим, в среднем происходят каждый день. Кроме того, с 2012 по 2017 г. таких случаев насчитывается более 1500 [26, с. 541—542]. В Канаде, несмотря на снижение общего уровня насилия в семье, число жертв остается достаточно стабильным. В 2016 г. их количество составило 239 на каждые 100 000 населения [16, с. 34—37].

Таким образом, можно отметить общую положительную тенденцию к сокращению числа насильственных преступлений, при сохраняющемся высоком их значении.

Несмотря на обилие различных научных трудов, связанных с изучением разновидностей насилия, в теории уголовного права данное явление разделяют в основном на две категории.

К первой категории следует отнести физическое насилие, которое традиционно отличается большей степенью исследованности. Его формы проявления и последствия реализации носят более явный характер, поэтому такое пристальное внимание науки вполне объяснимо.

Вторая категория изучена в значительно меньшей степени. Следует обратить внимание на тот факт, что даже ее наименование отличается дискуссионностью. Большинство авторов-юристов говорят о «психическом насилии», другие аргументированно называют такое явление «психологическим насилием». Встречается в зарубежной и отечественной литературе и такой, относительно редкий, термин, как «эмоциональное насилие».

В одном из ранее проведенных нами исследований проблем противодействия насилию, на наш взгляд, удалось убедительно доказать необходимость употребления новой конструкции, охватывающей все формы насилия, не относящиеся к физическим [6, с. 103—104]. В связи с этим в настоящей работе в дальнейшем будет использоваться словесная конструкция «нефизическое насилие», поскольку это позволяет охватить большой круг вопросов.

Несмотря на то, что в теории и практике физическое насилие достаточно обоснованно признается более опасным проявлением, нефизическое насилие также не должно оставаться без внимания, поскольку последствия от вышеуказанных посягательств иногда могут быть сопоставимы. Здоровье человека состоит не из автономных, а из взаимосвязанных компонентов, оказывающих влияние друг на друга. Ущерб, наносимый психическому здоровью, может повлиять на физиологию, и наоборот.

Кроме того, развитие способов посягательства в настоящее время не останавливается. Методы погружения в гипнотическое состояние, ранее доступные ограниченному кругу лиц, теперь распространяются в большей степени, что связано с развитием информационного общества. Одним из известных научных достижений является имплантация ложных воспоминаний в мозг мышей, позволяющих им менять отношение к тем или иным явлениям [22, с. 494—495]. Применение таких методов по отношению к человеку может повлечь как положительные, так и негативные последствия, в особенности если применять их будут представители преступности.

Проблемой, которой посвящено настоящее исследование, является не в полной мере корректное отражение форм нефизического насилия в уголовно-правовых нормах. Соответственно, целью работы выступало исследование проблем отражения в уголовном законодательстве форм нефизического насилия, ориентированное на разработку рекомендаций по совершенствованию уголовно-правовых норм в сторону повышения их эффективности.

В научной литературе проблема закрепления видов нефизического насилия в правовых нормах не получила однозначного решения, хотя ее анализ проводился неоднократно. Ряд авторов указывают, что насилие отражается в уголовном законодательстве только в качестве способа совершения преступления [9, с. 164–167]. Другие считают «нефизическое насилие» более содержательной категорией [8, с. 59–60].

Достаточно много трудов посвящено не насилию в целом, а лишь отдельным его видам. Так, например, достаточно подробно проанализированы такие явления, как угроза [12, с. 525–526; 3, с. 14–18], принуждение [5, с. 61–63], жестокое обращение [7, с. 142–143], гипноз [11, с. 210–211] и другие.

Среди зарубежных авторов значительное число исследований в последнее время посвящено нефизическому насилию в киберпространстве [23, с. 27; 24, с. 136; 25]. В особенности авторы сосредоточены на правовых мерах противодействия кибербуллингу — издевательствам и унижениям, которые совершаются посредством сети Интернет [17, с. 1–7]. При этом одними учеными предлагается применять действующее законодательство, в то время как другие настаивают на принципиально новых решениях [21]. Затрагиваются правовые проблемы создания и распространения порнографических изображений людей в целях причинения им психических страданий [20, с. 397]. Большой интерес также представляет работа, посвященная исследованию киберсталкинга, т. е. преследованию одним человеком другого через Интернет. Авторы отмечают, что законодательство не отражает отношение людей к данному явлению, которые часто воспринимают его как угрозу [18, с. 83–84].

Действующее отечественное уголовное законодательство в статьях Особенной части содержит запреты на осуществление нескольких различных проявлений нефизического насилия. Анализ положений Особенной части УК РФ позволил определить частоту закрепления того или иного проявления нефизического насилия с отражением полученных данных в табл. 1 и диаграмме (рис. 1).

Таблица 1

Формы нефизического насилия в статьях Особенной части УК РФ

Форма нефизического насилия	Статьи Особенной части УК РФ	Общее количество статей, содержащих данную форму нефизического насилия
Угроза	110, 119, 120, 126, 127.1, 127.2, 131, 132, 133, 139, 141, 142, 144, 148, 149, 150, 151, 151.2, 161, 162, 163, 166, 170.1, 178, 179, 183, 185.5, 203, 205, 211, 221, 226, 227, 229, 230, 230.1, 240, 241, 244, 282, 283.1, 286, 296, 302, 309, 313, 318,	52

	321, 322, 330, 333, 361	
Принуждение	120, 141, 142, 144, 147, 149, 179, 184, 185.5, 240, 283.1, 302, 309, 333	14
Шантаж	127.2, 133, 185.5, 230.1, 283.1, 302, 304, 309	8
Издевательство	107, 111, 112, 113, 302, 335	6
Оскорбление	107, 113, 297, 319, 336	5
Жестокое обращение	110, 156, 356	3
Унижение	110, 282, 335	3
Клевета	128.1, 298.1,	2
Причинение психических страданий	117	1

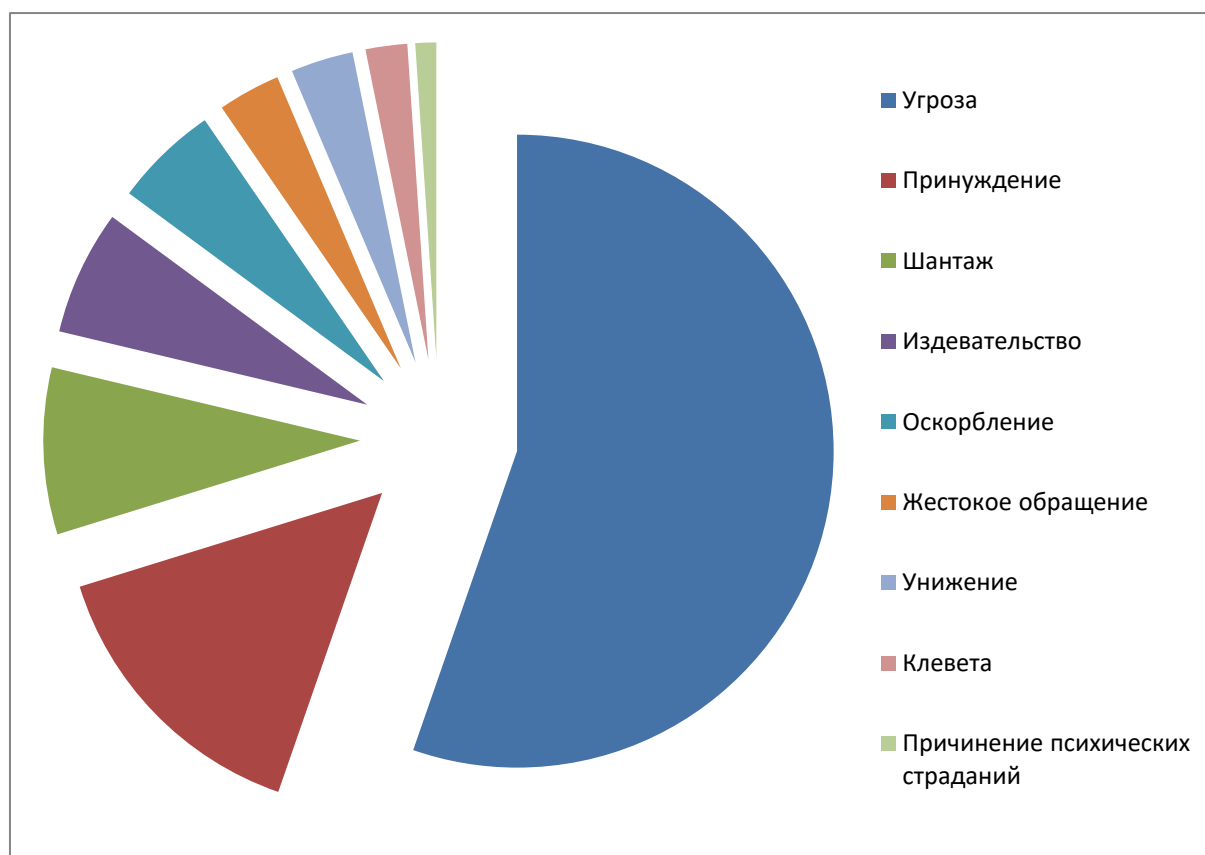

Рис. 1. Соотношение форм нефизического насилия в статьях Особенной части УК РФ

Анализ диспозиций показывает, что в большинстве случаев в качестве конструктивных или квалифицирующих признаков предусмотрена угроза. При этом содержание угрозы достаточно дифференцировано. Чаще всего УК РФ запрещает угрозу насилием, например, в статьях 119, 126, 131 УК РФ и других. Это вполне логично, поскольку реализуется такая форма насилия достаточно

просто для виновного лица и в действительности потенциально может подкреплять массу преступлений.

Близким по смыслу является содержание угрозы уничтожением или повреждением имущества. Объективно такая форма характеризуется меньшей степенью общественной опасности, в связи с чем указанный признак встречается лишь в некоторых преступлениях, предусмотренных, например, статьями 142, 163 УК РФ и других.

Еще реже в уголовном законодательстве встречается угроза распространения каких-либо сведений (ст. 163, 179 УК РФ). В то же время необходимо отметить, что если указанные сведения носят ложный характер и могут негативно сказаться на чести, достоинстве или репутации другого лица, то их распространение само по себе уже является противоправным деянием, предусмотренным ст. 128.1 УК РФ. Наличие такого состава преступления объясняет достаточно редкое использование угрозы распространения сведений в качестве конструктивных или квалифицирующих признаков.

Кроме того, в ряде диспозиций слово «угроза» употребляется без уточнения содержания. Это позволяет сделать вывод о том, что в таких случаях уголовное законодательство запрещает угрожать чем-либо, в том числе насилием, уничтожением или повреждением чужого имущества, распространением сведений и т. п. В качестве примера можно привести, составы преступления, предусмотренные статьями 150 и 151.2 УК РФ.

Исходя из вышеизложенного, считаем возможным согласиться с мнением Е.Н. Бархатовой о том, что содержанием угрозы является воздействие на психическую деятельность потерпевшего путем сообщения ему сведений о совершении нежелательных для него или близких ему лиц действий [1, с. 23].

Следующей по распространенности закрепления в уголовном законодательстве формой является «принуждение», которое встречается в четырнадцати статьях. Принуждение и угроза имеют совпадающие признаки, что в некоторых случаях подтверждается актами Верховного Суда РФ. Так, в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» уточнено, что нарушение изобретательских или патентных прав путем принуждения к соавторству может заключаться в оказании воздействия любым способом (в том числе посредством насилия, угроз наступления неблагоприятных для потерпевшего последствий).

В связи с этим некоторым учеными утверждается, что угроза является единственно возможным проявлением психического (нефизического) насилия. На наш взгляд, принуждение и угроза все же соотносятся как целое и часть, т. е. принуждение включает в себя угрозу или иные действия, тогда как угрожать можно насилием или иными нежелательными действиями, но не принуждением.

Кроме того, отметим, что определение сущности данной формы нефизического насилия сложнее, чем кажется на первый взгляд, поскольку, как правильно указывает С.В. Шевелева, законодатель вкладывает в термин «принуждение» различные смыслы, в том числе путем отнесения данного явления к самостоятельным составам преступления, способам их совершения или к обстоятельствам, исключающим преступность деяния [13, с. 171—172].

В качестве следующей формы нефизического насилия, закрепленной в УК РФ, следует назвать шантаж, который имеет много общего, как с угрозой, так и принуждением, рассмотренными выше. При отсутствии легального определения такой формы, в теории отечественного и зарубежного уголовного права выделяют, в целом, общие черты содержания

данного явления. Так, например, Ю.А. Никитин подчеркивает, что шантаж является способом совершения преступления, при котором высказывается угроза распространения определенных в законе сведений о потерпевшем или его близких [4, с. 63—64].

В зарубежной литературе высказывается похожее мнение. В частности, авторы под шантажом понимают незаконное требование платы или оказания услуг под угрозой распространения информации [15].

Следующим по распространенности проявлением насилия является издевательство, выступающее в качестве квалифицирующего признака некоторых составов преступлений против здоровья, правосудия, а также военной службы. Издеательства могут быть реализованы как в физической форме (плевок, пощечина и т. п.), так и в нефизической (запугивание, унижение). Следует отметить, что, как и предыдущие проявления, издевательство может быть выражено в виде угроз. В любом случае для издевательств характерны грубость, цинизм, а их применение указывает на то, что субъект желает, помимо прочего, нанести моральные страдания потерпевшему.

Несмотря на то, что преступление, предусмотренное ст. 130 УК РФ, было декриминализовано, специальные составы все еще предусмотрены уголовным законодательством. В настоящее время наказуемо оскорбление участников судебного разбирательства, представителей власти и военнослужащих. В то же время, оскорбление, но уже по отношению к субъекту преступления, законодатель выделяет в качестве причин возникновения аффекта, в частности, в статьях 107 и 113 УК РФ.

Данное проявление насилия также может быть физическим, а равно нефизическим. В отличие от предыдущих форм, маловероятным представляется оскорбление в виде угрозы, хотя угроза может состоять, в том числе, из оскорблений.

Среди других форм выражения нефизического насилия в уголовном законодательстве упоминаются жестокое обращение, унижение и причинение психических страданий.

Неоднозначно в теории уголовного права решается вопрос об отнесении к проявлениям насилия обмана и клеветы. Клевета, безусловно, относится к приемам психологического воздействия, хотя ее насильственные признаки не всегда очевидны. Действительно, данное противоправное деяние редко связано с непосредственным воздействием на психику потерпевшего. Субъект преступления в первую очередь стремится изменить оценку личности жертвы со стороны других лиц, сообщая им ложные сведения.

Однако полагаем возможным согласиться с позицией М.С. Фокина и В.Е. Дворцова относительно того, что многократное распространение клеветы как компонента травли потерпевшего можно отнести к нефизическому насилию, выраженному в форме систематического унижения чести и достоинства [2, с. 270—271].

Что касается обмана, то и это явление, думается, не тождественно насилию, поскольку моральные страдания потерпевшему причиняет не сам обман, а, например, ущерб от потери имущества при мошенничестве. В том случае, если совершаются заведомо ложный донос, заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод, становится не вполне понятным, над кем совершается насилие? Над следователем, дознавателем или судом? Думается, ответ будет отрицательным, в то время как без обмана такие преступления, безусловно, не совершаются.

Несмотря на довольно дифференцированный спектр форм проявления нефизического насилия, закрепленных в уголовном законодательстве, думается, что он остается неполным.

Например, существенные затруднения в квалификации и оценке общественной опасности вызывали преступления, совершаемые с использованием гипноза или в состоянии транса. Гипнозу уделялось и уделяется достаточно много внимания в научной литературе, но, как утверждают ученые, данное явление все еще остается недостаточно изученным. Встречаются в том числе и утверждения о том, что гипноза вовсе не существует, несмотря массу приводимых в литературе доказательств обратного [19, с. 510].

Что же касается уголовно-правовых отношений, то имеется немало установленных фактов использования гипноза в преступных целях. В настоящее время такие случаи также встречаются, хотя, по сравнению с иными способами совершения противоправных актов, относительно редко.

Например, как следует из приговора Ленинского районного суда г. Уфы от 10.05.2017 по делу № 1-18/2017, Ф.Д.Х. была признана виновной в создании некоммерческой организации «Орда», посягающей на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ). Ф.Д.Х. заставляла потерпевших участвовать в мероприятиях религиозного объединения посредством введения в транс. Как подтверждается, в том числе заключением клиничко-психопатологического исследования, представленные на видео и аудио записях обряды содержат признаки психологического воздействия в виде внушения и применения психотехнологий манипулирования сознанием людей. Эти методы психологического воздействия могут оказать негативное влияние на здоровье человека, спровоцировать дезадаптивное состояние, даже психическое расстройство¹.

Гипноз чаще всего используется при посягательствах на отношения собственности, а также жизнь и здоровье. При этом не в полной мере ясно, к какой разновидности насилия его отнести, да и является ли данное явление насилием в принципе или же просто способом воздействия?

Поскольку в теории уголовного права в контексте толкования содержания статьи 40 УК РФ традиционно считается, что к физическому принуждению относятся случаи принудительного употребления медикаментозных средств, то, думается, что и введение в состояние транса с помощью различных веществ (например, теопентала натрия), также следует относить к физическим воздействиям. Во всех же остальных случаях гипноз представляется относить только к нефизическим воздействиям.

Что касается определения принадлежности к проявлениям насилия, то, думается, это возможно, правда с учетом конкретных действий при введении в состояние транса. Если с помощью гипноза лицо заставляют предпринять действия, противоречащие его воле, и характер которых он осознает (к примеру, навредить себе или другим, отдать имущество), то налицо все признаки насилия.

В ином случае с помощью гипноза изменяют восприятие человека, после чего некоторые явления воспринимаются им иначе. Так, например, в состоянии транса и после соответствующего внушения лицо может воспринимать передаваемые им листы бумаги как настоящие банкноты, находящиеся в обращении. В такой ситуации имеется значительное сходство с обманом, который, как мы указали выше, не тождественен насилию.

Изучение судебно-следственной практики, необходимо отметить, показывает, что в основном имущественные преступления с использованием гипноза квалифицируются как мошенничество. Следовательно, гипноз приравнивается к обману. Конечно, доказать факт введения в заблуждение легче, чем воздействие на психику, что сказывается на результате квалификации, тем не менее, игнорировать показатели правоприменения не следует.

¹ Из материалов уголовного дела №1-18/2017 по обвинению Ф.Д.Х. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 293 УК РФ // Ленинский районный суд г. Уфы.

Если использование гипноза в преступлениях против собственности было бы признано насилием, то содеянное в практике квалифицировалось бы как грабеж или разбой, в зависимости от возможных последствий для здоровья. Тем более что насильственный гипноз исключать не следует, ведь при введении в транс имущество может изыматься не путем введения в заблуждение, а прямыми командами на передачу вещи и, допустим, вызовом амнезии. В пользу возможности такого развития событий говорят как отдельные научные изыскания [14, с. 790—791], так и зарубежное законодательство [1, с. 52—58].

Таким образом, на наш взгляд, гипноз может выступать как в качестве акта проявления насилия (физического и нефизического), так и в качестве ненасильственного психологического воздействия. Учитывая тот факт, что ряд хищений, преступлений против жизни и здоровья и даже против общественной нравственности могут быть совершены с использованием гипноза, представляется возможным ввести в соответствующие статьи Особенной части УК РФ данный признак. Основываясь на том, что такая форма воздействия повышает общественную опасность преступления, признак должен характеризовать квалифицированные составы преступлений. Закрепление признака, связанного с использованием гипноза, позволит разрешить ряд существующих квалификационных проблем, например, возникающих по поводу разграничения грабежа и мошенничества.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Обман не является разновидностью насилия, поскольку сам по себе моральные страдания потерпевшему не причиняет. Данная позиция находит отражение в уголовно-правовых нормах, поскольку деяния, составляющей которых является обман, к насильственным не относятся (например, мошенничество или заведомо ложный донос). В то же время обман, безусловно, является формой психологического воздействия.

2. Уголовное законодательство не содержит всех форм общественно опасного нефизического насилия, в том числе гипнотического. Представляется необходимым закрепить использование гипноза в качестве квалифицирующего признака в некоторых составах преступления. Дополнение таким признаком возможно, например, в составах, предусмотренных следующими статьями: 110, 110.1, 111, 112, 115, 120, 131, 132, 150, 151, 151.2, 159, 161 УК РФ и др.

Совершенствование закона вышеуказанным способом позволит разрешить ряд квалификационных проблем, например, возникающих по поводу разграничения грабежа и мошенничества. Кроме того, учет использования гипноза поспособствует правильной индивидуализации и дифференциации наказаний.

Литература

1. Бархатова Е.Н. Преступления против собственности, совершаемые с применением психического насилия: дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. 170 с.
2. Дворцов В.Е., Фокин М.С. К вопросу об уголовно-правовом определении психического насилия // Вестник ТОГУ. 2013. № 2(29). С. 269—274.
3. Жигай А.А., Антропова О.И. Проблемы понятия и признаков угрозы в уголовном законодательстве // Юридический факт. 2017. № 13. С. 14—18.
4. Игнатов А.Н. О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 4 (37). С. 59—65.
5. Ключенко Л.Н. Психическое принуждение как преступление // Уголовное право. 2014. № 5. С. 61—63
6. Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. Нефизическое насилие в уголовном праве: понятие и признаки // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 89—104.

7. *Нагорная И.И.* Жестокое обращение с ребенком как оценочное уголовно-правовое понятие // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 142—154.
8. *Никитин Ю.А.* Содержание шантажа: вопросы теории и практики // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3 (32). С. 61—64.
9. *Павлова А.А., Корякина З.И.* Психическое насилие как способ совершения преступления // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. 2014. Т. 11. № 6. С. 164—167.
10. Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/> (дата обращения: 02.10.2018).
11. *Семенова Д.А.* Гипноз как вид психического принуждения в уголовном праве // Вестник Югорского государственного университета. 2015. № S3-2(38). С. 210—211.
12. *Субочев В.А., Волкова Н.А.* Различные подходы к определению понятия и признаков «угрозы» в уголовном праве // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 5(13). С. 525—526.
13. *Шевелева С.В.* О способах юридической фиксации преступного принуждения в уголовном законодательстве // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 1(70). С. 171—176.
14. *Abadi F. H., Fard A. I.* Robbery by Hypnosis // International Research Journal of Applied and Basic Sciences. 2013. № 6. P. 788—793.
15. Blackmail [Электронный ресурс] / Huebner B. [et al.]. New York: Oxford University Press. Available at: [http://www.research.lancs.ac.uk/portal/en/publications/blackmail\(a9e7a245-f86b-4fca-a041-195b1cfab133\).html](http://www.research.lancs.ac.uk/portal/en/publications/blackmail(a9e7a245-f86b-4fca-a041-195b1cfab133).html) doi: 10.1093/OBO/9780195396607-0199 (Дата обращения 02.10.2018).
16. *Burczycka M., Conroy S.* Family violence in Canada: A statistical profile, 2016 [Электронный ресурс] // Juristat. 2018. Iss. 2018001. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/catalogue/85-002-X201800154893> (Дата обращения 01.10.2018).
17. *Cartwright B. E.* Cyberbullying and cyber law // IEEE International Conference on Cybercrime and Computer Forensic (ICCCF). Vancouver, BC, Canada, 12-14 June 2016. Vancouver, Canada: IEEE, 2016. P. 1—7.
18. *DeMatteo D., Wagage S., Fairfax-Columbo J.* Cyberstalking: are we on the same (web) page? A comparison of statutes, case law, and public perception // Journal of aggression, conflict and peace research. 2017. Т. 9. №. 2. P. 83—94.
19. *DePiano F., DePiano D.* Investigative Uses of Hypnosis // Handbook of Behavioral Criminology / Ed. Van Hasselt. Cham: Springer, 2017. P. 501—515.
20. *Henry N., Powell A.* Sexual violence in the digital age: The scope and limits of criminal law // Social & Legal Studies. 2016. Т. 25. №. 4. P. 397—418.
21. *Hinduja S., Patchin J. W.* Cyberbullying legislation and case law: Implications for school policy and practice [Электронный ресурс] // Cyberbullying Research Center. 2015. URL: <https://www.cyberbullying.org/cyberbullying-legal-issues.pdf> (Дата обращения 02.10.2018).
22. *Lavilléon G., Lacroix M.M., Rondi-Reig L., Benchenane K.* Explicit Memory Creation During Sleep Demonstrates a Causal Role of Place Cells in Navigation // Nature Neuroscience. 2015. № 18. P. 493—495.
23. *Owen T., Noble W., Speed F. C.* Biology and Cybercrime: Towards a Genetic-Social, Predictive Model of Cyber Violence // New Perspectives on Cybercrime. Palgrave Macmillan, Cham, 2017. P. 27—44.
24. *Pereira F., Spitzberg B. H., Matos M.* Cyber-harassment victimization in Portugal: Prevalence, fear and help-seeking among adolescents // Computers in Human Behavior. 2016. Т. 62. P. 136—146.
25. *Peterson J., Densley J.* Cyber violence: What do we know and where do we go from here? // Aggression and violent behavior. 2017. Т. 34. P. 193—200.

26. *Swanström, L.L., Park, A.* Social violence: Time to Innovate // *Surgical Innovation*. 2017. Vol. 24 (6). P. 541—542. doi:10.1177/1553350617744044

References

1. *Barhatova E.N.* Prestupleniya protiv sobstvennosti, sovershaemye s primeneniem psikhicheskogo nasiliya: dis. ... kand. jurid. nauk. [Crimes against property committed with the use of mental violence. Ph. D. (Law) diss.]. Omsk, 2014. 170 p.
2. *Dvorcov V.E., Fokin M.S.* K voprosu ob ugovolno-pravovom opredelenii psikhicheskogo nasiliya [On the issue of the criminal law definition of mental violence]. *Vestnik TOGU [Bulletin of PNU]*, 2013, no. 2, pp. 269—274. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. *Zhigay A.A., Antropova O.I.* Problemy ponyatiya i priznakov ugrozy v ugovolnom zakonodatel'stve [Problems of the concept and signs of a threat in criminal law] // *yuridicheskiy fakt [Legal fact]*. 2017, no 13. pp. 14—18. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. *Ignatov A.N.* O nasilii, y ego vidakh i ikh ugovolno-pravovom otrazhenii [On Violence, its Types and Their Legal Interpretation] // *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia]*. 2016, no 4 (37). pp. 59—65.
5. *Klochenko L.N.* Psikhicheskoye prinuzhdeniye kak prestupleniye [Mental coercion as a crime] // *Ugovolnoye pravo [Ugovolnoye Pravo Journal]*. 2014, no 5. pp. 61—63
6. *Krukovskiy V.E., Mosechkin I.N.* Nefizicheskoe nasilie v ugovolnom prave: ponjatie i priznaki [Nonphysical Violence in Criminal Law: Definition and Signs]. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly jekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*, 2017, no 3, pp. 89—104. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. *Nagornaya I.I.* Zhestokoye obrashcheniye s rebenkom kak otsenochnoye ugovolno-pravovoye ponyatiye [Child abuse as estimating concept of criminal law] // *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly jekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2017, no 2. pp. 142—154.
8. *Nikitin Ju. A.* Coderzhanie shantazha: voprosy teorii i praktiki [The content of blackmail: questions of theory and practice]. *Vestnik Omskoj juridicheskoy akademii [Vestnik of the Omsk Law Academy]*, 2016, no 3 (32), pp. 61—64.
9. *Pavlova A.A., Koryakina Z.I.* Psikhicheskoye nasiliye kak sposob soversheniya prestupleniya [Mental abuse as a way to commit a crime] // *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova [Vestnik of North-Eastern Federal University]*. 2014, T. 11. no 6. pp. 164—167.
10. Sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Elektronnyi resurs]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/> (Accessed 02.10.2018).
11. *Semenova D.A.* Gipnoz kak vid psikhicheskogo prinuzhdeniya v ugovolnom prave [Hypnosis as a type of mental coercion in criminal law] // *Vestnik yugorskogo gosudarstvennogo universiteta [Yugra state university bulletin]*. 2015, no S3-2 (38). pp. 210—211.
12. *Subochev V.A., Volkova N.A.* Razlichnyye podkhody k opredeleniyu ponyatiya i priznakov "ugrozy" v ugovolnom prave [Different approaches to the definition of the concept and signs of "threat" in criminal law] // *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i razrabotki [Modern research and development]*. 2017, no 5 (13). pp. 525—526.
13. *Sheveleva S.V.* O sposobah juridicheskoy fiksacii prestupnogo prinuzhdeniya v ugovolnom zakonodatel'stve [On the methods of legal fixation of criminal coercion in criminal law]. *Izvestiya Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestiya of South-West State University]*, 2017, no 1, pp. 171—176.
14. *Abadi F. H., Fard A. I.* Robbery by Hypnosis // *International Research Journal of Applied and Basic Sciences*. 2013. No 6. P. 788—793.

15. Blackmail / Huebner B. [et al.] New York: Oxford University Press. Available at: [http://www.research.lancs.ac.uk/portal/en/publications/blackmail\(a9e7a245-f86b-4fca-a041-195b1cfab133\).html](http://www.research.lancs.ac.uk/portal/en/publications/blackmail(a9e7a245-f86b-4fca-a041-195b1cfab133).html) doi: 10.1093/OBO/9780195396607-0199 (Accessed 02.10.2018).
16. *Burczycka M., Conroy S.* Family violence in Canada: A statistical profile, 2016 // *Juristat*. 2018. Iss. 2018001. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/catalogue/85-002-X201800154893> (Accessed 01.10.2018).
17. *Cartwright B. E.* Cyberbullying and cyber law // IEEE International Conference on Cybercrime and Computer Forensic (ICCCF). Vancouver, BC, Canada, 12-14 June 2016. Vancouver, Canada: IEEE, 2016. P. 1–7.
18. *DeMatteo D., Wagage S., Fairfax-Columbo J.* Cyberstalking: are we on the same (web) page? A comparison of statutes, case law, and public perception // *Journal of aggression, conflict and peace research*. 2017. T. 9. №. 2. P. 83–94.
19. *DePiano F., DePiano D.* Investigative Uses of Hypnosis // *Handbook of Behavioral Criminology* / ed. Van Hasselt. Cham: Springer. 2017. P. 501–515.
20. *Henry N., Powell A.* Sexual violence in the digital age: The scope and limits of criminal law // *Social & Legal Studies*. 2016. T. 25. №. 4. P. 397–418.
21. *Hinduja S., Patchin J. W.* Cyberbullying legislation and case law: Implications for school policy and practice // *Cyberbullying Research Center*. 2015. Available at: <https://www.cyberbullying.org/cyberbullying-legal-issues.pdf> (Accessed 02.10.2018).
22. *Lavilléon G., Lacroix M.M., Rondi-Reig L., Benchenane K.* Explicit Memory Creation During Sleep Demonstrates a Causal Role of Place Cells in Navigation // *Nature Neuroscience*. 2015. No 18. P. 493–495.
23. *Owen T., Noble W., Speed F. C.* Biology and Cybercrime: Towards a Genetic-Social, Predictive Model of Cyber Violence // *New Perspectives on Cybercrime*. Palgrave Macmillan, Cham, 2017. P. 27–44.
24. *Pereira F., Spitzberg B. H., Matos M.* Cyber-harassment victimization in Portugal: Prevalence, fear and help-seeking among adolescents // *Computers in Human Behavior*. 2016. T. 62. P. 136–146.
25. *Peterson J., Densley J.* Cyber violence: What do we know and where do we go from here? // *Aggression and violent behavior*. 2017. T. 34. P. 193–200.
26. *Swanström, L.L., Park, A.* Social violence: Time to Innovate // *Surgical Innovation*. 2017. Vol. 24 (6). P. 541–542. doi:10.1177/1553350617744044